

Владимир Шнайдер
Герман Шнайдер

Книжная серия
«Имена Алтая»

выпуск пятый

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Ш-76

Редакционный совет:

О. Ф. Гришко, писатель, главный редактор журнала
«Культура Барнаула»; Е. Н. Ишутина, заведующая культурно-
просветительским отделом Алтайского государственного
краеведческого музея; М. В. Кургалина, журналист.

Ш-76 Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Иван Фролов — биографический очерк. — Барнаул

ISBN 000-000-0000

Очерк написан и издан к 100-летию со дня рождения известного сибирского писателя Ивана Ефимовича Фролова 1918–1957 гг.

Все права защищены Законом РФ об авторских и смежных правах.
Перепечатка текста или любой его части без согласования с авторами
запрещена.

ISBN 000-000-0000

© Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Иван Фролов

биографический очерк

Барнаул
ОАО «Алтайский дом печати»
2018

*Светлой памяти
Николая Теодоровича Герцена
посвящается*

Иван Ефимович Фролов ушёл из жизни 5 ноября 1957 года в возрасте 39 лет. Творческий период его жизни — одиннадцать лет, если не брать в расчёт первые публикации в армейских газетах, а вести отсчёт со дня опубликования в газете «Алтайская правда» в 1946 году стихотворения «Моя Кулунда». Но, как известно, деятельность человека измеряется не годами, а делами. Много ли успел сделать Иван Ефимович? Да. Он стал первым на Алтае членом Союза Советских писателей СССР и первым ответственным секретарём Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей. Если бы не его энергия и настойчивость, краевое отделение Союза писателей было бы создано гораздо позже. Он был инициатором многих начинаний в сфере пропаганды художественной литературы. Надеемся, наш очерк позволит судить, много ли сделал Иван Фролов, заслуживают ли внимания его дела. Мы уверены: Иван Ефимович был знаковой фигурой для Алтая, и имя его не должно быть забыто.

Цель нашего очерка ещё и в том, чтобы максимально заполнить белые пятна в биографии Ивана Ефимовича.

Оглавление

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	27
ГЛАВА III	33
ГЛАВА IV	37
ГЛАВА V	50
ГЛАВА VI	109

ГЛАВА I

Родина и семья

Посёлок Песчаный (Колыбелька), в котором родился Иван Фролов, основан переселенцами с Украины. Название этому месту жительства, по всей видимости, дали в честь одноимённого села у речки Колыбелька, впадающей в Дон. Так сказать, в память о малой родине.

Новая Колыбелька расположилась в живописном месте: с одной стороны — озеро Песчаное, с другой — Голенькое, так что кроме земледелия здесь занимались рыбным промыслом. И, что немаловажно для людей, искавших волю, поселение было далеко от зоркого ока власти. До Томска (губернского города) — более пятисот вёрст, до уездного Барнаула — более четырёхсот. Волостное правление, крестьянский начальник и становой пристав в 12 верстах от посёлка. Да и вряд ли Колыбелька имела для власти какой-либо интерес. Основанное в 1910 году поселение было небольшим: 13 дворов (мужчин — 42 души, женщин — 46). С него и барыша-то особого (налога) не взять.¹ Разрослось оно только к 1925 году — дворов в нём стало 58, а душ обоёго пола 291. Самый зажиточный житель имел трёх лошадей, трёх коров, лобогрейку²

¹ Списки населённых мест Сибирского края, округа Западной Сибири, 1928 год. Том I.

² Конная жатка.

и сенокосилку. Из этого можно сделать вывод, что население было бедняцким.

Семья Ефима Тихоновича и Прасковьи Яковлевны Фроловых пришла в посёлок Песчаный в 1912 году из Харьковской губернии. На день приписки семья состояла из 6 человек, а всего же Ефим Тихонович и Прасковья Яковлевна родили (со слов внука Александра Андреевича Фролова) 14 детей. Иван Ефимович в стихотворении «Усадьба в Колыбельке» (1956 г.) и сам подтвердил это. Но в имеющихся документах фигурируют только девять. Это Тихон (1903), Ульяна (1905), Егор (1908), Матрёна (1911), Татьяна (1915), Иван (1918), Александр (1923), Георгий (1927), Андрей (1929). И это объясняется, по-видимому, тем, что детская смертность, как в дореволюционный период, так и в советский — до Великой Отечественной войны, была высока. Если проследить рождаемость и смертность по метрическим книгам до 1918 года (после их не стали вести), то статистика такая: до трети рождённых детей умирали, не дожив и до года. Ещё процентов 15-20 умирали в промежутке от года до трёх.

До революции семья жила бедно. Согласно документам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года, Фроловы имели две коровы и двух телят. Лошади не было. И опять же, если исходить из документов вышеназванной переписи, Ефим Тихонович земледелием не занимался, потому как в графе, в которой указывались свои и наемные работники, поставлены нули. А в разделе о женщинах указана одна работница — Прасковья Яковлевна. Земли у них было 12 десятин, из них под посевом только 3,1 десятина.

Иван Ефимович родился 9 апреля в день Матрёны-настовницы (по народному календарю) в 1918 году. По другим данным (более поздним) он родился 19 апреля. Нам представляется, что это ошибка. Православные люди называли новорожденного в честь святого, в именины которого он родился, ибо тогда верили, что «не имя даётся человеку, а человек даётся имени». 9 апреля имя Иван в святцах есть,

а 19 — нет. И потому родители никак не могли наречь ребёнка именем, не почитавшимся в этот день.

Приступая к работе над очерком, мы понимали, что написать его будет нелегко по ряду объективных причин. Основная и главная причина — поэт появился на свет в маленьком переселенческом сибирском посёлке в год создания нового строя в стране. Что это значит? А вот что. Всё старое сметалось до основания и бездумно. Законы, порядки, уклады, устои, мораль и т. д. и т. п. — всё в отвал. А нового ещё ничего не было создано, да, наверное, и не знали, что и как создавать. И такое неведение продолжалось несколько лет. А в сибирских деревнях, от которых государству кроме хлеба и других сельхозпродуктов ничего не надо было, народ жил «впотьмах» до середины тридцатых годов. Следовательно, практически никаких документов, касавшихся биографии Ивана Фролова, до наших дней не дошло по той простой причине, что их не было. Свидетельство о рождении выдали ему уже в отроческом возрасте, и заполнено оно со слов его родителей. Где, когда, у кого и кем работал — с его слов. Где, когда и какое получил образование — с его слов. А слово, как известно, к делу не пришьёшь. Вот и получается, что белых пятен в биографии Ивана Ефимовича Фролова много.

В основном же биографию поэта исказили авторы и составители различных справочников и энциклопедий. Так, в справочнике «Писатели Алтая» (Барнаул, 1990) читаем: «Родился 19 апреля 1918 года в поселке Колыбелька Красноозерского района Новосибирской области в семье учителя». В одном предложении неправды и несоответствий целый букет. Родился не 19, а 9 апреля, и в семье не учителя, а крестьянина. Не в Новосибирской области, а Барнаульском уезде Томской губернии, и не Красноозёрского района, а Карасукской волости. Волость стала районом только в 1924 году, а Фролов родился в 1918. И в том же 1924 году Карасукский район вошёл в состав Славгородского округа Сибирского края. Позднее, 10 апреля 1933 года, с. Карасук было переименовано в с. Краснозёрское

и вошло в состав Западно-Сибирского края. Далее. 28 сентября 1937 года Краснозёрский район отошёл в состав Алтайского края и только 13 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР (через двадцать шесть лет после рождения Фролова!) был передан в Новосибирскую область. Так что никак Фролов не мог родиться в Краснозёрском районе (кстати, такого района никогда не было и нет в Новосибирской области). Из этого справочника неправда перекочевала во все последующие издания, как на Алтае, так и в других регионах России.

Ошибка в справочнике «Писатели Алтая» тем более досадна, что в книге «Алтайские писатели о современнике» (Барнаул, 1961) авторы И. Казанцев и А. Ореховский (оба лично знавшие Фролова) сообщили: «Родился Иван Ефимович Фролов 9 апреля 1918 года... в семье крестьянина-бедняка». Вот это верно. А внимательный исследователь не мог бы пройти и мимо свидетельства самого Ивана Фролова: «...Я родился в бедной крестьянской семье. В детстве просил милостыню. Из низшего я стал советским писателем ...»³

Вот что писали о Фролове в более поздних изданиях. Один из авторов «Энциклопедии Алтайского края» (Барнаул, 1996 г.) Г.И. Каширцева в томе II стр. 383-384 написала: «ФРОЛОВ Иван Ефимович (1918-1957), поэт, первый на Алтае чл. СП СССР (1950). Род. в пос. Колыбелька Красноозерского р-на Новосибирской обл. в семье учителя. Окончил Томский учительский ин-т (1940). Уч-к Вел. Отеч. войны, акт. сотрудничал во фронтовых газ. После демобилизации работал корр. краевых газ. «Алтайская правда», «Сталинская смена». Первая кн. стихов — «Моя Кулунда» (1950). Автор сб. «О самых простых и скромных» (1952), «В добрый час» (1955), «Хорошо, когда ты нужен» (1956), «Край, в котором мы живем» (1957). Осн. мотив творчества — жизнь сел. тружеников, природа степной Кулунды. Мн. писал для детей (сб. «Хлеб идет», 1953; «Про Надю», 1957). Первый рук. краевой писательской орг-ции (1951-55). Похоронен в Барнауле».

³ КГКУ ГААК Ф Р485, оп. 1, д. 6

Более половины названных фактов не соответствует действительности. И не где-нибудь, а в ЭНЦИКЛОПЕДИИ. Тогда мы решили заглянуть ещё в одну энциклопедию — «Барнаул», подготовленную издательством Алтайского государственного университета и отпечатанную в 2000 году. На странице 318 Г.И. Соколова опубликовала об И. Е. Фролове следующую информацию: «ФРОЛОВ Иван Ефимович (1918–1957), поэт, первый в Барнауле чл. СП СССР (1950). Род. в с. Колыбелька, ныне Красноозерского р-на Новосибирской обл. Окончил Томский учит. ин-т (1940). Участник Вел. Отеч. войны, акт. сотрудничал во фронтовых газ. После демобилизации работал корр. краевых газ. «Алтайская правда», «Сталинская смена». Первая кн. стихов — «Моя Кулунда» (1950). «О самых простых и скромных» (1952), «В добрый час» (1955), «Хорошо, когда ты нужен» (1956), «Край, в котором мы живем» (1957). Осн. мотив тв-ва — село и его люди, природа степной Кулунды. Мн. писал для детей (сб. «Хлеб идет», «Про Надю»). Первый рук. краевой писат. орг-ции (1951–55), один из создателей альманаха «Алтай», Алт. кн. изд-ва». Практически то же самое, что и в энциклопедии края. Поменяли посёлок на село, убрали родителей-учителей и добавили участие в создании альманаха «Алтай» и книжного издательства. Чем ещё больше исказили историю и биографию поэта. Очевидно, что первоначально информация была почерпнута из сборника «Писатели Алтая», откуда неточности стали тиражироваться от издания к изданию.

Каждый, кто знает, что такое история и что есть Истина и Правда, понимает, что в истории имеет значение каждая буква, цифра, знак препинания, не говоря уж о словах, названиях. Орфографическая ошибка легко меняет не только смысл, но суть факта, место события и т.д. В вышеприведённых статьях о Фролове сказано, что он был членом СП СССР. Неправильно. Изначально он был членом ССП СССР — Союза советских писателей СССР. Переименование ССП СССР в СП СССР состоялось только на II Всесоюзном съезде писателей в декабре 1954 года. Кроме того, Г. И. Каширцева пишет: «Род. в пос. Колыбелька Красноозерского р-на Новосибирской обл. в семье учителя». Этот вопрос мы уже

разбирали и выяснили, что Красноозёрского района в Новосибирской области нет и не было.

Далее у Г. И. Каширцевой сказано, что Фролов родился в семье учителя. Каким это вдруг чудесным образом крестьянин Харьковской губернии Ефим Тихонович Фролов, переселившись в Сибирь, стал учителем? Неужели по дороге из Харькова в Сибирь умудрился окончить университет? Во всех переписных документах и волостных книгах он записан крестьянином.

В обоих изданиях сказано, что Фролов *сотрудничал* с фронтовыми газетами. Не совсем верно. Сотрудничал он с ними только первое время службы, а затем стал ШТАТНЫМ военкором! Сотрудничать и быть штатным — это разные понятия.

В конце статьи Каширцева пишет о Фролове: «Первый рук. краевой писательской орг-ции (1951–55)». Во-первых, если точно, то первый ответственный секретарь Алтайского краевого отделения Союза советских писателей, а не *краевой писательской орг-ции*, которой не было. Краевая организация и краевое отделение — это разные по статусу организации. Во-вторых, не с 1951 по 1955, а только по июнь 1953 года. С 6 июня 1953 года ответственным секретарём Алтайского отделения ССП был избран Александр Сергеевич Тресков. Существует протокол № 12 заседания бюро Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей от 6 июня 1953 года, на котором члены бюро освободили тов. Фролова от обязанностей ответственного секретаря краевого отделения ССП (по состоянию здоровья) и избрали нового — Трескова А. С.⁴

Фролов же ответственным секретарём Алтайского отделения ССП с ноября 1951 года был номинально, а фактически — с конца марта 1952. Почему? Поясняем. Решение № 326 Исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся «Об организации Алтайского

⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 8

краевого отделения Союза Советских писателей СССР» было принято 28 апреля 1951 года. Но этим решением ответственный секретарь не назначался. В те годы в плановую экономику страны никто не мог вмешаться в середине года, когда все финансы до копейки были распределены по статьям. Так что только после принятия решения стали думать, за счёт каких штатных единиц можно будет ввести должность ответсекретаря. Это тоже в одночасье не делалось. Все штатные единицы — живые люди, чтобы единицы убрать, их нужно предупредить о предстоящем сокращении за два месяца, как того требовал закон. Нашли, предупредили, сократили. Хорошо. Но это, опять же, необходимо согласовать с Государственной Штатной Комиссией при Совете Министров СССР. В советское время любая бумажка отлёживалась в каждом кабинете не одну неделю. Представляет, сколько на это ушло времени? Все необходимые документы были согласованы, подписаны и утверждены (в том числе и штатное расписание и сметы) только 18 февраля 1952 года.

Кроме того, для избрания ответственного секретаря организации сначала нужно создать саму организацию, а для этого требовалось провести организационное собрание, на котором обязательно должен был присутствовать представитель Союза Советских писателей. 10 мая 1951 года заместитель заведующего отдела кадров ССП СССР Н. Жданова уведомила И. Фролова, что для проведения организационного собрания писателей Алтайского края в ближайшие месяцы будет послан представитель ССП СССР.⁵

«Ближайшим» месяцем оказался...ноябрь! Представитель смог прибыть только в начале ноября 1951 года, о чём Фролов и уведомил Союз Советских писателей 5 ноября 1951 года: «... Недавно меня избрали ответственным секретарём Алтайского отделения Союза советских писателей СССР...»⁶ Но и это ещё не всё. Избрать-то избрали, а финансового фонда для

⁵ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 8

оплаты ставки не было, как не было счёта в банке, печати, доверенности. Во второй половине декабря 1951 года И. Фролов написал в ССП, что получил Устав ССП и доверенность. «... На днях откроем в Госбанке счет... Составлен перспективный годовой и квартальный план работы отделения. Сегодня его утвердим на бюро. Горисполком выделил нам пару хороших комнат в помещении Горпарткабинета. Это в самом центре города, рядом с редакциями Краевых газет и издательством...»⁷ В это же время Фролов обратился к начальнику краевого управления милиции за разрешением на изготовление штампа и печати для отделения ССП. И получилась осечка, потому как его обращение, без визы крайисполкома, даже к рассмотрению не было принято — кто такой Фролов?

Так что можно считать, что И. Е. Фролов стал полноправным ответственным секретарём Алтайского отделения ССП только с марта 1952 года, а до этого он был заместителем председателя краевого литературного объединения и собкором «Алтайской правды». С января и до начала июня 1953 года он считался ответственным секретарём номинально.⁸

Теперь поправим ошибки в статье Г. И. Соколовой в энциклопедии «Барнаул». В сущности, те же самые что и у Каширцевой, но есть и две новые. В конце статьи написано, что И. Е. Фролов «... один из создателей альманаха «Алтай», Алт. кн. изд-ва». Ни в коем разе не нужно этому верить. Когда создавался альманах «Алтай»? Конец 1946 года — начало 1947, а первый номер подписан в печать 28 июля 1947 года. Чтобы в этом убедиться, необходимо поработать с фондами № 138, 78, РЛ228, 485 КГКУ ГААК. А где и кем в это время был Иван Фролов? За пределами Барнаула. С осени 1945 года и по июль 1947 — в Славгороде, а с 21 июля 1947 — в Ойротии,⁹ и всего лишь собкором

⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 7

⁸ КГКУ ГААК ф. Р485, оп.2, д.2

⁹ Уведомление редакции газеты «Алтайская правда» от 21.07.947 г. в Ойротский Обком ВКП(б)

газеты «Алтайская правда». Об этом также можно узнать из архивных документов КГКУ ГААК. Основное участие в создании альманаха принимали работники отдела идеологии крайкома КПСС, а помогли им, в основном, сотрудники газеты «Алтайская правда». Конкретно: Семён Макаров (заместитель ответственного редактора газеты «Алтайская правда») — очень хороший организатор, А. Сотников, М. Юдалевич. Фролов же принял участие только в качестве одного из авторов. А уж об участии в создании Алтайского книжного издательства и вообще речи нет. Такие предприятия создавались волей и решением КПСС региона (с позволения Центра), которая о существовании Ивана Фролова ещё не знала. А тех, кого можно было привлечь к созданию книжного издательства, оказалось и без него предостаточно. Кстате, первым главным редактором издательства был назначен Алексей Ефимович Сотников — офицер запаса, журналист с многолетним стажем, имел высшее образование и опыт издательского дела.

Следующее. В справочнике «Писатели Алтая» (Барнаул, 1967 г.) на стр. 81 Ивану Фролову приписали стихотворение «Пастух» — напечатано в сборнике «Мне двадцать лет» (Барнаул, АКИ, 1960. Ред. М. Юдалевич). Автор этого стихотворения — Александр Фролов, житель Чесноковки (Новоалтайска), всего лишь однофамилец Ивана Фролова. Как-то безответственно у нас пишутся биографии и составляются библиографии...

Ну вот, ошибки энциклопедистов исправлены, можно двигаться далее.

В автобиографии Иван Ефимович писал, что в восемь лет он был отдан родителями в подмастерье к сапожнику и проработал у него до одиннадцати лет. Факт интересный, но вызывает некоторые сомнения. Во-первых, это были годы с 1926 по 1929. По имеющимся в архивах Алтайского края документам именно с 1927 по 1931 год шла волна арестов так называемых эксплуататоров трудового класса. Только в одном Бийске за эти годы было арестовано свыше

пяти тысяч человек. У большинства из арестованных простая формулировка причины ареста — эксплуатировал(а) наёмный труд. И вряд ли какой сапожник решился бы взять к себе подростка в помощники в столь непростое время.

Второе. В 1954 году Иван Ефимович, проживая в Алма-Ате, звал к себе жену, говорил, что они научатся разводить сады, он пойдёт в чернорабочие и будут они жить счастливо. И ни разу в жизни он никому и никогда не сказал, что умеет тачать сапоги. А ведь за три года он этой профессией должен был овладеть если не в совершенстве, то вполне прилично. Сапожник пользовался спросом вплоть до конца шестидесятих годов.

Третье. Как мы уже говорили, по переписи, проведённой в конце 1925 года, общее число жителей Колыбельки составляло 291 человек, из них взрослого — менее 90. Из этого следует, что заказов у сапожника не могло быть много. Если ещё учесть, что население посёлка было небогатым, то сапоги были непозволительной роскошью. А если заказов мало, то для чего мастеру нужен помощник? Лишний рот при отсутствии работы становится обузой.

Четвёртое. В 1926 году Иван в семье был третьим по возрасту мужчиной — 8 лет, и по сельским меркам считался работоспособным. У их семьи было 12 десятин земли и четыре головы скота. Если Ивана отдали в учение, то семья лишилась пары рук. Обработать землю, заготовить корма для четырёх голов, а помимо того запастись дров на зиму — объём работы для двух мужчин очень большой. Прасковья Яковлевна помощницей мужу в то время была слабой, так как ходила беременной Георгием (сын родился весной 1927 года). Так что возникают обоснованные сомнения, что Ефим Тихонович мог отдать Ивана в чужой дом подмастерьем. В зимнее время — возможно. А чтоб на весь год — не верится.

Кто-нибудь скажет: нужда заставила. Хорошо, давайте рассмотрим эту версию. В 1929 году в Колыбельке была открыта начальная трёхлетняя школа, в которую Иван, как

указано в автобиографии, сразу же был отдан и учился до 1934 года. Разве нужда заставляла посылать подростка в школу? Вспомните историю: большинство крестьян считали учёбу пустой тратой времени. Было такое? Было! Именно с 1929 года был введён твёрдый план-задание на сдачу сельхозпродуктов для зажиточных крестьян, а под их разряд местные власти подгоняли многих середняков и бедноту, чтобы выполнить план сдачи. А с 1930 года покатилась по стране вторая волна коллективизации с искоренением крестьянина-середняка, что, в свою очередь, вызвало в стране резкое снижение продовольственных запасов. В марте 1931 года в колхозах ввели трудодни (о которых позже поэт Фролов слагал стихи) и была запрещена частная торговля. А реквизиция зерна 1932 года, вызвавшая голод, — разве это повод для продолжения учёбы в школе? Приходим к выводу, что отдать сына в подмастерья в 1926 году не было нужды.

Ещё одно белое пятно — учёба в школе с 1929 по 1934 год. Обратили внимание, что в 1929 году в Колыбельке была создана начальная трёхлетняя школа? Правильно. Как можно в трёхлетней учиться пять лет? И о какой учёбе четырнадцатилетний парень из многодетной крестьянской семьи мог думать в период всесоюзного голода 1932-1934 годов? Из истории мы знаем, что в селе практически все дети (исключая больных и тщедушных), начиная с 12 лет, шли зарабатывать трудодни. Не исключено, что школу он посещал по возможности, потому и учился вместо трёх лет — пять.

Этапы жизненного пути Ивана Ефимовича с 1934 по 1939 год так же покрыты плотным облаком тайны. Во всех изданиях, где приводится биография Фролова, много путаных сведений. В одних говорится, что после окончания школы в 1934 году он направлялся заведующим Шитинской начальной школы. Но вскоре его перевели в штат районной газеты «На колхозной стройке» и направили в Новосибирск на курсы газетных работников. Осенью

1936 года, после окончания курсов, Иван Фролов якобы получил направление на работу в Красноозёрский район (которого, как мы знаем, никогда не было) ответственным секретарём газеты. В 1937 году Фролов как бы оставил газету, перешел на преподавательскую работу и поступил на литературный факультет томского института. С 1937 по 1938 год он завуч в Романовской школе Красноозёрского (опять!) района, с 1938 по 1939 год — директор школы в селе Орловка того же района.

В других источниках сказано, что Фролов работал преподавателем и заочно с 1937 года учился в Томском учительском институте, который благополучно окончил в 1940 году.

Мы сделали запрос в Томский государственный педагогический университет и были удивлены, когда получили ответ, в котором сказано, что личного дела Фролова в архиве нет. Более того, не оказалось Ивана Ефимовича и в приказах о зачислении в институт.¹⁰ Таким образом, удалось развеять ещё один миф в биографии Ивана Ефимовича. Ещё один факт. Был у Ивана Ефимовича такой пунктик — всю жизнь он скрупулёзно собирал и хранил все связанные со своей жизнью и творчеством документы. Подшивал, подклеивал в альбом и т. д. Но нет среди них документов, даже рукописных, подтверждавших его учёбу на курсах журналистики и работу в районной газете. Нет, конечно, и опровергавших эту легенду.

Упущена была и ещё одна немаловажная деталь. Сказано, что в 1940 году он окончил институт. Как это могло случиться, если он был призван на действительную службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию (далее РККА) весной 1939 года? В те времена из армии на сессии в институты не отпускали, да и времени писать контрольные, курсовые, дипломную работу и читать учебники тоже не было у бойца, принятого в ряды РККА по новой присяге.

---

¹⁰ Справка из Архивного отдела ТГПУ от 18.11.2016 г. № 21-05-57.

Это одно. Другое. Войска наши с апреля 1939 года находились в постоянной боевой готовности по следующим причинам: с 11 мая разгорелся советско-японский конфликт (Халхин-Гол), с 1 сентября началась Вторая мировая война, 17 сентября советские войска начали поход на территорию Польши, затем — 30 ноября — РККА вошла в Финляндию. В 1940 году советские войска были введены в Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. О каком заочном обучении и защите дипломной работы можно вести речь бойцу в такой ситуации? Вывод: не мог Фролов в 1940 окончить институт и получить диплом (следов которого нигде, включая личный архив поэта, найти не удалось).

По поводу работы в газетах и школах родного района также нет никаких подтверждающих или опровергающих документов. Но мы уверены в одном: если бы Фролов работал до войны в школах и газетах, то в районном архиве документы должны были бы сохраниться, так как об учителях и работниках газеты документы в архивах есть, а о Фролове — нет. Значит, с большой долей вероятности можно предположить, что Иван Ефимович кое-что в своей довоенной биографии придумал. Бывает подобное у творческих личностей. Видимо, ему не хотелось указывать, что он был рядовым колхозником, вот он и сочинил легенду о работе в школах, газете и учёбе в институте. Мы не судьи, мы — историки. И, в конце концов, самое важное: кем стал Иван Фролов, а не почему поступил так или иначе.

В архиве есть документ, из которого очевидно, что в 1937 году Иван учился в школе, а не работал — письмо родителей, датированное первым декабря 1937 года.¹¹ В нём отец давал наставление Ивану и Александру, чтоб они учились прилежно, а он поможет им продуктами, когда установится дорога. Обещал, что с первой же оказией отправит посылку.

¹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 159

Не удалось нам найти документальных свидетельств и о службе Фролова в Рабоче-крестьянской Красной Армии и участии в Великой Отечественной войне — документов, подтверждавших дату призыва, род войск, место службы, дату демобилизации и звание. Обо всём этом можно судить только по вырезкам из фронтовых и армейских газет, которые Иван Ефимович вклеил в свой альбом в 1957 году, незадолго до смерти. Нами были сделаны запросы в краевой комиссариат Алтайского края, Новосибирской области — никаких сведений о И.Е. Фролове в них не сохранилось. Нет материалов о Фролове и в военных комиссариатах Кулундинского, Ключевского, Славгородского, Табунского, Бурлинского районов и городов Славгорода и Ярового. Отсутствуют сведения о Фролове в комиссариатах Краснозёрском, Кочковском и Доволенском районах. Так же пусто и в архивной службе Краснозёрского района. Кроме того, нет никаких сведений о службе и участии Фролова в войне и в «Центральном архиве министерства обороны Российской Федерации». Хотя, если Фролов был лейтенантом, как это указывалось в армейских и фронтовых газетах, то информация о нём должна была сохраниться обязательно. На солдат и сержантов были заведены только учётные карточки, которые уничтожались через 25 лет после смерти, а на офицеров заводились личные дела, и они хранятся в ЦХМО РФ. Но на Фролова-то нет! А может быть, сам Фролов что-то запутал? Вполне возможно. В архиве имеется письмо (датировано 3 ноября 1948 года) от брата Андрея, в котором он пишет Ивану, что легенда — это хорошо, но боится, чтоб она потом не открылась и не стало бы ему, Ивану, хуже.¹² Что за легенда, о чём?

Идём далее. За период прохождения службы Иван Фролов вырос из рядового красноармейца до лейтенанта. И служил на многих должностях — фронтовым

¹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 159

корреспондентом газеты «На боевом посту», помощником начальника политотдела Н-ского соединения, был комсорг полка.

Из семьи Фроловых в Великой Отечественной войне приняли участие все братья, кроме самого младшего — Андрея (1929 г.р.). Иван, как уже сказано, был в армии с 1939 года, Егор призван в 1941, Александр в 1942, а Георгий — в 1944.

Александр после окончания войны десять лет работал военным корреспондентом, а после увольнения в запас, окончив факультет журналистики Казахского университета, работал журналистом в районных, областных и городских газетах. Последним местом жительства семьи Александра стал г. Чимкент Казахской ССР.

Георгий, демобилизовавшись, затерялся на необъятных просторах СССР. Связь с Иваном практически не поддерживал, а потому сведений о нём никаких нет.

Егор вернулся в Колыбельку, работал в колхозе. Там же у него произошёл неприятный случай, после которого он отбыл короткий срок наказания.

Андрей, отслужив, вернулся на Алтай и некоторое время жил в Барнауле у Ивана. Возвращаться в родную Колыбельку он, так же, как и старшие братья, не стал. Да и некуда было — отец умер, мать жила у Ивана, родительский дом завалился. Андрей работал корреспондентом разных районных газет. Создав семью, осел в рабочем поселке Благовещенка, где до выхода на заслуженный отдых (пенсию) работал корреспондентом районной газеты «Родная сторона».

Мама Ивана Ефимовича — Прасковья Яковлевна — дожила свой век в семье младшего сына Андрея и умерла в 1965 году в возрасте 86 лет. Похоронена она на кладбище села Степное Озеро Благовещенского района Алтайского края.

Маму Иван Ефимович очень любил. Конечно, все дети любят своих родителей. Но заботятся о них по-разному. В большинстве случаев любят на расстоянии. В деревнях

обычно родители оставались до самой смерти с младшими детьми, которые затем наследовали всё родительское состояние, в чём бы оно ни заключалось. А Иван Ефимович, как мы знаем, был шестым ребёнком. После того, как умер отец и разлетелись из семейного гнезда остальные дети Прасковьи Яковлевны, Иван Ефимович забрал маму к себе в Барнаул, в комнату. Не в однокомнатную квартиру, а именно в комнату. В нескольких квадратных метрах ютились: сам Иван, его супруга Александра (беременная), младший брат Ивана Андрей (недавно демобилизовавшийся) и престарелая Прасковья Яковлевна. Благо, ещё супруга Ивана Ефимовича была человеком любящим и кротким и принимала всех родственников мужа как своих родных. Другая бы жена сказала: — «Сами ютимся на пятачке!» И замучила бы мужа упрёками. Тем более, что к тому времени Александра, несмотря на беременность, была единственным кормильцем в семье (Иван Ефимович с июня 1953 года работал короткими промежутками — месяц, максимум два в год). Андрей, который у них проживал, тоже был уволен и находился в поисках нового рабочего места.

В ноябре 1954 года был такой случай. Младший брат Ивана Александр, проживавший тогда в Нижнеудинске, или попросил у мамы денег, или пожаловался на трудности в жизни. И вот как на это отреагировал Иван Ефимович:

«Здравствуй, дорогой Саша!

Получил твоё письмо, в котором ты пишешь о том, что «наша задача — помочь тебе материально» ...

Мы хорошо понимаем тебя, дорогой! Я пишу в присутствии мамы, которую мы вынуждены были взять к себе, Андрея и Шуры. Мы понимаем тебя, наш любимый, что тебе очень и очень трудно. Ты ведь, наверное, за то, что работаешь, отдаешь по 2000 рублей из неизвестных источников.

Нет, у меня дела значительно лучше. Не беспокойся. Я, разумеется, не получаю ни копейки за свою работу, какую бы не выполнял (всё забирают алименты и взносы), зато я доплачиваю за то, что служу Советскому Союзу по 15-40 рублей в месяц за

то, что я работаю. Я продам кое-что из своих вещей. И мне еще можно продать бельё, костюм и кое-что по мелочи. Так что я сумею уплатить полностью за великое, почетное звание работника Н-ского учреждения!

Другое дело ты. Ты, бедный, разумеется, не можешь уплатить за почетное право работать. И, конечно, тебе дадут определённый срок тюрьмы за то, что ты не уплатил — в отличие от меня — за то, что ты имел честь работать на предприятии.

Ничего. По выходе из тюрьмы за неуплату за почетное звание работника учреждения я обещаюсь сделаться хорошим карманником, чтобы помочь тебе в твоей беде.

Сейчас живём в одной маленькой комнатке я, мама, Андрей, Шура. За квартиру не платили за 4 месяца. Денег, разумеется, ни у кого нет. Но мы работаем, что под забор нас выселят не скоро: через 2 месяца по суду!

Саня!

У меня практическое предложение:

1. Лишить всех ни одного рубля московской бездельнице
2. Заставить немедленно работать всех жён, тёщ и К^о
3. Создать «Материнский фонд» в размерах не менее 400 рублей в месяц. Эти деньги ты должен будешь пересылать ежемесячно в адрес матери (это мой же адрес).
4. Или аттестат — или ежемесячно 400 рублей — или честь или позор
5. Могу напомнить слова, которые мне сказали в Колыбельке наши родственники «Иначе на сынов подам в суд». Я живу, не имея никаких средств к существованию, зато хорошо помню эти слова. Если идти побираться, то вместе с матерью. Зато никто «под суд» не отдаст меня за отвратительное отношение к матери.

Забудь о «заоблачных высях», где можно Земфирам и Венерам «справлять» за 4 000 руб. дохи и проч. Имей в виду, что в Барнауле живёт нищая мать. Из-за благополучия матери я лишился Фаины и Наташи. Из-за благополучия матери ты должен гнать к е... матери всех паразиток!

Ты знаешь, как я тебя люблю. Но ты дол же в состоянии понять, как я ненавижу нечестное отношение к матери,

к близким; любовь к бездельникам и негодьям вроде некоторых офицерских жён (а я бы расстрелял их как врагов народа) Мы будем жить со старушкой-матерью под забором, зато тебя тревожить не будем: разве может сравниться наше весёлое житьё под забором с оптимистической 80-летней матерью с твоим сверхплачевным житьём с трёхсотрублёвойтысячерублевой (если брать всё — ежемесячно) зарплатой.

Я не могу работать (в маленькой комнате), я обречен на творческий застой. Но, чтобы тебе, бедному, помочь, я постараюсь сделаться карманником гораздо раньше, чем ты предполагаешь.

Чем занимается твоя жена?

Да ради мамы — только ради мамы! Я бы убил семь таких жен, если бы ни одна из них не работала для своей семьи! Это подло, гадко, невероятно!

Какие бы ни были недостатки у Шуры, но, чтобы заработать маме на кусок хлеба, она решила ночевать со мной в стоге сена, чтобы только в командировке заработать лишний рубль.

Если ты её не выгонишь к ё... матери или не заставишь её работать, то тебя ждёт материнское проклятье.

Нельзя издеваться над матерью!

Я болен. Я не работаю. Я не получаю ни одного постоянного рубля.

Андрея уволили. Он уезжает. Что же нам — побираться с матерью? Да как же мы с мамой посмотрим тебе в глаза? Тебе трудно. Понимаем. У вас килограмм масла стоит, наверное, 8000 рублей, а у нас меньше — всего только 60 рублей. И вообще у вас там жизнь стоит тысяч 10 в месяц, а у нас, чтобы прокормиться одному человеку, надо не меньше двух тысяч. Жаль тебя, беднягу.

Ты очень образно назвал Мотькину семью «нищими». Мы — не лучше их и гордимся этим.

С приветом твоей Героине Труда — твоей жене, и тебе

Нищие: Иван Фролов, неизвестная тебе Прасковья Фролова, Андрей Фролов, Фролова Шура». ¹³

---

¹³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 161 (орфография и пунктуация сохранены)

Судя по тону письма и неровности почерка, Иван Ефимович писал его в большом волнении. Резкость Александра не обидела, наоборот, он решил помочь старшему и в письме от 3 декабря 1954 года пишет Ивану, чтобы брат Андрей ехал к нему в Нижнеудинск, где он может пристроить его работать в районную газету. В то время Александр уже уволился в запас, работал в районной газете, жена уехала от него обратно в Москву, так что, писал он, Андрей спокойно может жить у него. Но Андрей не захотел покидать Алтай. Тогда Александр принял решение забрать маму к себе. Выдержки из письма Александра:

«Здравствуй дорогой Ваня!

... Теперь насчёт писем матери. Меня удивила твоя щепетильность в этом вопросе. Я пишу письма общие, т. е. тебе, а значит — всем. Не могу же я в одно время отправлять два конверта по одному адресу. Живу я, как всегда, средне, обстановка сейчас не такая уж сложная. Так что нет каких бы то ни было оснований беспокоиться обо мне. Чай, я не маленький!..

Итак, я приеду 20-22 мая. Как видно, мне придется возвращаться с матерью. Сейчас я начинаю вести разговор о получении двух комнат. Но удастся ли мне добиться своего? Постараюсь, конечно...

... Пиши, Ваня, не обижайся.

Привет маме и Шуре. Ваш Александр, 19.04.55 г.»¹⁴

По характеру Иван Ефимович был человек впечатлительный, мнительный и вспыльчивый. Но, несмотря на это, он был любим всеми братьями и сестрами и сам их всех любил и заботился обо всех. К примеру, когда старший брат Егор попал под суд и был осуждён, первым, кто откликнулся и протянул руку помощи, был Иван. Вот письмо от Егора из мест заключения, датированное 8 мая 1949 года:

---

¹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1282 оп. 1, д. 160 (орфография и пунктуация сохранены)

«Здравствуй дорогой и родной брат Иван Ефимович!

Вопервых я получил твое письмо сегодня 8/V49 г. за которое от всего сердца благодарю.

Но я братишка твоим письмом был взволнован что ты болеешь это очень плохое положение. Я советую все бросить, собрать все силы и средства со средоточив, на лечение. Ибо болезнь если не лечит то одна, то другое так быстро выгнуться: Да, и ты очень много думаешь; т. е. умственно работаешь над производением и т. д. больше требуется отдыха тогда легче будет. Ты пишешь что пошлешь посылку за посылку, эту большую для меня помощь я от всей души благодарю. Но я посылку ты не собирал бы лучше ты брат личился за мной меньше беспокоиться. Ты итак мне огромную поддержку сделал первой посылкой. Ище раз по прошу Ваня береги свое здоровье ведь ты дорогой для страны человек настоящего и будущего. Что Фаинка уехала к матери это тоже для тебя убытком является. Скем же ты жевешь? Кто готовит, стирает, моет, и т.-д. Я живу на старом месте здоровее среднее кой куда болею по маленуку но гораздо лучше чем в прошлом ибо первое время я сильно растревался и нервничал от этого неспал, и не кушал думал как? И что? Зачем и т.-д. а теперь стал привыкать но всеже место и часто волнуясь скучаю по всех родных и по воле!

За день вперед твоего письма получил от Саши долгожданное и дорогое письмо. Он пишет: что от мамы писем не получает. Я теперь получаю письма ото всех родных даже и от знакомых. Так вот часто получаю 3-4 сразу и про читаю их несколько раз от скуки.

Я у Саши спросил о том что еслибы устроится там можно, то он категорически протестует. Но меня почти ругает за Ньюру — жену: говорить сударка! Но брат я не потому разошелся сней Ульяной что понравилась эта? И, по тому что жить сней уже нет больше сил. Вплоть дотого дошла что кидалась драться, и т.-д. Да ты пожалуй заметил когда был вотпуску когда я заставлял табак садить. Она же не хотела и Ганя мне да мама пособляли вот все время так я и жил думал она направится но нечего не вышло. А что с этой Ньюрой я женился не случайно, и по намеченому твердому плану но, не много я нетак

сделал и как извесно попал не вхорошей просак. Но Саша мне на счет моей жизни т-е насчет места жительства совместно своими и решения вышлим? Я жду. Если будите ехать вотпуск то обязательно заедте ко мне если придется ночевать то до Мильдановой заходите на квартиру она наша землячка адрес: Ленейный переулк № 2 Мильданова Елена Михайловна. Я живу и работаю в вещь складе немного лучше чем в бараке. Но пока все незнаю тебя письмо это захватит дома либо в бригаде. Но пока все ответ пиши твой брат Егор».¹⁵

Когда у Ивана случалась какая-либо неприятность, родственники тоже старались ему помочь. Так весной 1949 года, видимо, от простуды, у него обострилась хроническая болезнь, и тут же от родственников пошли письма с советами и предложением помощи. Брат Александр предложил финансовую помощь, от имени сестры Моти её дочь выслала рецепт лекарства, а младшая сестра Зоя писала под диктовку мамы, звала его домой, в Колыбельку: «... здесь мы тебя вылечим...»¹⁶

Если у кого-то из родственников случалась радость, то они также непременно делились ею с Иваном. В письме от 8 января 1949 года брат Андрей сообщает, что в ноябре 1948 года он стал членом ВЛКСМ и селькором.¹⁷

Мы уже писали, что после смерти отца и отъезда детей Прасковья Яковлевна переехала к Ивану. Но не навсегда, а только на зиму, весной же возвращалась в Колыбельку — тосковала по родной избушке и сельскому простору. Оставленный без присмотра домик быстро ветшал и разваливался. А место, на котором он стоял, привлекало внимание новых поселенцев, один из которых решил его захватить. 12 апреля 1956 года племянница Ивана Ефимовича Мария известила его, что домик Прасковьи Яковлев-

---

¹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 158 (орфография и пунктуация сохранены)

¹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 158

¹⁷ Там же

ны заваливается, изгородь почти вся попадала и место это застраивает какой-то приезжий мужик. С ним, мол, и по-хорошему, и по-плохому разговаривали, нет, не понимает, строится и всё.¹⁸ Родовое гнездо умирало. И единственный, кто бы мог его спасти от разрушения, был Иван, но ему, к сожалению, оказалось не до того — личные проблемы, о которых мы еще расскажем, захлестнули так, что ни о чём другом он и думать не мог.

Г Л А В А II

Личная жизнь

Личная жизнь Ивана Ефимовича никогда и нигде не освещалась. И потому к началу XXI века, когда почти все его современники ушли из жизни, сложилось мнение, что официальной семьи у него не было. А гражданская супруга, вскоре после его смерти, уехала из Барнаула. Родные братья и сёстры разъехались по стране, за его могилой некому стало ухаживать, и она со временем сровнялась с землёй так, что теперь никто не знает, где она была. Но в этих рассуждениях нет правды. Внимательный исследователь всегда докопается до истины. А она в том, что была у Ивана Ефимовича законная жена, мы уже упоминали её — Александра Ивановна Герасимова. И брак этот для него был счастливым — преданная и терпеливая супруга 26 мая 1955 родила дочь Надю. Ну, не будем заходить вперёд, давайте обо всём по порядку.

У одарённой личности жизнь творческая и личная плотно переплетены. Одна подпитывает и дополняет

---

¹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 158

другую, и их невозможно разделить. Примеров тому тьма. Так же и у Ивана Фролова.

До призыва в РККА Иван в гражданском браке жил с девушкой Фаиной, у которой от него родился сын Игорь. В самом начале службы Иван написал стихотворение «Призыв»:

*С каждым днём редеет неба просинь,
Лес — в цвету поблекшего огня...
Ты богата и счастлива, осень!
Но счастливей есть ли кто меня?
Этот день — всех дней чудесней,
Беспримерным вечно будет он,
Самой лучшей и веселой песней
Встретил я свой воинский вагон.
Элеватор скрылся в дымке синей,
Школа пробелела в стороне,
И ручонка маленького сына
Вслед приветно помахала мне.
И несется поезд грузной птицей,
Семафор берет «под козырек»,
Впереди манящая граница
И далекий и родной Восток.
Торопись, железный конь, летучий,
Там, где травы тихо шепчут лишь,
Над заставой грозно виснут тучи
И стоит обманчивая тишь.
Там, где даже пестрокрылым птицам
Пролететь нельзя с той стороны,
Буду ключ хранить я от границы,
От богатств родной моей страны.
С каждым днем редеет неба просинь,
Лес — в цвету поблекшего огня...
Ты богата и счастлива, осень!
Но богаче есть ли кто меня?*

Это стихотворение было опубликовано в армейской газете в 1939 году. Вырезку со стихотворением из газеты Иван вклеил в свой альбом в 1957 году. В сборники, по каким-то причинам, Иван Ефимович его не включал.

А рядом со стихотворением есть приписка более поздних лет: «В самое трудное время, когда враг напал на нашу Родину, когда кое-кто приуныл, я начал петь. Если бы Родине не было так трудно, возможно, я никогда не стал бы поэтом».

Семь лет — срок большой. Именно столько Иван Ефимович прослужил в армии. И то ли разлука, то ли иные какие причины были тому виной, но отношения Ивана Ефимовича с первой гражданской супругой не сохранились. Возможно, он возвращался к жене и сыну, но жить вместе не получилось. А вот связь с сыном Игорем Иван Ефимович поддерживал до конца своих дней.

С 1946 года Иван Ефимович из-за работы часто менял место жительства — Славгород, Павловск, Ребриха, Горный Алтай и, наконец, Барнаул. Родные, естественно, переживали за него, считали, что раз он живёт один, то быт у него не устроен, а сам он страдает от одиночества. Тут они, возможно, ошибались. Иван Ефимович был из той категории мужчин, для которых семья создавала рамки, в которых он не мог творить, а значит, и жить. Он очень дорожил своей свободой. В сентябре 1948 года младший брат Александр пишет Ивану, что Фаина беременна и всё ищет повод уехать к нему, Ивану, и спрашивает о нём у родных и друзей.¹⁹ Из этого следует, что Иван Ефимович почему-то не хотел продолжения личных контактов с первой женой.

В конце концов, Фаина добилась своего и, возможно, не без помощи его родни, переехала к Ивану Ефимовичу. Так, из письма брата Андрея, датированного 3 ноября 1948 года,²⁰ мы узнаём, что вся его родня была очень рада, что Фаина, наконец-то, приехала к нему. Теперь, мол, ему будет намного легче и лучше жить.

Но это родня была рада, а вот Иван Ефимович — вряд ли. Человек, желающий иметь семью, будет использовать

¹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д.160

²⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д.159

каждую минуту, чтоб побыть дома в окружении любимых людей. Иван Ефимович постоянно ездил в командировки (если необходимости не было, то он сам находил предлог куда-нибудь уехать), вечерами часто и подолгу задерживался, если не в редакции, то у кого-нибудь из друзей. И домой, в основном, приходил только переночевать. Соответственно, все заботы по дому лежали на плечах Фаины. Помаявшись так какое-то время, Фаина, сославшись на беременность, решила вернуться в Колыбельку. Фролов препятствовать не стал. Более того, Иван Ефимович, как мы узнаем из ниже приведённого письма брата Александра, начал предпринимать действия, чтобы Фаина не вернулась к нему.

Письмо Александра Фролова Ивану Фролову:

«Здравствуй, дорогой, Ваня!

*Сегодня я получил письмо от Фаины. Находясь в припадке безумства, она выругала меня за то, что я не «спасаю» тебя от «катастрофы», не помогаю тебе «материально». «Я бы сейчас, немедленно уехала к нему, пишет она, но у меня тяжёлая беременность». Положение находится в положении. Она прислала твои «сумасшедшие записки». Читая их, я тоже забеспокоился. Неужели с тобой в самом деле плохо? Напиши мне немедленно о действительном положении дел с твоим здоровьем. Если тебе нужна помощь, сообщай тот час. Вышлю деньги немедленно. О ней не беспокойся. Она выехать ни сейчас ни позже не сможет. Ты её так напугал, что она и не подумает об этом. Я с нею буду поддерживать связь. Только она очень редко пишет. Затеяла он эту переписку со мной специально для того, чтобы выудить все ей нужные сведения о тебе. Но я в этом отношении хороший дипломат. Не подведу. Получаю письма из дому. Мать, копошится, живет хорошо сравнительно. В том месяце выслал ей 200 руб. 15 XII выслал триста руб. О Егоре не слышно ничего. Андрюшка пишет часто. Обижается на тебя за то, что ты ему не пишешь. Я ему сообщил о твоей болезни».*²¹

---

²¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д.160 (орфография и пунктуация сохранены)

Больше Фаина в жизни Ивана Ефимовича, исходя из имеющихся документов, не появлялась. А вот с сыном Игорем Фролов поддерживал отношения до конца своих дней.

После разрыва с Фаиной у Ивана Ефимовича были, видимо, недлительные отношения с девушками, и одна из них 2 января 1951 года пишет ему гневное письмо, в котором называет его непорядочным парнем, бабником и просит вернуть ей её фотокарточку. Мол, «он видел её два раза и оба раза сделал вид, что не узнал».²²

А причиной того, что Иван Ефимович сделал такой вид, скорее всего, его знакомство весной 1950 года с будущей женой, Александрой Ивановной Герасимовой. Где и при каких обстоятельствах они познакомились, история умалчивает. Александра Ивановна об отношениях и жизни с Иваном Ефимовичем никогда и никому не рассказывала, даже дочери. Александре Ивановне во время знакомства пошёл двадцать третий год (11.02.1928 г.р.), и ей, думается, было приятно, что на неё обратил внимание известный в крае поэт. Роман развивался стремительно и бурно — по другому Фролов и не мог.

Вскоре молодые приняли решение жить совместно, но где? Вот здесь мы остановимся и вкратце расскажем о семье Александры Ивановны. Родом Герасимовы из Орловской области, эвакуировались на Алтай во время войны. Семья у них была большая — кроме Александры Ивановны ещё пятеро детей. Самый старший из детей — Василий Иванович — военный, дослужился до генеральского звания. Другой брат в Ижевске на предприятии занимал высокую руководящую должность. Одна из сестёр работала на руководящей должности в Новосибирске. Практически у всех сестёр и братьев Александры Ивановны мужья и жёны были с высшим образованием. Поэтому никто из семьи Герасимовых, включая Ксению Ивановну — маму,

---

²² КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 156

выбор Александры не одобрил. Крестьянский сын, не имевший образования и специальности, на их взгляд, был не пара их дочери и сестре. Но молодые люди любили друг друга и решили пожениться. Фролов не имел ни кола, ни двора, зато обладал недюжинной энергией и способностью добиваться своего любым путём. 31 мая 1950 года они поженились, и он направил председателю горисполкома Барнаула заявление с просьбой предоставить ему коммунальную квартиру.²³ Заметьте — обратился не в организацию, в которой работал, а сразу к председателю горисполкома!

Квартирный вопрос в Советском Союзе был, пожалуй, одним из самых острых. На предприятиях составлялись неимоверно длинные списки очередности на получение жилья и улучшения жилищных условий. В зависимости от важности предприятия и его финансовых возможностей, получить квартиру можно было в течение трёх-десяти лет. А в таких учреждениях, как Краевой Дом народного творчества, где в то время трудился Фролов, очередь на квартиру почти не двигалась. Но всё-таки добиться квартиры, пусть маленькой и без удобств, Фролову удалось (адрес установить, к сожалению, нам пока не представилось возможности). И этим жильём Фролов очень дорожил. Цитата из его письма Александре Ивановне из Казахстана во второй половине 1955 года: «... *Забиться о квартире, независимо от того, будем жить в Барнауле или нет. Напоминай*». ²⁴ Несколько позже Фролов вёл переписку с издательствами с адреса: ул. Никитинская, 105, кв. 5. С этого адреса он 5 марта 1956 года выслал в Москву доработанную рукопись книги «Новая куртка» и в письме указал номер телефона № 6-89. ²⁵ И просил редакцию звонить ему на этот телефон. Достоверно известно и подтверждается документами только

²³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

²⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153

²⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 155

то, что последним пристанищем Ивана Ефимовича была квартира в доме № 17в/16 на улице 21 Января (ныне проспект Строителей).

Вернёмся в 1950 год. Семья Фроловых, как говорится, завела свой угол. Александра Ивановна работала инспектором по качеству на предприятии мебельного производства, затем её перевели в крайисполком в отдел местной промышленности. Иван Ефимович с головой был погружен в творческий омут — писал, организовывал выступления и встречи, проводил заседания и т.д. и т.п.

Всё было нормально — два любящих сердца соединились, создали семью. Однако тихая семейная жизнь «как у людей» устраивала его, пока он был никому не известным работником культуры. Но, как мы вскоре узнаем, планы у Фролова были грандиозные. Он свято верил в свою судьбу, в то, что он достоин куда лучшей участи. И в первую очередь как Поэт. Слава, головокружительная карьера казались ему только делом времени. Едва Иван Ефимович стал, как сказали бы сейчас, публичным человеком, то есть уже приобрёл определённую известность, как жизнь вокруг него и в семье стала резко меняться. Но об этом будет подробно рассказано дальше.

26 мая 1955 года у Александры Ивановны и Ивана Ефимовича во втором родильном доме города Барнаула родилась дочь — Надежда.

ГЛАВА III

Журналистика

Журналистика... Была ли она призванием Фролова? Вряд ли. Скорее всего, путь журналиста он избрал как единственный для вхождения в литературу. И еще, конечно, как способ заработать на жизнь. Легенда о том, что

Фролов до службы в РККА успел поработать в газете, так и осталась легендой. Его журналистская деятельность, судя по армейским газетам, началась с 1943 года в должности военкора. Так, в газете «Боевой листок» есть статья, в которой лейтенант И. Е. Фролов назван лучшим фронтовым корреспондентом, а ещё в одном номере, за 1944 год, ему объявлена благодарность и выдана денежная премия как корреспонденту газеты «Боевой листок».²⁶

Уволившись в запас, Иван Ефимович решил продолжить журналистскую деятельность. Ещё добавим, работа корреспондента полностью соответствовала его неутомной натуре. Он не мог долго сидеть на одном месте. Ему постоянно нужно было куда-то идти или ехать, быть в окружении людей, что-нибудь и кому-нибудь рассказывать, спорить. Но главное — это отсутствие территориальных рамок. На заводе или фабрике — ограниченная территория, проходная. Это не для Фролова. Возможно, что в газету его подтолкнуло отсутствие профессии и специальности.

Приехав в Барнаул, он пришёл не в заводскую многотиражку, а в главную газету края — «Алтайскую правду». Его приняли на работу, но не в штат, а собкором по славгородскому округу. Такое, конечно, в его планы не входило, но предложение он всё же принял и поехал в Славгород. Это было в 1945 году.

В следующем году Славгород посетили штатные работники «Алтайской правды» Марк Юдалевич и фотокорреспондент Николай Калинин. Об их командировке мы упоминаем не случайно. После неё М. Юдалевич оставил словесный портрет Фролова: «... Иван Фролов, казалось, был частицей этой необъятной равнины. Его лицо — курносое и скуластое лицо русского степняка, свидетельствующее о давней примеси горячей азиатской крови, — дышало неиссякаемой энергией. Слепительно сверкали открывающиеся в улыбке крупные

---

²⁶ Личный архив И. Е. Фролова

ровные зубы». Таким Фролов показался Марку Иосифовичу, хотя мы-то теперь знаем, что «горячей азиатской крови» в биографии Ивана Ефимовича взяться было неоткуда, его корни — в Харьковской губернии.

О славгородском периоде работы Ивана Фролова в должности собкора «Алтайской правды» документов практически не сохранилось. Его статьи и заметки в газете печатали не часто. В основном он высылал информационные заметки для передовицы, изредка небольшие статейки о передовиках, чьи имена были на слуху. Серьёзных журналистских работ: очерков, проблемных и аналитических материалов на производственные или социальные темы не было опубликовано. До наших дней сохранились два машинописных очерка Ивана Фролова: «Колхоз — город» на восьми листах о колхозе им. Молотова Шипуновского района (с 1957 года колхоз переименован — «Родина»). Второй очерк называется «На Волго-Доне» с подзаголовком «Осуществление мечты» на 16 листах. Последний датирован мартом 1952 года. Появился он после командировки Ивана Ефимовича на строительство Волго-Донского канала. Там поэт проехал по линии Сталинград — Калач-на-Дону — Цимлянское море (водохранилище). Очерк разделён на несколько глав. Сюжеты интересные. Написан он живо, простым слогом с историческими вкраплениями, но по каким-то причинам в печать взят не был.

В этот же период он пишет много стихов и рассылает их в газеты и журналы по всему Советскому Союзу. Напечататься пока не удаётся, но связи с редакциями налаживаются. Так, 3 сентября 1947 года газета «За санитарную культуру» предложила ему писать статьи.²⁷ Фролов принял предложение, но, наверное, больше с целью стать в газете своим и со временем публиковать там стихи. Замысел, естественно, не удался. Присылаемые статьи редакции не нравились, она требовала серьёзней относиться к выбору

---

²⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д.163

тем, языку и стилю. В итоге сотрудничество прекратилось, так и не завязавшись.

В июле 1947 года Иван Ефимович был переведён собкором «Алтайской правды» в Ойротию (Горный Алтай), а оттуда — в Павловск. Но и на новом месте удача не особо сопутствовала журналисту. Статьи и заметки Фролова жестоко правились, либо вовсе отклонялись. Получив несколько выговоров за слабую и некачественную работу, он уволился из «Алтайской правды».

Новым местом работы Фролова стала ребрихинская районная газета.²⁸ Ненадолго. В начале 1949 года Фролов снова оказался в Барнауле. Недюжинная энергия помогла ему попасть в поле зрения крайкома партии и комсомола. Молодой, активный, общительный человек, «идеологически правильный», к тому же, любивший выступать и прославлять своим поэтическим даром коммунистический строй, — как раз то, что было нужно. Его взяли на заметку, и когда в крайком из «Литературной газеты» пришел запрос с просьбой подыскать внештатного корреспондента, ВКП(б) рекомендует Фролова. Редакция газеты, несомненно, прислушалась к мнению товарищей из крайкома партии, и взяли Фролова. Но уже через месяц ему было объявлено замечание за то, что мало и слабо пишет.²⁹

В это же время Фролов, заручившись поддержкой крайкома, устраивается в «Алтайскую правду» собкором в отдел культуры и быта. И напрасно. Заведующим отделом был Алексей Ефимович Сотников — человек требовательный, грамотный, с большим опытом журналиста, несколько лет работавший главным редактором Алтайского книжного издательства. Заметки и статьи Ивана Фролова, написанные наскоро и без должного изучения вопроса, естественно, никак не могли удовлетворить требования Сотникова. Поначалу он их правил, потом стал возвращать. А 4 марта

---

²⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 159

²⁹ КГКУ ГААК Ф. 1282, оп. 1, д. 163

1952 года Алексей Сотников пишет Фролову, что он плохо работает, мало даёт материала, да и тот, который представляет, «совсем никудышный».³⁰ И неизвестно, чем бы в этот раз закончилась журналистская деятельность Фролова, если бы его не избрали ответственным секретарём Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей СССР.

В журналистику Фролов возвращался ещё один раз — после смещения с должности ответственного секретаря отделения ССП. Некоторое время работал литературным консультантом газеты «Сталинская смена».

ГЛАВА IV

Общественная деятельность

Фролов был публичным человеком. Его неутомимая, деятельная натура, подогреваемая желанием быть всегда в центре внимания, не давала ему возможности сконцентрироваться на каком-то одном деле. Он брался за всё, что давало возможность общаться с народом, быть на виду. В период службы в рядах РККА Фролов, благодаря своей активности и безмерной преданности делу партии и комсомола, избирался комсоргом роты, затем полка и одновременно был военкором газеты «Боевой листок». А в 1943 году его назначили помощником начальника политотдела Н-ского соединения. Первых ролей не занимал, но доверием командного состава пользовался.

Армейский опыт Фролов успешно применял и на гражданке. Обосновавшись в Барнауле, он активно вклю-

---

³⁰ КГКУ ГААК Ф. 1282, оп. 1, д. 163

чился в различные сферы общественной деятельности: вступил в Краевой комитет Странников мира (правда, проявить себя там ему никак не удалось), избирался делегатом III Всесоюзной конференции сторонников мира, проходившей в Москве с 27 по 29 ноября 1951 года в Колонном зале Дома Союзов. Работал заместителем председателя Краевого литературного объединения. В марте 1952 года был выдвинут и избран депутатом Городского Совета трудящихся депутатов города Барнаула, трижды избирался членом Барнаульского горкома ВЛКСМ. Особенно много сделать ему удалось в должности заместителя председателя литературного объединения. И многие его начинания прочно и надолго внедрились в литературную жизнь края и города Барнаула. Например — литературные понедельники. По городу в общественных местах развешивались большого формата афиши, на которых указывалось, где, в котором часу будут выступать такие-то писатели и художники или музыканты. В 1951 году для делегатов V Краевой партийной конференции был организован концерт художественной самодеятельности и там под пятнадцатым номером прочитано Фроловым его стихотворение «Телефонистка».

Напорист был Фролов в продвижении своего творчества. Даже находясь на лечении в Кисловодске осенью 1954 года, он договорился в доме Учителя о выступлении и привлёк к этому делу местную газету «Советская здравница» и горком ВЛКСМ.

Находясь в Москве осенью 1951 года, сумел поучаствовать в концерте художественной самодеятельности в ЦДКЖ (Центральный дом культуры железнодорожников) и выступить во втором отделении со стихотворением «Телефонистка».

Фролов не пропускал практически ни одно культурное событие в Барнауле. И неважно, кто его проводил — музыканты, художники, Алтайское ВТО или Союз РАБИС (профсоюз работников искусства) — Иван Фролов всегда оказывался на сцене. А то и без сцены обходился: выступал

перед работниками какого-нибудь барнаульского предприятия.

Между выступлениями, написанием стихов и массой других дел он занимался изучением народной поэзии. Результатом работы стала брошюра «Народная поэзия в творческой работе агитбригад», изданная в 1951 году. Но дальше этой брошюры дело не пошло. Не его это масштаб — сбор и обработка частушек.

Став заместителем председателя Краевого Литературного объединения, Фролов пытается объединить в своих руках деятельность всех существовавших тогда литературных кружков и объединений в крае. А их, надо отметить, было не мало — объединение в Бийске, два литкружка в средней школе в Чесноковке, в Рубцовске, Камне-на-Оби и при некоторых районных газетах.³¹ Как видим, поле деятельности огромное. Кроме этого, пользуясь должностью заместителя председателя Краевого Литературного объединения и тем, что председатель объединения Мария Иосифовна Гришаева была полностью загружена на основной работе (начальник Краевого отдела по делам искусств), он пытался сделать так, чтобы вся деятельность начинающих писателей была под его контролем. И в какой-то мере ему это удалось. Некоторые писатели согласовывали с ним (до определённого времени) публикации и рассылку своих произведений. Это Н. Чебаевский, А. Демченко и другие. Приведём примеры.

Письмо Николая Чебаевского Ивану Фролову из Тогула от 6 декабря 1951 года: *«Дорогой Иван Ефимович!*

Получил Ваше письмо из Москвы.

От души благодарю за то, что выбрали время написать мне, за ту заботу, которую Вы проявляете обо мне...

... Теперь о Вашей просьбе нигде не публиковать повесть до тех пор, пока она не будет издана на Алтае.

Охотно пойду навстречу этому желанию, тем более, что оно отвечает и моему желанию. Но в связи с этим условием

---

³¹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

возникает и вопрос, разрешить который без Вашего совета я не в состоянии.

Дело в том, что редактор «Сибирских огней» С. Кожевников прислал мне телеграмму о намерении напечатать повесть в журнале. Поскольку же я повесть «Сибирским огням» не предлагал, то, надо полагать, он договорился об этом с краевым издательством во время совещания.

Пока что редакции «Сибирских огней» я ничего не ответил. Сообщите, как мне в данном случае быть?

С нашим краевым же издательством я уже заключил договор на издание в 1952 году сборника, в который войдёт и повесть. Обязательно переработаю её к 1 января, и, конечно, обязательство свое постараюсь выполнить...

... С искренним и глубоким к Вам уважением Н. Чебаевский.³²

В конце марта 1951 года, вернувшись из Москвы со II Всесоюзного совещания молодых писателей, Иван Фролов включился в создание Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей СССР. Точнее сказать, вопрос о создании отделения решался «в верхах» — Союзом писателей и крайкомом партии, а Фролов пытался занять свою нишу — появляться всюду, где это дело решалось. Фролов врезался в это дело, возможно, с надеждой возглавить вновь создаваемую организацию. И мечта сбылась. Более того, возглавив отделение Союза писателей, он каким-то образом устроил своё назначение редактором альманаха «Алтай» в октябре 1951 года. И это ему, опять-таки, добавило авторитета в глазах начинающих писателей. В качестве примера письмо Александра Демченко от 10 мая 1952 года: «Иван Ефимович!

Вы из Москвы, конечно, уже приехали и, конечно, забыли позвонить Траукому в пединститут.

Ещё раз прошу Вас: повлияйте.

Теперь о деле.

---

³² КГКУ ГААК Ф. 1282, оп. 1, д. 156 (орфография и пунктуация сохранены)

Я написал небольшую повесть (на 4 листа) «Бригадиры». Повесть получилась гениальная... Смогу ли я нынче напечатать книгу у нас, в Барнауле? Мне очень нужно напечатать сейчас «Бригадиры», но где?

Сотников меня совсем не хочет печатать. Он все мои рассказы бракует...

... Жду Вашего совета, что делать с «Бригадирами» очень актуальная тема и интересная (укрупнённый колхоз, бригадиры разных эпох).

Хотелось бы услышать от Вас рассказ о том, как юбилей огнелюбы отмечали. Почему в Москве, а не в Новосибирске? Вы, наверное, Левашевскую видели? Я от неё получил второе письмо. Она хочет выступить с положительной критикой по моим рассказам в «Лит. газете».

Одним словом, Иван Ефимович, прошу Вас разоритесь на страничку.

Жду решения о моём сборнике, о повести «Бригадиры». Может, послать её куда-нибудь?

Жду Вашего письма.

С прив. Ал. Демченко».³³

Но не смог ничем Иван Ефимович помочь Александру Демченко. Да и сам в качестве редактора альманаха пробыл чуть более года — в марте 1953 года его отстранили от этой должности и редактором назначили Александра Сергеевича Трескова. Фролов же остался членом редколлегии, но, опять-таки, недолго — в 1954 году его вывели из состава редколлегии. На этом его общественная деятельность закончилась. Причины столь быстрого ухода с поста редактора и из редколлегии мы рассмотрим в последующих главах. Но вернёмся в начало 1952 года, когда Иван Ефимович стал ответственным секретарём Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей СССР.

---

³³ КГКУ ГААК Ф. 1282, оп. 1, д. 156 (орфография и пунктуация сохранены)

На этом поприще он развернул очень активную деятельность — ввёл традицию обсуждать рукописи и книги, узаконил (сделал платной) работу с молодыми писателями. Впрочем, давайте лучше посмотрим выписку из сметы на административно-хозяйственные расходы Алтайского отделения ССП в 1952 году, в которой указано практически всё, чем занимался ответственный секретарь.

«... — рецензирование произведений молодых авторов — 10 400 руб.

— организация лекций и докладов для литературного актива: 4 лекции 150 руб. — 600 руб.

— привлечение опытных писателей из других отделений ССП для оказания творческой помощи молодым авторам края — 1 638 руб.

Всего же на творческие мероприятия (работа с молодыми авторами, вызов, командировки, рецензии, лекции, творческие обсуждения) было заложено 26 700 рублей.

*Утвердил смету Зам .секретаря Правления ССП Тараканов».*³⁴

Кроме того, Ивану Ефимовичу нужно было организовывать и контролировать деятельность нештатных сотрудников Алтайского отделения ССП и ежеквартально отчитываться за неё.

28 мая 1952 года замсекретаря правления Тараканов и начальник финансового отдела Козловский утвердили фонд заработной платы нештатным работникам Алтайского отделения в следующих суммах: на второй квартал — 6 тыс. рублей, третий квартал — 4 тыс. рублей, четвёртый квартал — 4 тыс. рублей.³⁵

Помимо этого, в обязанности Фролова входило приобретение, доставка топлива — дров и угля для отопления помещения отделения ССП; обеспечение отделения

---

³⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп, 2, д. 1 (орфография и пунктуация сохранены)

³⁵ Там же

и литературного объединения канцелярскими товарами; оснащение отделения мебелью и т.д.хлопотное дело.

Один интересный момент. В Бийске тогда жил Арсен Сусеев — член ССП СССР. Но по каким-то причинам участия в литературной жизни края он не принимал, хотя с 1951 года писал не только на калмыцком, но и на русском языках. Зная о нём, и о том, что членский билет ССП Сусееву в 1934 году подписал сам А. М. Горький, Фролов загорелся желанием поставить его на учёт во вновь созданное отделение, о чём и запросил разрешения у кадровика ССП СССР Натальи Тихоновны Ждановой. Как-никак, а престижно иметь на учёте писателя, которому билет выписал лично Горький. Но не получилось — Сусеев состоял на учёте в Москве.

Но иногда Фролова «заносило». Как в случае с секретарём-машинисткой. 1952 году Иван Ефимович направил ходатайство в колхоз им. Сталина Краснозёрского района с просьбой отпустить в Барнаул для работы секретарём-машинисткой в Алтайское краевое отделение ССП колхозницу Екатерину Елизаровну Лядункину, так как она умела печатать на машинке и знает дело. В колхозе люди не глупые, поняли, что Фролов хочет пристроить на тёплое местечко родственницу. А писать в селе тоже умели. Правда, не стихи, а гневные жалобы. Тут же в крайком партии было отправлено обвинительное письмо, что, мол, в то время, когда в колхозе каждая пара рук на счету, государству нужен хлеб и другие сельхозпродукты, Фролов ценную работницу переманивает в город. Крайком сделал Фролову строгое внушение.

Другой серьёзной ошибкой Фролова было то, что он, занимая пост ответственного секретаря отделения ССП, руководствовался чувствами, порывами и дружескими отношениями, на что ССП СССР смотрел неодобрительно. Так, в первых числах августа начинающий литератор и друг Б. Г. Орлов решил за казённый счёт съездить в командировку в тёплые края, якобы для сбора материала. Фролов направил в Москву ходатайство с просьбой оплатить командировку и вот какой получил ответ:

«19 августа 1952 г. № 134-ибл. Уважаемый тов. Фролов! Ваше ходатайство и заявление т. Орлова Б. Г. с просьбой о предоставлении ему творческой командировки рассматриваться не будет. Командировки не предоставляются только потому, что писатель 3 года не получал их и ещё потому, что у Вас на Алтае нет Литфонда. Командировки не положены. Они предоставляются в тех случаях, когда у автора есть великолепный замысел, для осуществления которого необходима поездка и когда в произведении данного автора заинтересованы: альманах, журнал или издательство. Если так, тогда прилагается ходатайство соответствующей редакции.

Прошу руководствоваться инструкцией по творческим командировкам и заявления писателей рассматривать на бюро с необходимой серьёзностью.

Зам.Председателя Комиссии по русской литературе республик, краев и областей СССР П. Сажин».³⁶

Копия ответа, соответственно, была направлена в крайком.

Следующий поступок Фролова, видимо, основательно рассердил того, с кем бы следовало быть особенно осторожным. Кто же рубит сук, на котором сидит, или, того хуже, кусает руку, которая кормит?! Суть вот в чём. Чтобы ускорить процесс роста писательских рядов на Алтае, Фролов грубо нарушил правило: всякое своё действие согласовывать с крайкомом КПСС. А особенно немыслимо было принять в члены Союза писателей литератора, чья кандидатура не была одобрена «руководящей и направляющей силой советского общества». Фролов этой заповедью пренебрёг. В октябре 1952 года он принялся уговаривать малознакомых, но авторитетных писателей дать рекомендации для вступления в ССП нескольким своим товарищам: К. Козлову, А. Демченко и Н. Чебаевскому. Одним из тех, к кому обратился Фролов, был А. Коптелов. Но тот калач тёртый,

³⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5 (орфография и пунктуация сохранены)

осторожный, и 2 ноября 1952 года И. Фролов получил из Новосибирска от Афанасия Коптелова письмо следующего содержания: «Козлов — талантливый поэт... но его поведение в быту может помешать приему в ССП, ведь в Москве знают о его проступках. Ал. Демченко — способный прозаик, но будет лучше, если и он сам, и Вы подождёте, пока выйдет в свет и получит критические отзывы в печати его повесть о Куягаше. Сейчас я читаю новый вариант рукописи. Думаю, что в будущем повесть может выйти в «Сиб. огнях», но над ней надо ещё поработать самому автору, а уж потом редактору... К сожалению, я ещё не читал произведений т. Чебаевского (у меня их нет, а здесь достать невозможно). Но мои товарищи по работе, читавшие его последнюю рукопись, отзываются о нем хорошо. Я охотно прочёл бы его книгу. Если у меня о ней сложится хорошее мнение, то я буду рад рекомендовать его в ССП. Жму Вашу руку. Ваш А. Коптелов».³⁷ Дипломатичный ответ. С произведениями Чебаевского Коптелов был хорошо знаком к тому времени, но без звонка «сверху» давать рекомендацию... уж не взыщите!

И об этой попытке обойти легальный путь стало известно в крайкоме КПСС. Фролова незамедлительно вызвали на ковёр, проработали и направили на путь истинный. Но! Кандидатуры, подобранные им, одобрили и согласовали. Иван Ефимович не упустил случая блеснуть победой, слух о которой мгновенно разлетелся по всему краю.

Письмо Александра Демченко Ивану Фролову:

«Иван Ефимович! Что мне никак наше отделение писателей не напишет ничего? Или вообще решили меня игнорировать?

В этом (6) номере «Алтая» Вы хотели поместить рассказ мой «Душевная неувязка». Поместили, нет?

У меня есть новый рассказ «Линия жизни». Послал его в «Алтайскую правду». Ничего про его судьбу не слышали?

Закончил в середине октября доработку повести «Заре навстречу». Отправил. На-днях получили известие, что перепечатали

³⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5 (орфография и пунктуация сохранены)

на машинке. Получилось, примерно, 20 п/листов. Сейчас начнут ещё раз драконить её. Что урежут, бог весть. Как бы аванс не заставили вернуть! Не рассчитывайся! Ты там бывал?.. А на повесть я возлагаю большие надежды. Растегаев сообщил, что с удовольствием после «Сиб. огней» возьмется печатать её отдельной книгой в нашем издательстве. Кстати, он же сообщил мне, что готовится решение крайкома о рекомендации в Союз писателей на меня, Козлова, Чебаевского и других. Это правда, Иван Ефимович? Если это так, то, наверное, через год примут меня? Жду Вашего письма. Давно ничего не получал от Вас.

С уважением Ал. Демченко.

З/ХИ-52 Смоленский р-он, Солоновка». ³⁸

А вот другое письмо, от Николая Чебаевского:

«Дорогой Иван Ефимович!

Получил Ваше письмо с просьбой ускорить присылку всех материалов, необходимых для моего вступления в Союз Советских Писателей.

Сознаюсь откровенно, хотя и взял тогда у Вас бланк, а приехал домой и — оторопь схватила. «Куда же ты, — думаю, — братец, собрался? Ведь это же Союз Советских Писателей!

Писателей, подумай-ка! Достоин разве ты, чтобы носить такое высокое звание?» Раздумался так-то, пришел к выводу, что ещё далеко не достоин и решил пока ни бланка не заполнять, ни заявления не писать. Поэтому и молчал.

А вот теперь получил Ваше письмо и все-таки собрался с духом, посылаю все указанные вами материалы.

Правда, тоже с опозданием, но это уже потому, что не было фотографий, пришлось ждать, когда фотограф сделает их, не было сборников, в которых печатался. Пришлось доставать необходимые экземпляры. А газеты так и не достал, посылаю в одном экземпляре все те же рассказы, которые были напечатаны в газетах.

Письмо Г.М.Пушкареву с просьбой дать рекомендацию. Вторую рекомендацию очень, очень прошу уж дать Вас.

---

³⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 8

И буду ждать своей судьбы.

Искренне уважающий Вас Н.Чебаевский.

9/ХИ-52 г.

Р.С. Очень доволен, что случай, рассказанный мной, послужил Вам темой для стихотворения. Буду следить за газетами, обязательно прочту, когда появится». ³⁹ Николай Николаевич — человек необычайной скромности и культуры.

Вернёмся к взаимоотношениям Фролова с крайкомом. Последней каплей, переполнившей чашу терпения краевых властей, стал срыв мероприятий крайкома. Идеологическое воспитание номенклатуры и систематическое закрепление основ марксизма-ленинизма было первостепенной задачей КПСС. Для этого ежегодно проводились семинары с секретарями райкомов, ведавших сельским хозяйством, и зав.отделами пропаганды и агитации райкомов, горкомов КПСС. Столь ответственное мероприятие проводилось не абы как, а строго по постановлению секретариата крайкома КПСС, по утверждённому плану, где всё было расписано по минутам. Подготовка к нему начиналась заблаговременно — определялись темы, выбирались и согласовывались лекторы. Семинары проводились не где-нибудь, а в большом зале крайкома КПСС, при закрытых дверях. И, так как в крае только что было создано отделение ССП и всего один член ССП — И.Е. Фролов, то, соответственно, он и должен был прочитать лекцию на тему: «Советская литература в послевоенный период. Товарищ Маленков о задачах писателей». Его кандидатура была лично утверждена заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС тов. П. Данцевым. Уведомили Фролова 1 ноября, а его выступление было намечено на 18 и 26 ноября. Если говорить коротко, то не оправдал Иван Ефимович высокого доверия партии. Тексты лекции представил в последний день

---

³⁹ Там же.

и то в черновом варианте.⁴⁰ Их, соответственно, забраковали со всеми вытекающими из этого последствиями.

Усугубило положение Ивана Ефимовича и то обстоятельство, что он очень любил горячительные напитки и мог «причаститься» в любое время суток, невзирая ни на что.

Попасть в опалу крайкома КПСС в те годы было чревато последствиями. Практически все друзья и товарищи отворачивались (такое, собственно, было во все времена). На поверхность всплывали все отрицательные качества характера, все недостатки, существующие и мифические. Вспоминались все прегрешения, и даже помыслы, явные и надуманные. Более того, опального сразу переводили в разряд людей недалёких, недалёковидных, хитрых, подлых и так далее. Одним словом, оказывалось, что под маской порядочного, умного человека скрывался враг народа! Так случилось и с И. Фроловым. Приведём выдержку из письма А. Сотникова Н. Дворцову: «Горно-Алтайск, 27.III.53 г.

Дорогой Николай Григорьевич!..

... Недавно мне пришлось прочитать новинку о Горном Алтае — повесть А.Мальшиева «Золотое озеро». «Пришлось» потому, что помогал одному товарищу писать статью о ней. В повести ни сюжета, ни конфликтов, но о Телецком озере, прителецкой тайге здорово рассказано. Обязательно разыщи эту книгу и прочти. Своими вопиющими недостатками она тебя многому научит. Представь себе, что так бывает.

Кандидат в редакторы альманаха меня удовлетворяет. Правда, суховат, боязлив, но зато не глуп, как И. Ф. ...

... Земной поклон от меня и всего моего семейства тебе, супруге, дочери.

*Твой Алексей».*⁴¹

Но Фролов был не из тех, кто быстро и легко сдаётся. Да, попал в опалу, да, грешен, но ведь осознаю и готов

⁴⁰ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

⁴¹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5 (орфография и пунктуация сохранены)

исправиться! И Фролов продолжает заниматься делами писательской организации и писателей. В качестве примера скажем, что 7 декабря 1952 года он ходатайствовал перед начальником телефонной и междугородней станции Александровым об установке М. Юдалевичу домашнего телефонного аппарата. С начала декабря 1952 года занялся подготовкой к проведению литературного вечера, посвящённого 75-летию со дня смерти Н. А. Некрасова. В феврале 1953 года провёл заседание бюро отделения, на котором рассмотрел вопрос о материальном положении жены писателя А. Арсеньева Анны Константиновны Арсеньевой. 9 марта 1953 года Фролов направил в Центральный комитет КПСС телеграмму по случаю кончины И. В. Сталина. 11 апреля 1953 года Фролов ходатайствовал пред директором Колыванского сельхозтехникума тов. Чернышевичем о том, чтобы он не сильно загружал общественной работой товарища Самыгину Н. А. (Головину), т. к. она готовит к изданию новую книгу. В апреле того же года Фролов через крайисполком оформил путёвку на курорт «Чемал» дочери А. Коптелова. 20 апреля Борису Георгиевичу Орлову на заседании бюро «пробил» денежное пособие по случаю рождения сына.⁴²

И если бы не пагубное пристрастие к спиртному, возможно, и удалось бы ему выбраться из опалы. Но... И он это понимал. Из письма Ивана Фролова в Москву:

«Москва, ул. Воровского, 52

Смирнову Сергею Васильевичу...

... Вопрос о моём приезде в Москву к 14-му мая ещё не решен в крайкоме КПСС. 4-го мая телеграфирую, смогу ли выехать в Москву или нет. Дело в том, что недавно крайком КПСС заслушивал мой отчёт о работе отделения ССП и нашли много недостатков...

Поздравляю с великим праздником 1-ое Мая.

*С приветом И Фролов. 30.IV.53 г.»*⁴³

⁴² КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 7

⁴³ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 8

Гром грянул после майских праздников, когда Иван Ефимович в который раз ушёл в загул. А 6 июня 1953 года, на заседании бюро Алтайского отделения ССП, на котором присутствовали не только члены бюро, но и представитель крайкома КПСС тов. Шевцов Н. И., Фролова освободили от обязанностей ответственного секретаря отделения ССП, с формулировкой «по состоянию здоровья».⁴⁴

Вот так печально закончилась, не успев раскрыться в полную силу, деятельность Ивана Фролова на общественном поприще.

ГЛАВА V

Творчество

Творческая жилка в семье Фроловых, видимо, передавалась по наследству от матери — Прасковьи Яковлевны. Она, по воспоминаниям внука Александра Андреевича Фролова, была прекрасная рассказчица. Внукам она почти каждый вечер рассказывала новые сказки, и до того складно и интересно, что они просили её рассказывать ещё и ещё. И этот талант в более ярких красках передался её детям Ивану, Александру и Андрею. Александр и Андрей писали и стихи, и прозу. Иногда их произведения печатались в газетах, но добиться успехов на литературном поприще, по большому счёту, ни Андрею, ни Александру не удалось.

Из письма Ивану от Александра (из г. Читы, 17 апреля 1953 года): *«Здравствуй дорогой Ваня! Ты что же это не отвечаешь на моё письмо? Мне надо срочно знать выедешь или нет. Можешь отзвониться. Кроме того, как пьеса?»*

⁴⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 7

Пишу я сейчас знаешь что? Повесть и одновременно солдатскую драму в стихах.

Живу по-прежнему.

Так, я слышал, уезжаешь в деревню. Хорошо делаешь. Ну а я не знаю, что меня ждет.

Приезжай, Ваня, обязательно. Побудем в Чите, помотришь, как и где я просидел ровно шесть лет...

Привет Шуре, Борису и Зое.

*С приветом Александр».*⁴⁵

В письме, датированном 10 июня 1953 года, Александр сообщил Ивану, что повесть движется ко второй главе.⁴⁶ Но ни сюжета повести, ни её названия не указал. Видимо, об этом он сообщал в предыдущих письмах, которые не сохранились.

Годом позже Александр пишет: *«Здравствуй Ваня!*

... Сборник рассказов кокчетавцами забракован. Придётся кое-что переделать и попытаться счастья в Алма-Ате. Думается, что он к 40-й годовщине Сов. Армии будет нужен.

Пишу дневник «целинника». Идёт хорошо. Но чувствую, что у меня не хватает наблюдений, знания жизни. Посоветуй, как лучше написать этот «дневник»...

*Пиши. Твой Александр. Привет семье».*⁴⁷

Младший брат Андрей заниматься литературой начал до призыва в армию. В письме Ивану Ефимовичу, датированном 11 ноября 1948 года, он сообщил, что написал две главы будущего романа.⁴⁸ Чувствуется размах — не рассказ, не повесть, а сразу роман! Всю свою трудовую жизнь после службы в армии Андрей посвятил районным газе-

⁴⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1 д. 160 (орфография и пунктуация сохранены)

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 160 (орфография и пунктуация сохранены)

⁴⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 159

там, в них иногда печатал стихи и фельетоны и продолжал создавать большую прозу. Иван Ефимович к творчеству младшего брата относился трепетно — в отдельной папке он хранил вырезки с тремя стихотворениями и одним фельетоном, опубликованными в газете «Коллективист» Романовского района.⁴⁹

Сам же Иван Ефимович, как было сказано выше, поэзией начал заниматься в РККА. Первая публикация в армейской газете «Боевой листок» — стихотворение «Призыв» в 1939 году. Стихотворение мы приводили полностью во второй главе. В следующем году, в той же газете, было опубликовано его стихотворение «Другу — пограничнику». На всесоюзный круг он вышел со стихотворением «Есть!», которое было напечатано в журнале «Сибирские огни» в № 7 на 220 странице в 1941 году.

Из фронтовых газет мы узнаём, что лейтенант И. Фролов часто выступал перед однополчанами с чтением своих стихов, их публиковали в газетах. Например, в 1943 году в газете «Боевой листок» было опубликовано сатирическое стихотворение о немецких солдатах «По прошлогодней моде». Но путь его во всесоюзную литературу был тернист. В 1942 году Иван Ефимович выслал в журнал «Октябрь» свою пьесу под названием «По-гвардейски». О чём пьеса, можно только догадываться, но к публикации её не приняли, а попросили автора доработать. Через некоторое время Иван Ефимович выслал в журнал переработанный вариант пьесы. И вновь неудача. 13 декабря 1943 года редакция журнала прислала отказ, объяснив, что «...не овладел он ещё драматургией, язык плохой, образы бледны и трафаретны...».⁵⁰

Но в «Боевом листке» его стихи печатались регулярно и сослуживцам они нравились. Вот одно из стихотворений, опубликованных в 1944 году.

⁴⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, Д. 60

⁵⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 165

Разговор смертников

(в румынском эшелоне)

С диким свистом ветер резкий

Ударяет о вагон...

Обступили Сатанеску

Солдатня со всех сторон:

— *Что ты, старьей, кривоногий,*

Будешь делать на войне?

— *Да, вопрос довольно строгий*

Задаёте нынче мне.

Вам — шестнадцать и семнадцать,

Ну, а мне — под пятьдесят.

С полным ранцем не

подняться —

Вот какой из вас солдат.

Ну, а я — другое дело.

Русский воздух мне

знаком.

Мне от них уже влетело,

Да и здорово, притом.

— *Чем зима страшнее лета?*

Гроботеску произнёс:

— *Вам не долго ждать*

ответа

На существенный вопрос.

Изменений, впрочем, нету:

Соль все та же в основном

Там страшны зима и лето

Тем же самым — их огнём.

Повторяется сначала

Ужас прожитой зимы:

Видно, гибнет там немало,

Коли едем даже мы.

— *Кормят как там? —*

боязливо

Дермоеску спросил.

— *Кушать будете месиво —*

Ешь — насколько хватит сил.
Все отбросы будешь трескать
И, испробуя всего,
Ты издохнешь, Дермоеску,
Сам не зная отчего.
Побашкеску молвил: —
Все мы
Знать хотим — фашист каков?
Правда ли, союзник-немец
Нас поддерживать готов?
— Это видел я на факте:
Ихний офицер один
С пулеметным взводом сзади
Всех «поддерживал» румын.
Шаг назад — ударят зверски,
Шаг вперед — загонят в гроб,
И умрешь ты, Побашкеску,
Как последний остолоп.
— Далеко ль пойдет наш
поезд
И когда конец пути?
— Затяни потуже пояс
И немного подожди.
Путь один румынской роте,
И пути другого нет —
С пересадкою на фронте
Мы приедем на тот свет.
Вот какой-то полустанок
Впереди темнее мост.
— Каковы же партизаны? —
Кто-то тихо произнёс:
... Вдруг под шум, под гром
нестройный
Поезд прыгнул под откос.
Так был ответ достойный
На существенный вопрос.

лейтенант И. Фролов

После службы, обосновавшись на Алтае, Иван Ефимович начал интенсивно пробивать путь на страницы газет и других печатных изданий. Осенью 1946 года одно его из самых знаменитых стихотворений «Кулунда» опубликовали в «Алтайской правде». Вот как об этом вспоминает Марк Юдалевич в своей книге «Однополчане»: «... в редакции появилось стихотворение «Кулунда». Фролов передал его стенографистке по телефону...

— Ах, вот они, долгожданные, — почти пропел редактор, когда эти стихи положили ему на стол. — Я кожей чувал, что они рождаются. Иначе откуда же такие ляпы (редактор имел в виду ошибки в присылаемых Фроловым статьях и заметках).

— Но стихи хорошие, — вставил я.

— Очень приятно. Однако автор и без того прославил нас на всю страну.

— Вы все-таки прочтите.

— Не интересуюсь. О стихах все. И, кстати, надо будет распорядиться, чтобы телеграфистки не принимали никаких виршей. Только презренную прозу.

Я оставил «Кулунду» на редакторском столе, сделав вид, что забыл ее. Знал — редактор очень скоро прочтет стихотворение. Во-первых, он был настоящим газетчиком, а газетчики всегда любопытны, и, во-вторых, как люди, подчеркивающие непререкаемость своих решений, наш Наполеон часто менял их.

И действительно: стихотворение примерно через неделю появилось в газете. Впрочем, редактор не преминул заметить: «Решил опубликовать».

Впоследствии стихотворение было опубликовано в альманахе «Алтай» № 1 в 1947 году, журнале «Сибирские огни» № 2 в 1949 году, в сборнике «Поэзия Сибири (1917-1957)», а также во многих газетах СССР. Кроме «Кулунды» в альманахе «Алтай» в 1947 году были опубликованы ещё два стихотворения Фролова: «Волшебная скатерть» и «Ночь». Целая подборка! Иван ободрился и для следующего номера выслал в альманах новую подборку. Но в этот раз легкой публикации не получилось. Главный редактор из-

дательства Алексей Сотников стихи забраковал и дал рекомендацию поэту стихи переработать.⁵¹

Но, по всей видимости, перерабатывать, дорабатывать и править Фролов не любил. Он спешил писать новые стихи, идти вперёд. В результате в альманахе № 2 в 1948 году было опубликовано только одно стихотворение Фролова — «Озеро Яровое».

Поэзия Фролова попала в поле зрения критиков. В шестом номере журнала «Сибирские огни» за 1948 год была опубликована статья А. Карцева «Больше требовательности к себе» о произведениях альманаха «Алтай» в 1947 и 1948 годах. В ней критик коснулся творчества всех авторов альманаха, но мы приведём только то, что касается стихотворений Фролова: «... стихи Ивана Фролова (в первой книге альманаха — «Кулунда», «Волшебная скатерть», «Ночью»; во второй книге — «Озеро Яровое»). Нельзя сказать, что все они одинаково хороши, более того, и «Кулунде» и «Волшебной скатерти» вредит чрезмерное пристрастие автора к «пейзажной живописи», как и к бесконечной словесной игре красками: у него — и «желтый певуче-шумящий простор», и «осени гладкое желтое платье блестит изумрудами круглых озер», и «осень шитую золотом скатерть на столе разостлать спешит», и «зеленого бархата скатерть накрывает на стол весна», и т. п., что называется, без счета и без меры. Но, при всем этом — а, вернее, вопреки этому — подлинная поэзия нашей нынешней, колхозной степи пробивается и растет в размашистых, взволнованных строфах Ивана Фролова, хотя бы в том же стихотворении «Кулунда»...:

«Равнина! Равнина!
Ни яра, ни пади.
Здесь — царство метелей и вьюг...
Как будто гористую землю разгладил
Какой-то гигантский утюг.
Здесь — самые смелые сильные ветры,

⁵¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп.1, д.165

В колодцах в жару — ледяная вода,
Все люди здесь видят на сто километров:
Полсотни — туда и полсотни — сюда!»

Но не только этот яркий пейзаж, а неизмеримо большее волнует Ивана Фролова, когда его герой уже шагает по родной Кулунде:

«И так без конца, в этой шири бескрайней
Иду и иду в лучезарный простор.
Но вот человека в погонах комбайнер
К себе поманил, завязал разговор...
Щекочут мне щеки и на ухо шепчут
Колосья какую-то тайну полей.
Комбайнер — в пылище.
И зубы, как жемчуг,
Сверкнули в счастливой улыбке светлей:
— Подобной-то жатвы не видели деды,
Богата отменным зерном Кулунда!
И тот, кто добился на фронте победы,
Добьется победы на фронте труда...»

... Жаль, что последним по времени опубликования стихотворением Фролова оказывается пока «Озеро Яровое», наиболее претенциозное из-за «томного зноя» и вечерней зари, сбросившей «платье сине-голубое», из-за «мраморного дна» и «белопенной соляной оправы» самого озера. Но в будущий рост поэта, явно способного к углубленной работе над темами современности, позволяет верить образная сила хотя бы маленького стихотворения «Ночью», где Фролов живописует и скупое, и зоркое, и с большой лирической взволнованностью:

«Потемнело небо голубое,
В воздухе истома разлита.
И стоит, окутанная мглой,
По-ночному тихо Кулунда.
Березняк вблизи шумел листвою,
Шелестел усталый ветерок,
И, в последний раз сверкнув звездой,
Вдруг потух какой-то огонек:
Это, с хоровода на полянке

*Возвратясь вечернею порой,
Девушка, красавица-смуглянка,
Выключатель тронула рукой ...»*

Прекрасное стихотворение.

Возможно, спешка его в написании и опубликовании объясняется ещё и тем, что в кулундинской теме у него были соперники, и о них говорили, их произведения обсуждали. О нём же пока говорили вскользь. Да и делиться темой Иван не хотел. Одним из соперников был С. Крушинский. В 1946 году он работал на Алтае в качестве специального корреспондента газеты «Правда». Участвовал в уборке урожая в Кулундинских степях. И на основе собранного материала написал повесть «Алтайский хлеб». Повесть была опубликована в журнале «Новый мир» № 9 в 1947 году, а затем издана отдельной книгой. На Алтае повесть встретили тепло. Она обсуждалась в краевой библиотеке. Большую положительную рецензию С. Макарова на повесть напечатали в альманахе «Алтай» в 1948 году. Это, конечно, не могло не задеть Ивана. Кулундинскую тему он считал своей. Желая обойти конкурентов, Иван создал цикл стихов о Кулунде и хлеботорбах и разослал их по редакциям не только Алтая, но и практически по всему Союзу: Новосибирск, Омск, Алма-Ата, Москва, Павлодар и многие другие города СССР. В большинстве случаев приходили отказы. Это расстраивало. Но ненадолго — сам поэт был ещё молод и не избалован славой. Желание быть первым и постоянно находиться в центре внимания было заложено в нём природой. И он всем своим существом стремился к этому. Ради всеобщего признания своего поэтического таланта, ради славы он мог трудиться сутками, благо природная крестьянская выносливость позволяла это. Он писал в поезде, автобусе, сочинял на ходу, днём и ночью. Вот как о его работоспособности записал в своём дневнике М. Юдалевич: «3/1-48. Заходил Иван Фролов... читал новые стихи... как зверски, не найдёшь другого определения, работает Иван. Вечером мы попрощались. Друг он стучится».

*«Впусти-ка, хочу посмотреть — в блокноте строчки записаны.
Чтобы по дороге думать». А на улице мороз градусов тридцать пять...»*

Естественно, такое упорство в начале любого дела приносит свои положительные плоды. Творчество Фролова поддержал московский поэт Александр Жаров, побывавший на Алтае в 1948 году. И в том же 1948 году Ивана Фролова и Марка Юдалевича пригласили на совещание писателей Сибири, организованное по инициативе редактора журнала «Сибирские огни» Саввы Кожевникова. Это событие можно назвать первым выходом Фролова в круг профессиональных писателей — Савва Кожевников, Лидия Сейфуллина, Сергей Васильев, Ярослав Смеляков, Анна Караваева. Как там было воспринято творчество Ивана — неизвестно. Никаких письменных свидетельств нам обнаружить в архивах Новосибирской области и Алтайского края не удалось. Единственная запись в дневнике М. Юдалевича: «... Ярослав Васильевич... в том же стихотворении «Кулунда» он отметил строки: «Я дома... Хлопочет с закусками мама и книжку торжественно мне подает: У нас трудоднице-то в семь килограммов, а в книжке моей, поглядика, пятьсот».

— Это сколько же хлеба получила мама из стихотворения «Кулунда»? — резко и насмешливо спросил Смеляков.

— Много, — смущенно улыбаясь, ответил Фролов.

— Три с половиной тонны, — уточнил Смеляков. — А сколько, интересно, получила твоя мама? — обратился он к Фролову.

Иван пробовал возражать: «Поэт имеет право на гиперболу, на выдумку».

— Выдумка и придумка — разные вещи, — жестко возразил Смеляков...»

Это был не первый урок Ивану Фролову, но, судя по дальнейшему его творчеству, он не внял ему и продолжал писать в том же духе.

1949 год у Ивана был богат на публикации. В журнале «Сибирские огни» напечатали три стихотворения, в альма-

нахе «Алтай» — шесть. По одному стихотворению в сборниках «Край родной» и «Племя молодое». Опьянённый успехом, Фролов работал практически без оглядки.

Не могло оставить его равнодушным и то, что его критиковали, а начинающих, которые, как говорится, без году неделя в литературе, хвалили и премировали. В конце 1948 года Алтайское книжное издательство, по решению крайкома ВЛКСМ, готовило к печати сборник молодых писателей. У Фролова было принято стихотворение «Детство» — о родной Колыбельке. В конце весны 1949 года сборник вышел из печати под названием «Племя молодое». Комиссией были определены самые лучшие произведения, и авторы награждены почётными грамотами Алтайского крайкома ВЛКСМ. Среди отмеченных был начинающий писатель, инженер котельного завода Николай Павлов за рассказ «Литейщики». ⁵² Стихотворение Ивана не было отмечено никем и ничем. Не царашнуло ли самолюбие Ивана? Насколько мы можем судить о характере Ивана Ефимовича, не могло его это не задеть. У Павлова рассказ о молодых рабочих завода, но ведь Иван тоже воспевал трудового человека, и притом не какого-то городского интеллигента, а труженика от земли! Неужели секретарь крайкома ВЛКСМ М. Ильичёв не читал его стихи? Читал, конечно, если их читают в Москве и по всей стране.

В целом же 1949 год, как было сказано, для Ивана был удачным. По целой подборке было напечатано в «Сибирских огнях» и альманахе «Алтай». Но радость была преждевременной. Критики вновь встретили стихи Фролова недоброжелательно. Б. Рясенцев в шестом номере журнала «Сибирские огни» за 1949 год опубликовал статью «Вопреки ожиданиям», в которой нелестно отозвался о произведениях Фролова: «... Иван Фролов, без всякого сомнения, одарённый молодой поэт. Это можно было определить и по некоторым из его стихов, опубликованных в предыдущих номерах

⁵² КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

альманаха и в других изданиях, и по отдельным кускам пока ещё не напечатанной поэмы «Комсомольский значок», обсуждённой на совещании актива журнала «Сибирские огни». Фролов вызывает пристальное внимание читателя и своими достоинствами, и своими ошибками...

Преждевременно было бы назвать молодого литератора «певцом социалистической Кулунды», но, во всяком случае, заслуживает быть отмеченным его упорное стремление смело брать боевые, общественно-значительные темы современности и раскрывать их на конкретном материале Кулундинской степи... Нередко удаётся Фролову найти свежие, сильные слова и крепко, прочно поставить их в запоминающейся строфе. Короткое стихотворение «Зерно» заканчивается хорошей взволнованной строфой:

В музее выставить бы надо.
На полке славы, — под одно
С могучим пушечным снарядом,
Простое хлебное зерно.

Но в этом же стихотворении читаем и такие строки о зерне:

Оно у нас не обделило
Ни трудолюбя, ни бойца,
Войдя сверхатомною силой
В тугие жилы и сердца.

Это — риторическое рассуждение, причём не очень точно грамматически выраженное. «Оно — не обделило» — это не по-русски сказано. Обделить или не обделить кого-либо можно чем-нибудь («никого не обделили зерном»), но не собой. «Ни трудолюбя, ни бойца» — что за странное противопоставление? Разве боец, солдат Советской Армии, не трудолюбив? Явная нелепость! Дело в том, что слово «трудолюб» в данном контексте не может заменить слов — «труженик тыла», «хлебороб», а именно это хотел, но не сумел выразить автор.

А чего стоят «тугие сердца»? Ведь эпитет «тугие» относится не только к «жилам», но и к «сердцам»! И как это зерно «входит в жилы» (хотя бы и некоей «сверхатомной силой»)? Это, конечно, просто заумь.

Есть в Кулундинском цикле Фролова, состоящем преимущественно из коротких стихов, стихотворение «Хлеб-соль», замысел которого прост, но значителен... Кулундинцы знают:

— Это к родине-матери нашей
С хлебом-солью идёт Кулунда!

Здесь, в этом лаконичном и стремительном развороте темы снова ощущается поэтически-крепкая «хватка», которая есть у Фролова. Тем досаднее, что стихотворение испорчено несколькими непродуманными определениями и описаниями. Ну вот, к примеру: «По степи, как по ровному диску — поезда: к колесу колесо». Из-за неуместного слова (понадобившегося только для рифмы к «кулундинский»), можно подумать, что поезда совершают круговые рейсы по степи, ибо ведь диск — это круг!

Чем короче произведение, тем более отточенным должно быть в нём каждое определение...

... есть у Фролова заблуждения и принципиального порядка, приводящие к тому, что вместо поэтических произведений порою из-под его пера выходят рифмованные пустышки. Таково, к примеру, стихотворение «Золото»... в сочинении нет ничего, кроме словесных трюков. Упомянув о мастере, у которого «золотая рука», автор сообщает, во-первых, что на этой руке «золотые часы», во-вторых, что на полях Алтая — «золотая пшеница», в-третьих, что в реках — «золотистые рыбы»...

Как всё это далеко от той конкретной изобразительности, которую умеет находить И. Фролов, когда вдумчиво и ответственно работает над стихом. И совершенно необходимо, чтобы он ясно это понял!»

Прислушивался ли Фролов к замечаниям и советам критиков, о том нам не ведомо. Но то, что критика не сказывалась на его производительности и напористости, точно. В том же 1949 году он сдал в издательство рукопись первой книги. Момент подходящий: из издательства уволился главный редактор Алексей Сотников. В его бытность у Фролова, честно сказать, было мало шансов увидеть свою книжку в печати. Сотников был очень строгим редактором, всегда имевшим целый список претензий к творениям Фролова. На счастье Ивана Ефимовича,

новый редактор оказался то ли менее требователен, то ли менее опытен, за что, как увидим далее, получил от критиков камень в свой огород. Однако, заметим, критике подвергся не только сборник, но и практически все публикации Фролова в других изданиях того же 1950 года, кроме стихотворения «Телефонистка» — журнал «Октябрь» № 5 и сборник «Тебе, Родина», Барнаул, 1950 год.

Журнал «Сибирские огни» № 5 1950 год, Иван Ветлугин, «О самых простых и скромных»: «... Перед нами первая книга стихов молодого барнаульского поэта Ивана Фролова. Многие из того, что вошло в сборник «Моя Кулунда», уже знакомо читателям. Хорошее стихотворение «Телефонистка», не так давно опубликованное в московском журнале «Октябрь», было перепечатано несколькими областными газетами. Стихотворение завоевало право на жизнь. Оно полюбились читателям... Герои большинства стихов Ивана Фролова — простые советские люди...

В большинстве случаев Иван Фролов сумел рассказать о своих героях просто, задушевно. В самых удачных строфах его стихов мы наблюдаем полное соответствие формы и содержания, т. е. то, без чего немислимо полноценное художественное произведение. Такие стихи достигают наибольшей выразительности. В них — словам тесно, мыслям просторно...

Бессмертие человека — в его труде, в его делах. Эта мысль раскрывается в стихотворении «Шестаково поле».

Колхозный хлебороб Шестаков, участок которого славился богатыми урожаями, умер. Поэт рассказывает:

...Через десять лет
Я спрашиваю снова:
— Какое лучше из полей?
И слышу:
— Шестаково.
— Выходит дело, ваш земляк
Не умер? Жив в народе?
И мне в ответ:
— Выходит, так.

Герой третьего стихотворения — рядовой продавец... Скромный труженик, у которого «ни рубля растраты, зато

семнадцать премий и наград», честно стоит на посту, он не гонится за славой, и слава сама приходит к нему. Земляки-сельчане, избирая его своим депутатом в Совет, говорят:

— Он, продавец с большим и честным
стажем,
Трудился так, чтобы в конце концов
Работали все магазины наши
Без всяких денег и без продавцов...

Герои стихов Ивана Фролова — не «вообще» советские люди, а его земляки, жители того края, в котором вырос поэт и который он безгранично любит, как частицу необъятной Родины. Край этот — степная Кулунда, Алтай. И. Фролов рассказывает о своих земляках, и это придаёт его стихотворениям особенную достоверность, искренность, душевность...

И всё-таки после прочтения всего сборника остаётся чувство некоторого неудовлетворения. Обидно за талантливого поэта, не сумевшего или не пожелавшего отделить от хороших стихов плохие, и досадно за издательство (редактор С. Романенко), которое недостаточно требовательно отнеслось к автору «Моей Кулунды».

Наряду с хорошими стихами, в сборнике много плохих. Можно подумать, что и поэтом, и редактором руководило желание сделать книгу как можно более объёмистой. Она распухла за счёт таких слабых стихотворений, как «Озеро Яровое», «Золото», «Гора», «Слава и почёт», «Сваты», «Да здравствует», «Новый год» и некоторых других. Не все перечисленные стихотворения не интересны по замыслу, но все они неудачны по исполнению.

Ну и мастер!
Рука у него золотая!..
Золотые часы на руке...
Золотая пшеница степного Алтая...
Золотистые рыбы в реке.
Критик скажет:
— Не много ли, батенька, будет?
Это надо ж: весь лист золотым залитой!
Что поделать!

Такое уж время и люди:
Времена золотые,
Народ золотой!

Здесь — не очень умелое и не очень оригинальное жонглирование словами, и больше ничего. Ни мысли, ни чувства. Действительно, часы на руке мастера могут быть золотыми, а рыба в реке золотистой, но эти обстоятельства не характеризуют ни мастера, ни времена, ни народ... Нам кажется, что Иван Фролов потерпел неудачу именно потому, что в работе над «Золотом» он пошёл не от жизни, а от плохих литературных образцов. Такими же неудачными произведениями являются «Гора» и «Слава и почёт» — заготовки. Они попали на страницы печатного сборника прямо из записной книжки. И очень жаль!..

Напрасно также включено в сборник стихотворение «Озеро Яровое». Поэт сообщает нам об озере, что «здесь потонет разве что железно, а душа живая — ни одна», что «Яровое буря не волнует, только чуть поглаживает зыбь», т. к. вода этого водоёма густо насыщена солью. Мы можем простить автору не совсем ловкое описание озера, но концовка стихотворения, ради которой оно, собственно, и написано, кажется нам странной:

Озеро мое, не оттого ли
Нам в степи так дышится легко,
Что щепотки этой крепкой соли
Есть в крови у нас, сибиряков?..

Наверное, не «оттого». Вывод надуманный, громкая фраза лишена какой-либо значительной мысли... Подобные стихи снижают достоинство книги.

Чувство неудовлетворённости, о котором мы говорили выше, усиливается ещё и тем, что даже в хороших стихотворениях молодого поэта встречаются слабые строки. Ивану Фролову очень часто изменяет вкус...

Много в стихах И. Фролова случайных эпитетов, вроде «дом — негромкий и негулкий»; встречаются неэкономные словесные нагромождения, подобные строке: «и чуял, видел, слышал он...», есть излишне натуралистические сценки:

И, клянясь в три бога,
Я подполз и задушил

Всю в зелёном погань.
Пальцы этой вот руки
В липкой жиже, в сале и т.д.

Всё это плохо, безвкусно. Такие строки надо было выправлять или безжалостно вычёркивать...

Первая книга стихов — это первый серьёзный экзамен, который держит молодой поэт перед читателями. Иван Фролов мог бы получить более высокую оценку, если бы требовательнее отнёсся к своей работе. Сейчас же читатели будут благодарны ему за многие интересные стихи «о самых простых и скромных», но не за книгу в целом. К новым его произведениям они предъявят ещё более строгие требования. Такое право дают им творческие возможности молодого поэта».

Серьёзный разнос от опытного мастера слова прозвучал на всю страну. Но Фролов, думается, вновь не внял уроку. Для него, видимо, главным было печататься. По количеству публикаций в тот период он превосходил всех алтайских писателей. Благодаря первому сборнику он был принят в Союз Советских писателей. Первый на Алтае член Союза! А его стихотворение «Телефонистка» читали во всём Союзе ССР.

Вот как об этом стихотворении вспоминает поэт Марк Юдалевич: «Иван Фролов появился в печати в 1946 году, как собственный корреспондент «Алтайской правды» по районам степной Кулунды. Он отличался тогда исполнительностью, скромностью. Вскоре стал публиковать свои стихи. Это были главным образом стихи о той же Кулунде, которую Фролов, как писали позже, обозначил на карте советской поэзии.

Позднее поэт написал стихотворение «Телефонистка». Это талантливое стихотворение сыграло в жизни автора роковую роль. Оно было посвящено Сталину. Сюжет состоял в том, что простой телефонистке довелось соединять по телефону с секретарем обкома самого Иосифа Виссарионовича. (Иван Ефимович, вероятно, не знал, что для подобных случаев существует совсем иная связь. Но суть не в том). Суть — в переживаниях телефонистки, которая всем существом прониклась любовью к великому вождю. Стихотворение имело большой успех, его восторженно хвалили в «Литературной газете».

Фролов не выдержал испытания такой славой. Он запил по-черному. Вместе с запоями росло самомнение поэта. В его лексике появились фразы: «Народ меня любит», «Я себя от народа не отделяю». Новых заметных стихов не было, на смену им пришли полупоэтичные байки об Иване Фролове...»

«Телефонистка» действительно вскружила голову поэту, и несколько позже он напишет стихотворение, которое, конечно, нигде не публиковал. Сохранилась, к сожалению, только вторая его часть:

«... А я пока хожу, ещё здорова,
Хотя лекарства начинаю пить.
Да, пала вот ещё корова,
Ты не сможешь новую купить?»

— Родная мама! — был ответ поэта, —
Ты, верно, часто слышишь обо мне,
Стихи мои всему известны свету
И переводятся в любой стране.

«Телефонистка» издана в Китае,
Её сейчас читает мал и стар,
И даже из Гвинеи и Малайя
Я получил недавно гонорар.

Я стал теперь поэт известный миру
И обо мне повсюду разговор,
Но только выселяет из квартиры
Меня несправедливый прокурор.

Народ вокруг, угрюмый и зловецкий
Писать я совершенно не могу,
И из квартиры выбросили вещи
И их я днём и ночью стерегу.

Любимая, покуда будь здорова,
Приник бы я к твоим родным рукам,

Ты что-то там писала про корову,
Не беспокой меня по пустякам.

Я не пойму, не знаешь ты как будто,
Что мне сейчас отнюдь не до коров
Мой каждый час и каждая минута
Нужны народу —
Твой Иван Фролов». ⁵³

Популярность произведения, внимание читателей и критиков, как правило, заставляют автора требовательней относиться к своему творчеству, более вдумчиво работать над стилем и выражением. Фролов же всегда спешил, а потому его произведения постоянно находились под прицелом критики. Даже «Телефонистка», и та не миновала замечаний. Зиновий Паперный в статье «Сила слова», опубликованной в «Литературной газете» 25 июля 1950 года, пишет:

«... Вот другое стихотворение — «Телефонистка» Ивана Фролова («Октябрь», № 5, 1950), на наш взгляд, одно из самых удачных за последнее время... убедительно раскрывается здесь внутренняя связь, духовная близость между вождем и маленьким рядовым работником. Недаром телефонистке кажется, что от нее «рукой подать до древнего Кремля». Вот эта главная мысль, раскрытая во многих верных жизненных деталях, и волнует нас в стихотворении. Но, к сожалению, поэт не сумел по-настоящему завершить свой стих, он затянул конец, как бы разбавил его и тем самым несколько снизил действенность стихотворения...»

Паперный сказал мягко, интеллигентно, а вот Александр Смердов в статье «Свежий поэтический голос» в «Алтайской правде» 15 ноября 1950 года прошёлся по стихам Фролова несколько жестче: «Уже своими первыми

---

⁵³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 161 (орфография и пунктуация сохранены)

стихотворениями, появившимися в сибирской печати, Иван Фролов обратил на себя внимание, как поэт, обладающий свежим голосом, подкупающей искренностью и непосредственностью поэтического выражения. В стихах молодого поэта сразу почувствовалась его прочная связь с советской действительностью, с жизнью алтайской колхозной деревни, родственная близость автора к героям его стихов — алтайским хлеборобам, простым советским людям, труженикам... вместе с тем обнаруживаются и весьма серьезные недостатки, и погрешности его творчества... вопреки намерению автора выразиться поэтически, «покрасивей», сказывается недостаток поэтической культуры, недостаток поэтического вкуса, оторванность стихов от жизни...

Первая книга стихов Ивана Фролова показывает, как необходимы молодому поэту самая стойкая литературная учёба, более взыскательная работа над словом...»

Не менее жёстко отозвались о стихах из книги «Моя Кулунда» Михаил Длуговской и Константин Козлов в статье «Стихи, о которых следует говорить», опубликованной в газете «Звезда Алтая» 23.09.1950 г.: «... Название сборника «Моя Кулунда» заставляет насторожиться. Может быть, молодой поэт оказался в плену у своей Кулунды, не сумел выйти за пределы этой довольно ограниченной тематики? Но уже первое стихотворение «Телефонистка», открывающее сборник, опровергает все сомнения и убедительно говорит о том, что мы имеем дело с поэтом серьезным, от которого читатель вправе ждать больших художественных полотен...»

«Телефонистка» — выдающееся стихотворение, созданное рукою зрелого художника... образы И. Фролов создаёт любовно, с чувством...

Но иногда Ивану Фролову изменяет чувство меры. В поисках сногшибательных поэтических выкрутасов он начинает жонглировать словами или, вернее говоря, начинает заниматься поэтическим трюкачеством. Тогда из-под его пера выходят неяркие, скороспелые стихи, фальшивые от начала до конца...

Перед нами стихотворение «Правда». Написано оно без знания жизни, деревянным, сухим языком. Каждое слово, каждое

В 1949 году Фролов работал очень напряженно. Он пробовал свои силы в нескольких направлениях — принял одновременно за несколько поэм и критическую статью на произведения Ольги Берггольд. Закончил и опубликовал Фролов только одну из поэм, а со статьёй дело не вышло. Судя по дошедшим до нас черновикам, замыслилась статья как положительная, предполагалось рассказать о достоинствах произведений известного поэта, заострить внимание на фразеологических и стилистических находках — одним словом, похвалить. Но не получилось. Восемь листов формата А4, исписанные неровным, торопливым почерком, многие строчки и целые абзацы перечеркнуты. Один абзац начат «о силе слова» — зачёркнуто, другой «о патриотизме» — зачёркнуто. И так на всех восьми листах. Написать статью о творчестве коллеги, видимо, недовольного ни опытом, ни знаниями. А хотелось. Судя по почерку и цвету чернил, Фролов принимался за статью не один раз и с большими перерывами, но так и не смог завершить.⁵⁴

Фролов в те годы, активно сотрудничая с Алтайским краевым Домом народного творчества, занялся сбором фольклора. Рассказы, частушки, истории разные, пословицы и поговорки — всё в один, как говорится, котёл складывал. Собрать-то собрал, а вот как из всего этого сделать цельную вещь? Сделал на своё усмотрение и отнёс рукопись в книжное издательство. Не приняли. Разбили в пух и прах и вернули. Другой бы забросил материал в дальний угол стола и забыл о нём. Но Фролов был не таким человеком. Он стал осаждать Дом народного творчества, но в нём специалистов-редакторов, конечно же, не было. В итоге каким-то образом удалось к обработке собранного материала привлечь заведующего отделом газеты «Алтайская правда», и в 1951 году в свет вышла брошюра «Народная поэзия в творческой работе агитбригад». Этой работой Фролов очень гордился. В мае 1951 года (как только

⁵⁴ КГКУ ГАК Ф. Р1282, оп. 1, д. 133

брошюра была издана) он подписал её М. Юдалевичу: «Марку Иосифовичу, шлю на твой суд первый свой опыт в области устного народного творчества. С уважением И. Фролов. г. Барнаул 20.V.1951 г.». Опыт этот, как оказалось, был первым и последним.

Вернёмся к поэмам. В работе у Фролова, как уже говорили, их было три: одна — «Комсомольский значок», вторая — «Кулундинец на войне», третья без названия, но в сборнике «Моя Кулунда» отрывок из неё назван так: «Сваты». Поэма «Комсомольский значок» была напечатана в альманахе «Алтай» в 1950 году и заняла в нём 11 страниц. Первым на поэму откликнулся Ю. Сальников. В четвертом номере журнала «Сибирские огни» того же 1950 года была опубликована его статья «Альманах «Алтай». В ней автор дал оценку всем произведениям очередного номера альманаха, в том числе и поэме: «... В центре внимания читателя, бесспорно, окажется хорошая поэма И. Фролова «Комсомольский значок».

Это — первое крупное произведение молодого одарённого поэта, хорошо знакомого читателям Алтая по многочисленным его стихам в местной печати.

Над поэмой И. Фролов работал долго и упорно, несколько раз изменял её... внёс существенные смысловые изменения в соответствии с указаниями партии о бригадной системе труда в колхозах.

Поэма «Комсомольский значок» тепло и проникновенно рассказывает о большой любви двух молодых людей — шофёра Василия и бригадира колхозной бригады Раи...

Герои поэмы вызывают у читателя глубокую симпатию. Они нарисованы автором с любовью и с тем мягким весёлым юмором, который позволяет любить их как взрослых серьёзных людей, но в то же время как-то со стороны, с улыбкой воспринимать их поступки, продиктованные молодостью, непосредственностью, юношеской восторженностью.

Поэму отличают присущие лучшим стихам Ивана Фролова конкретность изображения, лаконичность, свежая рифма. Поэт умело пользуется повторами, последовательно усиливая, углубляя их смысл и звучание...

Не всё в поэме удачно. И. Фролов часто пользуется диалогом, но язык героев мало индивидуализирован. Труд колхозницы Раи, например, никак не отразился в её речи.

Мешают читателю в поэме также не всегда точные эпитеты и явно случайные словечки. Шофёр в поэме называется повсюду Василием, и вдруг в одном месте читаем: «друзья-водители гадали: «Что сотворилось с Васильком?» Это уменьшительное «Василёк» так неожиданно врезается в текст почти в самом конце поэмы, оно так неоправданно, что кажется припаянным только из-за рифмы «ветерком».

И. Фролову предстоит ещё большая работа над словом, упорная литературная учёба, что ускорит творческий рост способного поэта...»

Отзыв, в общем, был неплохим, и это воодушевило Фролова разослать поэму во многие центральные журналы и газеты. Но одно дело местный журнал, и совсем другое — всесоюзный. Так сказать, что является счастьем для вассала, то далеко не всегда радует Цезаря. Из всех редакций пришли отказы. Не взяли поэму в печать и в журнале «Звезда», мотивируя тем, что над ней ещё нужно работать.⁵⁵

Отказы не особо огорчали Фролова и совсем никак не сказались на его активности. Получив отказ из одной редакции, он тут же высылал произведение в другую. Просто перекладывал рукопись в другой конверт и писал новый адрес. В этом, нам кажется, чётко просматривается отношение Ивана Ефимовича к критике. Очень похоже, что поэт её просто игнорировал. В силу слабой литературной грамотности (да и где её было набраться?) он попросту не понимал, чего от него хотят. А потому исходил из соображения: что не нравится одному редактору, вполне может понравиться другому. В качестве примера, такой случай. В декабре 1955 года Фролов выслал в редакции газет «Алтайская правда» и «Звезда Алтая» небольшие подборки стихов. «Алтайская правда» дала устный отказ, а «Звезда

⁵⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

Алтая» письменный: «...Ваши стихи «Под новый год» и «Первый трактор» мы не смогли использовать...» Недолго думая, Фролов выслал эти же стихи в журнал «Советский Казахстан», там «Первый трактор» опубликовали.⁵⁶ И такой метод Фролов использовал всю творческую жизнь.

Иван Фролов был поэтом плодовитым и всё написанное пытался пристроить любым образом. Но опубликоваться удавалось нечасто. В 1951 году Фролов напечатался только в двух изданиях — сборнике «Алтай в художественной литературе» и альманахе «Алтай». И то в сборник вошли уже знакомые читателям стихи «Кулунда» и «Хлеб-соль». Новое стихотворение вышло только в «Алтае» — «Китайская ваза», посвящённое И. Сталину.

Хотя 1951 год начался для Фролова с добрых вестей. 23 января он получил из Москвы из ССП СССР телеграмму: «Состоялось решение комиссии рекомендовать Вас союз писателей поздравляю новым годом желаем творческих успехов завкадрами союза писателей Жданова». Через три дня, 26 января, ещё одна телеграмма: «Примите новогодние поздравления тчк книжку получил благодарю тчк комиссия приняла вас союз близжайший президиум должен утвердить жму руку Ажаев». Москва признала! Союз признал! От радости, казалось, душа в небо улетела. А тут ещё 16 марта газета «Пионерская правда» опубликовала стихотворение «Почему» о любознательном мальчике. Стихотворение небольшое, но зато во всесоюзной газете, которую читают в самых отдалённых уголках огромной страны, в каждой школе!

В конце марта 1951 года прошло Второе Всесоюзное совещание молодых писателей, на котором Фролов познакомился с Ю. Трифоновым, Б. Полевым и М. Исаковским. У последнего даже побывал в гостях, чем чрезвычайно гордился. После совещания Фролов написал статью-отчёт, и её опубликовали в журнале «Смена». В «Алтайской правде» напечатали стихотворение «Посеять яровые за декаду!»,

⁵⁶ Там же.

а в «Сталинской смене» — стихотворение о выборах. Цитаты из его творений разорвали на лозунги, в Бийске над входом в городской сад висел плакат «Мы на Алтайской целине взрастим хлеба родной стране!». Подобные плакаты были и в Барнауле, и в других городах, посёлках и сёлах края.

Такая популярность, по-видимому, уверила Фролова в его недоюжинном литературном таланте, и он примерил на себя роль учителя, редактора и рецензента. Сочинил рецензию на только что вышедшую из печати книгу Николая Павлова «Горячее лето» и отослал ее в Москву, в журнал «Знамя». Не в «Алтайскую правду» или, скажем, «Сталинскую смену» и даже не в новосибирские «Сибирские огни», а сразу в журнал союзного значения. Но первый блин получился комом:

«Уважаемый товарищ Фролов!

Мы с большой охотой напечатали бы Вашу рецензию на повесть Н. Павлова. Однако, к сожалению, Вам не удалось с достаточной ясностью и последовательностью охарактеризовать книгу. В Вашей рецензии часто встречаются расплывчатые, неопределенные оценки. «В основном, удачно разрешена и тема любви Владимира Карпова и Антонины Мироненко» /стр. 3/. «В основном, удачно выведен секретарь партбюро Федор Иванович Мироненко» /стр. 4/. «Вызывает сомнение образ Хазарова» — читаем мы на стр. 7, в то время, как на стр. 2 Вы с одобрением излагали историю перестройки того же Хазарова. Так же недостаточно ясен и вывод, которым Вы заключаете Вашу рецензию: «Эти недостатки, конечно, обедняют достоинства» [?/] неплохой в целом повести, имеющей, на наш взгляд, самостоятельное художественное значение». Мы будем рады, если Вы постараетесь поработать над рецензией, сделаете ее более четкой, последовательной, содержательной и после этого пришлите её нам снова.

*По поручению редакции журнала «Знамя» И. Гринберг. 10/ XII-51 г.»*⁵⁷

⁵⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 11

Перерабатывать рецензию Фролов, конечно, не стал. У него появились дела важнее.

В январе 1951 года было принято решение о строительстве Волго-Донского канала. Работы развернулись масштабные, и Фролов загорелся желанием принять участие в стройке века. И он начал засыпать Союз писателей просьбами выписать ему творческую командировку на строительство канала. Что такое строительство судоходного канала длиной в 101 километр в начале пятой пятилетки, когда страна ещё только начала выходить из военной разрухи, говорить не надо. Гигантская стройка века! Соответственно, и писателей, желающих воспеть её, было много, а казна Союза писателей не бездонна. Но Фролову всё же, с помощью крайкома ВКП(б), удалось оформить командировку.⁵⁸ Детально вникать в процесс строительства, изучать характеры было не в его характере. Познакомившись с эпохальным строительством, набросав около дюжины стихов, он возвратился на Алтай в полной уверенности, что удивит и читателей и критиков свежим взглядом на великое дело советского человека.

Перед выездом на Волго-Донской канал Фролов, собрав рукопись, пытался издать сборник стихов. Один экземпляр он выслал в Новосибирское издательство, второй — в Алтайское. Но, увы. Попытка издать книгу в Новосибирском издательстве «Новсибгиз» не увенчалась успехом. Рукопись была возвращена 4 декабря 1951 года с припиской: «...стихи нуждаются в серьёзной доработке». Как мы уже говорили, Фролов по складу характера не был склонен возвращаться к написанному и править. Вот и в тот раз, что-то убрав, что-то добавив, он повторил попытку. И вновь неудача. 1 февраля 1952 года рукопись вернули практически с той же припиской.⁵⁹ И только после доработки стихов с редактором издательства (и критиком

⁵⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 8

⁵⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 165

Юлием Мостковым) сборник был сдан в работу и издан в 1952 году с названием «Стихи». Из больших произведений в него вошли поэма «Комсомольский значок» и отрывок из поэмы «День рождения». К слову, это единственный сборник поэта, на который нам не удалось найти отзывов. Ни хвалебных, ни разгромных. Почему-то критики обошли этот труд Фролова стороной.

Решая вопрос издания сборника, Фролов, невзирая ни на какие трудности, пытался опубликовать стихи, написанные во время командировки на Волго-Дон. В большинстве случаев из редакций приходили отказы. Но упорству Фролова можно позавидовать, и, в конце концов, в марте 1952 года в «Литературной газете» были опубликованы стихи «Дружба», «Две горы» и «Море идёт в колхоз». Добились, опубликовали, и не где-нибудь, а во всесоюзной газете! А в апреле в газете «Алтайский текстильщик» напечатали его статью о командировке на Волго-Дон «Во имя мира» и стихотворение «Рябина».

В № 3 журнала «Сибирские огни» (1952 г.) вышла статья критика Р. Борисова «Пятая книга альманаха «Алтай», в которой автор дал оценку всем произведениям, вошедшим в номер. Особенно досталось повести «Огни в степи» начинающего прозаика П. Бутурлакина. Фроловской же «Вазы» критик слегка коснулся так: «... В стихотворении И. Фролова «Китайская ваза» есть несколько сильных строк, в которых мысль выражена ярко. Но в целом формальная сделанность преобладает над задушевностью тона. Такой недостаток обнаружился уже и в некоторых ранних стихах Фролова, хотя вообще он не характерен для творчества этого способного поэта...»

Мы упоминали уже, что в конце 1951 года Фролов подал заявку на издание книги в два издательства — Новосибирское и Алтайское. В Барнауле, как и в Новосибирске, рукопись поэту вернули на доработку. Потом ещё раз. И ещё раз. Но Фролова, как мы уже знаем, отказы не обескураживали, и в конце января 1952 года, сборник

«О самых простых и скромных», изрядно переработанный, был-таки подписан в печать. С одной стороны, задержка даже сыграла на руку поэту — он успел вставить в него стихи, написанные в командировке на Волго-Донском канале: «Великим стройкам коммунизма», «Волга Дону руку подаёт», «Гора с горою сходится», «Рябина», «Море идёт в колхоз», «Иртыш и Обь». Все остальные произведения были опубликованы ранее и хорошо известны читателям.

Если сборник, изданный в «Новосибгизе», критики пропустили мирно, то алтайский без внимания не остался. Первым на него откликнулся Марк Юдалевич. В газете «Сталинская смена» от 3 октября 1952 года была напечатана его статья «О самых простых и скромных»: «Алтайское книжное издательство выпустило в свет новый сборник стихов Ивана Фролова «О самых простых и скромных» ...

Особенно удалось... стихотворение «Море идет в колхоз»

... Что вот-вот неукротимым

валом,

Не оставив засухи следа,

На поля и нивы по каналам

Хлынет животворящая вода».

Автор убедительно показывает то новое, что вносит приближение моря в жизнь и быт колхозников...

Примечателен сюжет стихотворения «По селу проходят «Москвичи»... интересно стихотворение «Май»... запоминается стихотворение «Хорошая работа»...

Однако в сборнике немало стихов, которые... стоят значительно ниже названных, ниже возможностей Ивана Фролова...

Только вследствие низкой требовательности к себе автор включил в свой сборник и такие стихи, как «Няня», «Девушка из отдела писем»... стихи явно не удалось поэту. Они получились слащавыми, приторными, надуманными...

Иван Фролов умеет работать над стихами. При более добросовестном отношении к своей работе он мог бы избежать подобных ошибок.

Следующим откликнулся М. Исаковский. В своей статье «О самых простых и скромных», напечатанной

в «Литературной газете» 27 ноября 1952 года, он пишет: «... Очень часто Фролов допускает в своих стихах языковые погрешности, неточности, неловко построенные фразы.

В одном месте у Фролова говорится:

Трудом, культурой

Диаграмма эта

Ему расскажет о делах села.

Но как диаграмма может рассказать «трудом» и «культурой»? Разве диаграмма может трудиться или заниматься культурой?

В стихотворении «Дуб»... имеется такое место:

Но, словно грудью материнской,

Его вскормил кусок земли.

Такие и подобные им небрежности в языке особенно досадны потому, что, конечно же, Фролов может писать гораздо лучше, человек он вполне грамотный, и у него, несомненно, есть чувство языка. Надо только не торопиться, надо тщательней отбирать каждое слово, оттачивать каждую фразу...»

Более жёстко высказался С. Бражкин в статье «Замыслы и свершения», опубликованной в газете «Алтайская правда» 30 ноября того же года:

«Два года назад алтайский поэт Иван Фролов выступил с первой книжкой стихов «Моя Кулунда». Многие стихотворения, включенные в сборник, в основном представляли собою подступы к теме. Только поиски «своего голоса», средств выражения. В них сказывался недостаток поэтической культуры и поэтического вкуса молодого автора...»

Однако при всём этом сборник «Моя Кулунда» встретил доброзелательное отношение читателей и критики...

Вышедший недавно в Алтайском краевом издательстве сборник стихотворений и поэм «О самых простых и скромных» свидетельствует о заметном творческом росте Ивана Фролова...

В лучших своих стихотворениях «Май», «Море идет в колхоз», «Рябина» Ив. Фролов точен и конкретен в описаниях, полных реальных, достоверных подробностей. Стихотворения эти написаны просто, интонация в них естественна. Именно в этом их доходчивость и убедительность. Но таких стихот-

ворений в сборнике мало, и они заметно возвышаются над общим уровнем остальных произведений книжки.

В печати уже отмечалось, что основным недостатком в творчестве Ив. Фролова является низкая требовательность к себе, к своей работе, способная привести к застою...

У Ив. Фролова нередко, даже в лучших стихотворениях, встречаются слова, поставленные невпопад, показывающие, что поэт относится еще без должной требовательности к смысловому выражению употребляемого слова...»

Наверное, у некоторых читателей сложится мнение, что все критики только и делали, что искали в стихотворениях Ивана Фролова ошибки и недоработки. Если так случилось, то следует вступить за поэта. Практически все критики и рецензенты отмечали, что Фролов способный поэт и мог создавать произведения высокой пробы. В вину же ему ставили то, что он спешил, не любил и не умел вычеркивать и порой просто ленился работать над построением фразы, не утруждал себя поиском нужного слова. Примером хорошего, тёплого отношения к творчеству Фролова может послужить статья В. Трушина «О новых произведениях алтайских писателей», опубликованная в альманахе «Алтай» № 6 в 1952 году: «... Тема любви к Родине, к родному краю, определяет творчество Ивана Фролова... С неподдельной теплотой и искренностью передаёт поэт чувства человека, после длительной отлучки вернувшегося в родную Кулунду, где простые люди преисполнены радостью колхозного труда.

Я дома...

Хлопочет с закусками мама

И книжку торжественно мне подаёт:

— У нас трудоднице-то в семь килограммов,

А в книжке моей, погляди-ка, пятьсот!..

Поэт гордится тем, что его Кулунда является «закромом Алтая». Закономерно звучит концовка стихотворения:

Цвети ж, золотая степная равнина,

Цвети сплошняком от Оби к Иртышу!

Я сын твой.

Я ездил и видел немало.
Но в самых прекрасных больших городах
Тебя мне всегда и везде не хватало,
Мечта моя,
Песня моя, Кулунда!

Для И. Фролова Кулунда — это неотъемлемая часть великой советской страны. Это чувство Родины он хорошо показал в небольшом по размеру, но наполненном глубоким содержанием стихотворении «Хлеб-соль».

Вдоль степного
Равнинного диска —
Поезда — к колесу колесо.
В грузных «пульманах» —
Хлеб кулундинский,
На платформах —
Бурлинская соль.
А с токов люди машут и машут,
Провожая свои поезда: —
— Это к Родине — матери нашей
С хлебом-солью идёт Кулунда!

Поэт во многих своих произведениях славит простых людей, тружеников, которые отдают все свои силы на укрепление могущества своей Родины. Он умеет показать, что в советской стране любая профессия, любой труд являются делом чести, делом славы, доблести и героизма... Наибольшую известность из этого цикла завоевало стихотворение «Телефонистка», в котором автор показал горячую любовь советских людей к великому Сталину...

Недавно краевое издательство выпустило в свет книгу И. Фролова «О самых простых и скромных». Наряду с новыми стихами и поэмами, такими как «Великим стройкам коммунизма», «Море идёт в колхоз», «Волга Дону руку подаёт», «Именины» и другими, в сборник включён ряд стихотворений, которые нельзя назвать иначе, как перепевами «Телефонистки»... Циклом этих стихотворений, посвященных почти всем категориям работников связи, Иван Фролов стал переписывать самого себя. В «Телефонистке» поэт вывел образ старой матери,

радующейся счастьем дочери. Это — находка поэта, его творческая удача. Но когда эта «старенькая мама» начинает кочевать из стихотворения в стихотворение, то образ теряет свою свежесть, вызывает у читателя досаду...

Иван Фролов был в творческой командировке на строительстве Волго-Донского канала... Читатели, естественно, ожидали появления новых стихов, раскрывающих величие нашей эпохи. К сожалению, возлагаемые надежды пока не оправдались. Иван Фролов опубликовал несколько стихотворений, из них только «Море идёт в колхоз» и «Великие стройки коммунизма» можно считать более или менее удачными...

Иван Фролов безусловно способный поэт, и ряд его стихотворений получил высокую оценку. Но... главный недостаток в творчестве И. Фролова — низкая требовательность к себе. Писатель должен не только уметь писать, но и уметь зачеркивать. Зачёркивает И. Фролов, к сожалению, ещё не любит, над отдельной строчкой, над словом работает мало. Поэтому в его стихах много «кудреватости» и литературицины... Приведём несколько примеров:

Разбивая побережья в дробь,
Мечется взволнованная Обь.
Или в стихотворении «Рассказ пионера»:
В лагерь к нам приходят вести
Про колхозный урожай: —
Каждый колос зёрен в двести.
Ну, ребята, выезжай!

Если бы И. Фролов призадумался, он бы подсчитал, что двести зёрен в колосе — это урожай в 200 центнеров с гектара, что является фантазией.

Много в стихах нарочитой выдумки. Так, автор говорит: «покатил стремительный и броский их «Москвич» небесно-голубой», «Степана ждал колхозный самолёт», любовь колхозного депутата к своему народу «пролётится мощностью хлебов и ростом тучных стад»... Эти примеры показывают, что не утруждает себя И. Фролов работой над словом, над содержанием стиха. Крупным недостатком в творчестве И. Фролова является слащавость, сентиментальность, проскальзывающая

во многих стихах. Мы уверены, что поэт И. Фролов сделает правильные выводы из критики...»

Некоторые стихотворения из сборников «Стихи» и «О самых простых и скромных» тогда же, в 1952 году, были опубликованы в коллективных сборниках «За мир!» (Новосибирск) и «Мы мирные люди» (Барнаул), в журнале «Сибирские огни» № 2. А стихотворение «Доставщица телеграмм» напечатано в журнале «Октябрь» № 3. Публикация в журнале союзного значения — особая честь. Вскоре после выхода номера Фролов получил на домашний адрес весьма жёсткий читательский отзыв, копия которого была направлена в журнал «Октябрь» и Алтайское отделение Союза Советских писателей: «Новый столичный юморист (по поводу стихотворения о барнаульской комсомолке).

... Иван Фролов усвоил заповедь классических мастеров смеха — самим не смеяться, когда смешишь... стихотворение «Доставщица телеграмм» напечатанное в мартовской книге журнала «Октябрь» 1952 года читается под взрыв смеха везде, где собирается хоть 2 связиста...

... Иван Фролов утверждает, что

6. Пенкина разносит телеграммы бегом — вот и вся рационализация;

7. что она так бестактна, что адресатам систематически разрешает: «можете читать»;

8. что за целый год бегающая доставщица доставила лишь 4 телеграммы о смерти;

... Чтобы не предположить, что подобное стихотворение написано не-пародийно, мы высказываем единственно мыслимое предположение — как могло такое произведение появиться на страницах всеми уважаемого журнала и, в частности, в весьма содержательной этой третьей за текущий год книги?

В. Покровский». ⁶⁰

После такого читательского отзыва, думается, нелегко было Фролову. Но это было в конце года, а в начале Фролов

⁶⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д.51

завязал рабочие отношения с Новосибирским комитетом радиоинформации и попросил аванс. Областной радиокомитет — организация солидная, аванс в размере 800 рублей был перечислен Фролову 13 апреля. ⁶¹ Но прошёл месяц, а материала из Барнаула не было. Редакция начала разыскивать внештатного сотрудника: где он, что с ним? Получил ли аванс? По служебным делам сотрудник Новосибирского радиокомитета Юрий Мостков был в Барнауле и письмом или ещё каким-то образом напомнил Фролову о долге, и вот какое письмо получил в ответ 16 мая: «Дорогой товарищ Мостков!

Высылаю книжку очерков. Прошу, по Вашему усмотрению, лучшие из них выбрать и — если они того заслуживают — передать по радио.

Если можете — рукопись возвратите (вернее, — оставьте ее у себя, я скоро буду в Барнауле и зайду к Вам.

С искренним уважением Ваш Иван Фролов.

PS. Гонорар получил. Большое спасибо». ⁶²

Жаль, мы не знаем, чем закончилась история, и как в новосибирском радиокомитете отнеслись к широкому жесту поэта (выбирайте из сборника что хотите, я не жадный!), однако, согласитесь, в этом жесте Ивана Ефимовича был особый шарм!

Как мы уже говорили, Фролов время от времени пробовал свои силы в новых жанрах. В армейские годы сочинял пьесы, на гражданке писал стихи и очерки, в 1952 году дошла очередь и до эпиграмм. Возможно, его подтолкнула на это большая популярность колких и едких эпиграмм Алексея Сотникова. Но не исключено, что это был просто творческий порыв. Нам удалось отыскать всего две эпиграммы Фролова:

Борису Сквородникову.

Упорно он стучится в прессу,

⁶¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

⁶² КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп.1, д. 155 (орфография и пунктуация сохранены)

*Поля снегами позанёс.
И ныне снеговому прессу
Завидует сам Дед-Мороз.*

Марку Юдалевичу
Поднял бокал,
Над пьесой новой,
В Москве работу завершив.
Поздравил Марка с «Ползуновым»
Как говорят, — от всей души!⁶³

Опыт, как видим, оказался не блестящим. Больше к эпиграммам Фролов не обращался. Не получилось здесь — получится в другом месте. Связавшись с Глебом Пушкарёвым, Иван Ефимович предпринял попытку пробиться на страницы ежегодного издания «Золотые искорки». Издание солидное — тираж несколько десятков тысяч экземпляров, область распространения — Западная Сибирь. Из всего отправленного, к огорчению автора, для публикации взяли только одно стихотворение-быль «О лучшем из друзей» — о Сталине (сборник был издан в начале 1953 года).

С декабря 1952 года отношения Фролова с крайкомом партии и крайисполкомом, как мы помним, были натянутыми. К тем промахам, которые за ним уже числились, поэт присовокупил злоупотребление спиртным. А тут в конце января 1953 года в Москву на Всесоюзное совещание пригласили ответственных секретарей отделений ССП и редакторов русскоязычных альманахов. Как быть? Кого посылать? Не принять участие в важном совещании край не мог. Направлять Фролова — опасно, может подвести. В итоге, после жёстких инструкции и внушений, Иван Ефимович поехал-таки на совещание.

Но главным событием в 1953 году для Фролова стала, конечно, публикация книги в Москве, в издательстве

---

⁶³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 114 (орфография и пунктуация сохранены)

«Детгиз». «Хлеб идёт!» — стихи для детей. Прекрасные иллюстрации выполнил художник А. Пауков. Солидный тираж — 20 000 экземпляров. Фролова узнала вся страна! Поэт словно опьянён радостью — он всем доказал! После выхода книги в московском издательстве он укрепился в мысли, что критики и некоторые коллеги относятся к нему предвзято.

Следом за «Хлеб идёт!» в Москве вышел коллективный сборник «Хорошая работа» во Всесоюзной книжной серии «У пионерского костра», в котором у Фролова было напечатано два больших стихотворения — «Юннаты» и «Хорошая работа». Название сборнику дано по названию стихотворения Фролова, и это, несомненно, вызывало у автора гордость.

В августе того же года ещё два знаменательных события для Фролова: в альманахе «Алтай» № 7 выходит стихотворение «Советско-китайская дружба», а в журнале «Октябрь» № 8 стихотворения «Наташе» и «Осень в Кулунде».

Для Фролова эти публикации были очень важны. В самом начале 1953 года он был неофициально отстранён от должности ответственного секретаря отделения краевой писательской организации, и теперь как бы показывал и собратам по перу, и руководству края — смотрите, мол, какого знаменитого поэта вы хотите уволить. Эйфория длилась недолго — до июня 1953. Ни своего поведения, ни пагубных привычек Фролов не оставил, в результате чего, как мы уже говорили, в июне был освобождён от должности.

Фролов считал увольнение оскорблением и несправедливостью. Его роль в создании отделения ССП СССР в крае (по его мнению) была хотя и не главная, но и не последняя, и теперь, когда он создал организацию, добился финансирования, отладил работу (а ведь это, действительно, большая заслуга)⁶⁴ — вдруг стал не нужен. На этой почве

---

⁶⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 6

он порвал отношения со всеми писателями края. Перестал посещать собрания и всё чаще стал уходить в длительные запои.

В 1954 году Фролов выслал в отдел радиоинформации новое стихотворение «Агитатор Харитон Горошин». И Марк Юдалевич, рецензент отдела, отклонил стихотворение как низкопробное. Это было 4 сентября, а 29-го ещё с одним материалом Фролова произошла не менее обидная история. В начале сентября он отнёс в «Алтайскую правду» статью о сельском труженике и стихотворение. Через некоторое время, не дождавшись публикации, пошёл выяснять, почему не публикуют. Выяснилось, что по недоразумению статью и стихотворение выпустили из виду, и редактор «Алтайской правды» дал письменный ответ, где было сказано: «...теперь же и статья Ваша, и стихи утратили актуальность, и печатать их нет смысла». ⁶⁵ Далее редактор принёс извинения, но удар от этого не стал менее болезненным. Кстати сказать, с «Алтайской правдой» отношения у Фролова сильно не ладились с 1950 года. Об этом мы расскажем подробнее в следующей главе.

После таких случаев Иван Ефимович, по всей видимости, пустился в загулы, чем и расшатал здоровье. Для поправки здоровья Союз писателей выхлопотал ему путёвку от Литфонда в Кисловодский санаторий.

Но перед тем, как отправиться на юг, он предпринял ещё одну попытку опубликоваться. Фролов писал так же много, как и раньше, но творения его получались, по оценке критиков, «ниже всякой критики». В 1954 году он создал большую поэму «Все учат» и, как всегда, разослал в редакции журналов и издательства. 19 ноября из «Свердловского книжного издательства» пришёл короткий ответ: «...поэму «Все учат» — издать не можем...» ⁶⁶ Автор узнал об отказе несколько месяцев спустя, потому что с 1 ноября 1954

⁶⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

⁶⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 196

года до конца января 1955 по путёвке Литфонда проходил курс лечения в санатории Кисловодска. С опозданием он узнал и об отказе из журнала «Новый мир» (11.11.1954 г.), в котором редактор назвал стихи Фролова *поверхностными и холодными*. ⁶⁷

Во второй половине 1954 года Фролов по протекции Дома Народного творчества устраивается литературным консультантом в газету «Сталинская смена». За два неполных месяца Фролов написал около тридцати рецензий на стихи и рассказы, присланные из сел и деревень края. По большому счёту, то, что он публиковал, нельзя назвать рецензиями. Это были отзывы, бегло изложенные заметки, в которых не было и намёка на литературный разбор. ⁶⁸ Но, тем не менее, Фролов, что называется, был при деле, имел стабильный заработок для содержания семьи и в какой-то мере участвовал в литературном процессе.

В течение 1954 года ему удалось опубликовать всего одно стихотворение «Две сестры» в № 8 альманаха «Алтай» и заключить с Алтайским книжным издательством договор на издание книги. Правда, с рукописью пришлось крепко поработать, но, тем не менее, в план издательства на 1955 год она была включена под названием «В добрый час». В основном сборник состоял из ранее опубликованных произведений, но большая часть их была переработана. Так, например, стихотворение «Сразу видно: он с Алтая» получило новое название «Сразу видно, что с Алтая!»:

*Едет, едет он в столицу
И увозит напоказ
Образец своей пшеницы —
Первый класс.
Пассажиры подбегают,
На плечистого глядят.
— Сразу видно, что с Алтая.*

⁶⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

⁶⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 140

— Сразу видно, что с Алтая, —
Говорят.
А в Москве рассказом смелым,
Заворожит целый зал.
Он ведь сказанное делом
Доказал.
В зале шёпот пролетает
Из конца в другой конец:
— Сразу видно, что с Алтая.
— Сразу видно, что с Алтая, —
Молодец!
В поле хлеборобу мнится,
Что, быть может, и в Кремле
Будет хлеб из той пшеницы
На столе.
Там воскликнут, разрезая
Булку хлеба, не спеша:
— Сразу видно, что с Алтая.
— Сразу видно, что с Алтая —
Хороша!

Стихотворение пришлось значительно править еще из-за изменения политического климата в стране. Вот предыдущая редакция:

Едет, едет он в столицу
И увозит напоказ
Образец своей пшеницы —
Первый класс.
Пассажиры набегают,
На плечистого глядят.
— Сразу видно: он с Алтая, —
Говорят.
А в Москве он, неречистый,
Заворожит целый зал:
Бьёт в докладе вейсманистов
Наповал
В зале шёпот пролетает
Из конца в другой конец:

— Сразу видно: он с Алтая,
— Молодец!
Да и сам герой мечтает,
Что, быть может, и в Кремле
Этот дивный хлеб поставят
На столе.
Скажет Сталин, разрезая
Булку хлеба не спеша:
— Сразу видно, что с Алтая,
— Хороша!

Для поэта, стихи которого всегда были идеологически ангажированы, наступили нелёгкие времена.

В своём творчестве Фролов всегда был реалистом. И практически во всех стихах названия сёл, городов, улиц взяты из жизни. Вот и в стихотворении «Дома съезжаются домой», опубликованном в сборнике «Золотые искорки» (№ 5, 1955 г.), фигурируют Новосибирск, Алтай, переулочек Целинный, дом № 25 у речки Барнаулки. И хотя нет в стихотворении названия населённого пункта, такой дом и в таком переулочке у Барнаулки, видимо, был Фролову хорошо знаком.

В том же году в Барнауле увидел свет репертуарный сборник № 2 «Эстрада», в котором есть две песни на стихи И. Фролова «Алтайское море» и «Букет цветов», написанные композитором С. Подгурским. Нужно ли говорить о том, какая это была радость для поэта? На его стихи сложены песни!

В творческом плане 1955 год для Фролова, как и все предыдущие, был плотно соткан из радостей и огорчений. О радостных моментах мы уже сказали, настал черед поговорить о том, что приносило поэту огорчения.

Вскоре после возвращения в Барнаул из томской больницы (апрель 1955 года) Фролов получил пакет из редакции журнала «Крокодил». Он несколько раз пытался опубликовать свои стихи в этом журнале, но всякий раз редакция ему отказывала, ссылаясь на то, что стихи откровенно слабые или не вписывающиеся в формат журнала. А тут пакет. Неужели сами приглашают к сотрудничеству?

Оказалось, нет. В конце апреля Фролов из Томска отправил в газету «Павлодарская правда» подборку стихов с авторским предисловием. Для весомости Фролов подписался ответственным секретарём Алтайского ССП СССР (хотя ССП в конце 1954 года было переименовано в СП). В редакции стихи рассмотрели и 20 мая направили их в журнал «Крокодил» с сопроводительным письмом. Мы приведём выдержки из него: «...от Ивана Фролова... *«Актуальные стихи о кукурузе»*. Не считая возможным использовать эту халтуру на страницах газеты, мы предлагаем сие произведение, как и предисловие автора к нему — на твое усмотрение». ⁶⁹ Редактор «Крокодила» мало того, что отказался публиковать стихи о кукурузе, но ещё и выслал поэту убийственное письмо из Павлодара. Легко представить, какие вихри возникли после прочтения этого письма в ранимой душе Фролова.

Нужно сказать, что Фролов чаще имел отказы, нежели печатался. В дополнение к названым отказам добавим ещё: 8 января 1955 года газета «Ставропольская правда» культурно отодвинула стихотворение Фролова «Задерживайте снег», сославшись на то, что поэзии у них достаточно на год вперёд.

26 апреля 1955 года газета «Комсомольская правда» отказала в публикации стихов. Главным недостатком редактор назвал отсутствие ярких образов, красок, наличие общих фраз. В конце письма рекомендация: «...работайте над своей речью, обогащайте её...»

28 мая 1955 года в издательстве «Советский писатель» не приняли рукопись И. Фролова, попросив его хорошо с ней поработать.

13 декабря 1955 года газета «Советский воин» прислала И. Фролову отказ в публикации стихов «Старшина» и «Новый год», так как «...в настоящее время редакция имеет много хороших стихов, написанных военными авторами...». ⁷⁰

⁶⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

⁷⁰ Там же.

Отказы были не случайны. Больше полугодом — с марта 1954 года по декабрь 1955 — у Ивана Ефимовича были крайне сложные времена. Он четыре раза был на лечении в томской психиатрической больнице, на длительном лечении в Кисловодске, несколько месяцев прожил в Казахстане (якобы скрываясь от преследования барнаульских недоброжелателей).

Доставалось Фролову и от местных критиков. Г. Кинелёв в статье «Без поисков и дерзания», опубликованной в газете «Алтайская правда» 07.07.1955г., пишет: «... Перед нами новый сборник стихов барнаульского поэта Ивана Фролова «В добрый час», выпущенный в свет Алтайским книжным издательством...»

Поэт не замыкается в пределах местных тем, он живёт интересами всей страны...

Обращают на себя внимание поэтической непосредственностью стихи «Мираж», «Докладчик» и некоторые другие.

И все-таки надо сказать, что сборник в целом не может удовлетворить читателя. Он составлен преимущественно из сырых, недоработанных стихотворений, в которых замысел ещё не нашел соответствующего художественного воплощения, не получил четкого поэтического оформления...

Досаду вызывают однообразие, бедность средств художественной выразительности... много смысловых и языковых небрежностей, вольного отношения к грамматическому и синтаксическому строю русского языка...

Как могло случиться, что способный поэт, много лет выступавший в печати, остановился в своем творческом развитии?..»

Фролов старался не обращать внимания на критику и держать марку первого поэта, но легкоранимая натура не могла долго терпеть удары, и он уходил в запой, из которых самостоятельно, без помощи медиков, был не в силах выйти.

С середины февраля и до конца апреля 1955 года, находясь в томской психиатрической больнице, он собирает рукопись и отправляет в Москву, сопровождая следующим письмом:

«Москва, М. Черкасский, дом № 1 «ДЕТГИЗ», ТОВАРИЩАМ И. Кротовой и Б. Камиру,

Дорогие товарищи!

Высылаю сборник стихов, так сказать, в полном составе. «Новую куртку» перестроил композиционно, сократил ее на 80 строк, сделал острее. В «Копновозе» переделал ряд строк (где были замечания на полях).

Основную мысль книжки — ребята помогают старшим на целине и в лесу — усиливают стихотворения «Крылатый кот», «Лесные доктора», «Соболята» и др.

Включил в сборник и стихи из прежней книжки «Хлеб идёт!».

А что мне делать со сказками? Их у меня довольно много. Может быть, подумать об издании в «Детгизе» отдельной книжки в 1956 году?

Буду с нетерпением ждать ответа. Если потребуется, буду дорабатывать книжку дома или в Москве.

Отправляю бандероль и сразу же выезжаю в поле на весенний сев. Буду писать новую книгу стихов для детей.

С сердечным приветом и уважением —

Мой адрес прежний: г. Барнаул, Алтайского края, ул. Республики дом №40, лично Фролову Ивану Ефимовичу.

Передайте, пожалуйста, большой привет Константину Федоровичу.

*9 апреля 1955 года. г. Барнаул.*⁷¹

С какой целью Фролов писал неправду, не понять. Во-первых, начало апреля для сева зерновых на Алтае слишком раннее время. Во-вторых, в последние годы он практически не заходил в ССП. Почему бы не указать домашний адрес? Потому, что ему хотелось, чтобы в Союзе знали, что он поддерживает связь с «Центром».

Но с изданием книги в «Детгизе» не получилось. Рукопись вернули с массой замечаний. Фролов засел за доработку и 5 марта 1956 года вновь выслал «Новую куртку» в издательство. Результат был тот же.⁷²

---

⁷¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 155 (орфография и пунктуация сохранены)

⁷² Там же.

Решая вопрос об издании книги в «Детгизе», Фролов одновременно пытал счастья в книжном издательстве родного города. Но там шло не совсем гладко. Прочитавшие рукопись рецензенты и редакторы признали её слабой. К тому времени Фролов уже создал вокруг себя плотную легенду, что на Алтае его творчество зажимают, на него самого идёт гонение. По этому поводу он постоянно жаловался в крайисполком и крайком партии. В издательстве, дабы не давать повода для рождения новой жалобы, было принято решение передать рукопись на рецензию «нейтральному» человеку — журналисту В. Серебряному.

После этого, 8 декабря 1955 года, в книжном издательстве прошло заседание редакционного Совета под председательством директора издательства К. Растигаева. В состав Совета входили Е. Вишнякова, А. Тресков, М. Юдалевич. На заседании присутствовал редактор М. Срубщик и литературный актив — Э. Иодковский, Е. Каширский, В. Сидоров, П. Буельский. Тема заседания: обсуждение стихов (рукописи) Ивана Фролова. Виктор Серебряный не только написал отзыв, но и с июля до ноября помогал автору доработать рукопись. В результате совместной работы Серебряного и Фролова из 22 стихотворений в рукописи осталось 14. Но и с ними ещё нужно было поработать. И эти оставшиеся Серебряный рекомендовал разделить на два сборника: для среднего школьного возраста и для младшего. Мнение В. Серебряного поддержала главный редактор АКИ Е. Вишнякова.

Сам же Фролов в заседании Совета принять участия не смог — лежал в очередной раз в Томске в больнице и в письме просил супругу Александру Ивановну подыскать поэта, который бы смог доработать стихи, потому как сам он больше не может. И лучше бы, писал Фролов, если бы это был Юдалевич или Иодковский.⁷³

---

⁷³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 196

Возможно, потому, что автор отсутствовал на заседании, некоторые собраты не стеснялись в выражениях. Например, М. Юдалевич сказал:

— Мы сами наплодим пьяниц, а потом и нянчимся с ними, помогаем им, тем самым отталкивая достойных поэтов. Я против того, чтобы издавать книгу Фролова. Стихи откровенно слабые, и печатать их нельзя.

Редакционный совет решил от издания воздержаться. Стихи поэту надо доработать, потом нужно будет собраться и обсудить.

Фролов же продолжал упорно рассылать свои рукописи по всему Советскому Союзу. Москва, Казахстан, Новосибирск, Омск, Томск. Отказы следовали один за другим. 6 февраля 1956 года алматинская газета «Ленинская смена» ответила на высланные Фроловым стихи: «...к сожалению, использовать ваши стихи не можем...» Упорству Фролова можно позавидовать. Отказалась редакция опубликовать одни стихи, он высылал ей другие. 6 марта пришёл отказ из журнала «Крокодил». 20 марта из газеты «Гудок» был прислан короткий и убийственный ответ: «Гудку» они не подходят (имелись в виду стихи). 26 марта из редакции «Молодой Казахстан» пришёл отказ в публикации стихов «Букет цветов» и «Дефицитные товары». 13 апреля ещё отказ, от газеты «Ленинская смена». В это же время поэт Иван Ветлугин безжалостно разгромил поэму Фролова «Да будет мир». Журналы «Пионер» и «Новый мир» отказали в публикации стихотворения «Лесные доктора». 30 апреля газета «Труд» не приняла стихотворение «Стрелочница». ⁷⁴

Но были и светлые моменты. В газете «Сталинская смена» за 25 марта напечатали детское стихотворение «Люся в милиции».

*Вчера пошел всего шестой
Год сестренке Люсе.*

⁷⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 163

*Живет на пасеке она со мной
И старенькой бабусей.
И если Люся, например,
Грязнит лицо и ручки,
«Придет вот милиционер!» —
Грозит бабуся внучке...
... Мелькнули Бия и Урсул.
На быстром самолёте
Мы прилетели в Барнаул
На именины к тёте.
— Вот тут, — сказал я, — посиди,
На этой остановке.
Да куда не отходи:
Не знаешь обстановки...
Такси пошел я заказать
И быстренько вернулся.
Я уходил минут на пять.
Пришел...
И нету Люси!*

***

*И я узнал уже потом,
Что бойкая сестрица
В трамвайном «домике» одна
Решила прокатиться.
И не смущается она,
Соседям отвечая:
— Ты с кем?
— А я сейчас одна.
— Ты чья?
— А я не знаю...
— Куда ж ты едешь?
Вот беда! —
Воздохнула проводница.
— Я, тётя, еду куда.
Мне только прокатиться.
— И надо ж! — в городе одной,
Одной среди народа...*

Беглянку принял постовой
На площади Свободы.
Знакомство.
— Люся я. А вас?
Тот усмехнулся:
Дядя Влас, —
И шевельнул усами.

Это стихотворение (полный вариант с некоторыми изменениями) вошло несколькими месяцами позже в сборник «Хорошо, когда ты нужен». А пока что Фролов вновь пробовал силы в качестве рецензента и опубликовал в газете «Сталинская смена» (4 апреля 1956 года) статью «Писать для детей — это не легче, это трудней»: «Поэзия — сильнейшее оружие в деле воспитания детей.

Все мы до глубокой старости будем помнить первые стихи, которые нам пришлось слышать в детстве. И там, где мало хороших стихов, сознание детей нередко забивается всякого рода поэтической мишурой, пошлятиной. Не секрет, что среди детей Алтая бытует множество считалок, дразнилок, песенок с нежелательным, мягко говоря, содержанием. В Ребрихе, например, можно услышать из уст детей сомнительные песенки про «Лизу-Лизу-Лизавету», про «Семеновну», про «огурчики-помидорчики», про «Шурочку в тужурочке» и т.д. С удивлением слушаешь, как 6-летняя девочка в Павловске поет:

У меня миленка два:
Забулдыга и Балда.
Забулдыга редко ходит,
А Балда-то никогда.

Высокохудожественные стихи мастеров слова и лучшие образцы детского народного творчества могли бы вытеснить и вытесняют из головы ребенка все вредное, наносное, антихудожественное.

Надо всячески приветствовать благие намерения краевого книжного издательства, которое в последние годы выпустило много книжек стихов для детей. Радуешься, когда барнаульские ребятки, рассчитываясь для игры, вместо «Ехала торба с высокого горба» поют стихи Б. Иовлева о подсолнухе:

Девочка Аленушка
Посадила зернышко,
Летом выросло на грядке
Маленькое солнышко...

Запоминают ребята и другие стихи-загадки этого автора, собранные в книжке «Отгадай-ка». Автор остроумно разрешает «маленькие» темы: каждое стихотворение подано в виде простой, но цельной и яркой метафоры. Стихи сами «просятся на язык».

Лучшие стихи из сборника М. Юдалевича «По Алтаю» (о Семене Пятнице, например) имеют познавательное значение, прививают детям любовь к родному краю и его людям.

Но даже поэт Марк Юдалевич, который пишет талантливые стихи и пьесы для взрослых, на наш взгляд, отнёсся не совсем серьёзно к своей последней книжке для малышей «О Феде и медведе». Дело в том, что хорошая мысль, ради которой написана вся книжка («Ничего лучше нет дружбы на свете»), теряется в третьестепенных деталях. И автор, опасаясь, что его могут не понять дети, объясняет:

Это что случилось с ним?
Кто не понял — объясним.
Было очень плохо Феде —
Стало очень хорошо.
Он играл с одним медведем,
А теперь друзей нашел.

Ели бы автор сократил книжку за счет плохих строк, сделал бы идею и сюжет выпуклее, ярче, тогда стихотворению не понадобилось бы это «самообъяснение». Если уж говорить откровенно, вряд ли опытный поэт М. Юдалевич мог бы допустить в своей «взрослой» поэме или пьесе такие строки:

За обедом детский сад.
Всем ребятам вкусно.(!)

А в стихах для малышей такие строчки соседствуют с живыми и яркими стихами.

Но если книжку М. Юдалевича, несмотря на ее недостатки, маленькие читатели принимают, то стихи Б. Орлова часто вызывают недоумение. Увидев, что многие его стихи для взрослых встречены критикой и читателями резко отрицательно,

Б. Орлов, вероятно, решил, что для детей писать легче. Тут, мол, всё сойдет. И он начал издавать книжку за книжкой — одну другой хуже. Вот Б. Орлов следит за тем, как городские ребята проводят время в селе («Летом»). Что же они увидели там нового, интересного? Ведь для городских ребят деревня — открытие нового мира. Оказывается, самое интересное занятие там — «Покушать с аппетитом коврижку с молоком», самое интересное, что они увидели в селе — традиционные «курочка ряба, Петя-Петушок-красный гребешок, а цыплят не счесть».

Сами стихи не отвечают элементарным требованиям здравого смысла:

Очень, очень нравится
Жеребенок Вове.
Он траву ему дает:
— Кушай на здоровье.

Кто кому «траву дает»? Жеребенок Вове? Или наоборот?

Вряд ли запомнят маленькие читатели и другую книжку

Б. Орлова «Мы идём в гости».

И всегда, когда мне папа
Объявляет: — Спать пора.
Пожимая другу лапу,
Говорю я: — До утра.

Ребенок должен гадать: кому «пожимает лапу» мальчик.

Папе?

Вот строки из весьма сумбурной «Новогодней сказки» Б. Орлова:

Сказку? Ну, что ж, расскажу
Про одного зайца. Слушай.
Здесь в лесу, где ты да я,
Косоглазый родился
... В это время серый волк
По лесу голодный шел

Излишне доказывать, что такие стихи не будут «просить» на язык» ребенку.

У Б. Орлова нет ни одного стихотворения или сказки для детей, где бы чувствовался хотя бы отдаленный намёк на се-

годняшнюю действительность. Все написано вне времени и неуклюжими, холодными фразами: мол, для детей сойдет и так.

Законно спросить: может ли поэтическая продукция алтайских поэтов в её теперешнем виде окончательно вытеснить из головы ребенка оскорбительные дразнилки и бессмысленные песенки и считалки? Конечно, нет, ибо хороших стихов издано до обидного мало. Причина в том, что многие ошибочно считают создание книги для детей простым и легким делом. Между тем, классики русской литературы, как правило, начинали писать для детей в расцвете своих творческих сил, ибо считали эту работу наиболее большой и трудной. Л. Н. Толстой, например, приступил к рассказам для детей после «Войны и мира».

Никто так не требователен к стихам, как дети. Алтайские поэты должны отдавать детям все свои лучшие поэтические силы, чтобы создаваемые ими произведения помогли ребятам в жизни, учебе и труде.

И. Фролов».

После такой статьи, надо полагать, несладко пришлось Фролову. Особого уважения заслуживает выпад в адрес Юдалевича, который имел определённый авторитет в совете книжного издательства. И это в то время, когда решалась судьба книги. Значит, Фролов был уверен в своих силах.

Выше мы писали, что на совете в книжном издательстве было принято решение поделить рукопись Фролова на две части, потом доработать, собраться и обсудить стихи ещё раз. Но это было в отсутствие Фролова. После его возвращения из Томска ситуация с изданием книги изменилась, и в августе 1956 года рукопись, уже не из 14 стихотворений, а из 26, была сдана в набор. Удивительное дело, но в сборник были включены и те стихи, в публикации которых отказали московские и другие редакции и издательства: это «Новая куртка», «Первый трактор в Кулунде», «Крылатый кот», «Лесные доктора» и некоторые другие. Книга «Хорошо, когда ты нужен» вышла в октябре. Редактор сборника В. Серебряный.

К слову сказать, в этой книге Фролов впервые опубликовал стихотворение, посвященное маме, «Усадьба в Колыбельке»:

Посвящается моей матери,
Прасковье Яковлевне Фроловой.

Погостил всего одну неделку
Сын в степной озерной стороне.
— Ну оставишь, мама, Колыбельку?
Едем в город краевой ко мне?
— Нет уж,
здесь мои схоронят кости,
чтоб старик мой был не одинок.
А приехать...
Разве только в гости?
Здесь полвека прожито, сынок.
В этой старой хате из самана
С крышей из соломы —
это в ней
Родила и вырастила мама —
Шутка ли —
четыринадцать детей.
Этот сад в пуховом белом дыме,
Где пылают полымем цветы,
Был рожден руками молодыми
Только что приехавшей четы.
...Город —
он села большого в роде.
Любопытно так, что не прилечь.
Часто с первым встречным
о погоде
На проспекте заводила речь.
Говорила каждому соседу:
— Всем хороший город Барнаул.
Но домой я все-таки уеду:
Не по мне
Трамвайный звон и гул...
Все же тянет домик из самана,
Тянет третий месяц и восьмой...
Лишь свои достала чемоданы —
Получает длинное письмо:

Дескать, извините нас, мамаша
И решайте —
это ваша власть, —
Только
очень, уж
усадебна ваша
Новосёлам по сердцу прилась.
Здесь вопрос с жилищем
напряженный...
Будем Вам признательны весьма...
Два солдата
Два молодожена
Ждут от Вас
ответного письма.
Мать спокойно выслушала это:
— Много в Колыбельке целины!..
Железнодорожные билеты
Возврати:
Кому-нибудь нужны...
Да быстрее ответить людям надо
Покрупней,
отчетливей пиши:
Все, что обозначено оградой,
Отдаю вам, хлопцы, от души.
Никакой не назначаю платы.
Потому —
Усадьбе нет цены.
Только дайте,
дайте результаты,
Чтобы хлеб
Стеной стоял, ребята,
На любом гектаре целины...
...Ждет открыток
От «своих ребяток»:
— Интересно, как у них дела?
Если бы не мой восьмой десяток,
Я бы тоже... трактор повела —

от огня сберёг посе́вы ячменя»). Издание получилось не-
большое — восемь страниц формата А5, но интересное для
детей не только содержанием, ещё и иллюстрациями на
каждом развороте. Перед изданием Фролов сам или при
участии редактора основательно переработал стихотво-
рение — в одних строфах заменил слова, в других поменял
их местами, некоторые строфы вообще убрал и добавил
новые.

Кроме того, в плане книжного издательства были две
книги Фролова: «Край, в котором мы живём» — сборник
для взрослых читателей и «Про Надю» — для детей.

«Край, в котором мы живём» необычен тем, что чита-
тель познакомился со стихами алтайских поэтов В. Кучи-
яка и Б. Укачина в подстрочном переводе Фролова. Книга
«Про Надю» тоже состоит из одного стихотворения, только
иллюстраций больше — на каждой странице.

Сборник «Край, в котором мы живём» и книжечка
«Про Надю» были сданы в производство в конце сентября,
и успел ли автор подержать их в руках — неизвестно...

В том же 1957 году Фролов, непонятно почему и для
чего, взялся за переводы. О его работе с произведениями
алтайцев мы уже сказали. А вот о переводах произведений
армянских поэтов до сего дня никто не знал. Но такой факт
в истории был. Где и при каких обстоятельствах Фролов
встречался с армянским поэтом Метаксэ Серабовной Пого-
сян, нам установить не удалось, но известно, что во время
встречи она посетовала, что в один из столичных журналов
готовы взять её стихи, а для этого их нужно перевести. Фро-
лов вызвался выполнить перевод с подстрочника. Как и на
каких условиях состоялся договор, мы не знаем. Из архив-
ных документов известно, что подборку из 22 стихотво-
рений он должен был перевести к июлю, но по каким-то при-
чинам не сдержал обещания. И 22 июля получил от Метаксэ
письмо с упрёком в срыве договора с журналом. Фролов
поспешил успокоить коллегу и уверил, что работа над пере-
водом подходит к концу. Из Еревана пришло письмо от Ме-
таксэ, датированное 22 августа, где она радовалась, что дело

идёт к завершению.⁷⁵ Но вот успел ли Иван Ефимович за-
кончить работу? До нас дошло только одно стихотворение
Метаксэ в переводе Ивана Фролова «Розы отчего дома»:

Розы нежные отчего дома
Улыбаются дружески мне:
То весна, что по детству знакома,
Поселилась в чужой стороне.

Как доехали, отчие розы,
В этот комнатный скучный уют,
Где с трудом отгоняют морозы,
Где так дорого вас продают?

Уношу на квартиру цветы я,
Чтоб весну под рукою иметь
И вдыхать ароматы родные
И озябшее сердце согреть.⁷⁶

Работа с переводами, видимо, была последней страни-
цей в творчестве Ивана Ефимовича. Ни в газетах, ни в жур-
налах нам не удалось найти свежих его произведений за
лето и осень 1957 года. С собратьями по перу на Алтае он
ни с кем не контактировал, жил замкнуто...

На излёте жизни Иван Ефимович записал в альбоме:
*«Телефонистка — около 1000 изданий, 57 раз передавалась по
радио, 28 780 раз читалась с эстрады в 82 городах СССР и за
рубежом. Вошла в Антологию русской советской поэзии (1917–
1952 г.)».*

Творчество Ивана Фролова воспринимается неодно-
значно. Неоспоримо одно, что работал он истово, и стихи
его шли не из ума, а из души. Но не любил он (или не умел)
шлифовать свои произведения. В каком виде стихи рожда-
лись, в таком он их отправлял в самостоятельное плавание.

⁷⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 156

⁷⁶ Орфография и пунктуация оригинальные

Добавим к этому абсолютную уверенность в своей непогрешимости и пренебрежение к любой критике.

Помехой в творчестве было и то, что он распылялся — одновременно пытался идти в нескольких направлениях — рецензирование, исследование народного творчества, поэзия, проза, драматургия, общественная деятельность.

Если бы он занимался только поэзией, работал над словом и прислушивался к замечаниям и советам, то мы, несомненно, имели бы сейчас более значимое наследие поэта Фролова. Ведь природный талант у него был. И подтверждение тому многие его стихи. Пример стихотворение «Осень в Кулунде»:

*Степь лениво попрощалась с летом,
Воздух терпким запахом объят.
Занялась вечерним туалетом
Озорная стайка воробьят...
Или «Волга Дону руку подаёт»:*

*...Завершая долгую разлуку,
Устремляясь радостно вперед,
Волге Дон протягивает руку,
Волга Дону руку подает...*

*Или вот «Гора с горою сходится»:
У озера, где, рыская,
Поет пурга усталая,
Гора стояла низкая,
Взъерошенная, старая.
Смотрела с грустью черною
На родственницу дальнюю,
На гору заозерную...*

И таких примеров множество. А ещё Фролов воспел в стихах эпоху созидания социалистического строя так, как не сделал это никто в Сибири, а возможно, и во всей стране. У него практически две трети стихов о партии, о комсомоле, о достижениях, о трудовых подвигах, как отдельно взятого человека, так и края, и страны. Он воспевал целину, стройки, алтайскую пшеницу, землю, труд хлебороба. Конечно, с

высоты 2017 года его стихи кажутся наивными, но их ценность в том, что они искренни, чисты и патриотичны. А то, что они ангажированы, прямолинейны и откровенно политизированы, так ведь Иван Фролов — яркий представитель советской поэзии. С акцентом на «советской».

ГЛАВА VI

Трагедия

Трагедия...

У каждого человека она своя, и воспринимает её каждый по-своему. Для кого-то это потеря любви, для кого-то разбившийся автомобиль, для коллекционера это, может быть, утрата предмета из собрания...

Все в мире имеет своё начало и свой конец. Это закономерно. Неоспоримо и то, что любое событие — это всего лишь следствие чего-либо. И большинство людей, и общество в основной массе способны видеть только следствие и судить по нему. Это неправильно. Чтобы судить, нужно знать причину. В истории медицины, к сожалению, множество случаев, когда врач назначает лечение, не сумев установить причину заболевания. К каким последствиям это приводит, мы тоже знаем. Всё в мире было бы иначе, если бы люди были менее эгоистичны и более внимательны друг к другу. Особенно в творческих кругах.

Иван Фролов, как личность творческая и одарённая, был человеком добрым, доверчивым, ранимым и мнительным. И все эти качества в итоге привели его к преждевременному уходу из жизни. Не без помощи, конечно, его окружения.

С чего же началась трагедия Фролова? В живых не осталось ни одного близкого к нему человека (таких, кстати, кроме супруги Александры Ивановны Герасимовой, у него

в последние пять лет жизни и не было). Кто-то может возразить: а мать, сёстры и братья? С 1946 года и до конца своих дней с родственниками он общался редко, в основном письмами. А в письмах всего не расскажешь. Слова на бумаге — это всего лишь верхушка айсберга трагедии. Чтобы понять хотя бы четверть того, что с человеком происходит, нужно видеть его лицо, глаза, слышать интонации, видеть жесты. А письма или встреча раз в год — это разговор ни о чём. И потом, ответьте себе, только честно: много ли о вашем внутреннем состоянии и личном знают ваши родные и близкие? То-то...

В нашем распоряжении официальные документы, записные книжки и письма. Немного, но всё же есть информация для размышлений. По ним — имеющимся документам — мы попробуем установить причину жизненной трагедии Ивана Ефимовича.

Пока он был простым человеком и не находился в кипящем котле творческой среды, жизнь у него текла сравнительно спокойно и ровно. Но стоило ему попасть в богемный круг и стать одним из лидеров литературного процесса края, как всё вокруг и в нём самом стало стремительно меняться.

Вступив в должность заместителя председателя краевого литературного объединения, он почувствовал вкус власти, к которой совершенно не был готов — ни опыта, ни образования. О природных данных, которые со временем можно было бы отшлифовать, говорить не будем. Та скромность, которую отмечал в характере Фролова в своих воспоминаниях М. Юдалевич, сменилась самоуверенностью. А дальнейшие события — участие в съезде писателей и возвращение на родину с рекомендацией в члены ССП, избрание (фактически назначение) на должность ответственного секретаря отделения писательской организации — только укрепляли это чувство.

Но это было внешне, внутренне же он наверняка чувствовал, что не является лидером и понимал, что многие писатели не считают его таковым. Например, совершенно

независимо от него жил полнокровной творческой жизнью прозаик Н. Павлов. Его уважали в «Сибирских огнях», просили новые произведения и, более того, минуя Фролова, приняли кандидатом в члены Союза Советских писателей! Заместитель заведующего отделом кадров ССП СССР Н. Жданова письмом от 10 мая 1951 года уведомила И. Фролова, что постановлением Президиума ССП СССР от 7 мая 1951 года принят в кандидаты ССП Павлов Николай Васильевич.⁷⁷ У Павлова были хорошие отношения с Г. Пушкарёвым, Б. Рясенцевым, Ю. Мостковым, С. Кожевниковым, А. Коптеловым. А И. Фролова же названные корифеи держали на расстоянии.

Г. Пушкарёв 05.06.1952 г. писал Н. Павлову, что взял его рассказ «Будем дружить» в сборник «Золотые искорки». Выдержка из письма: «...сообщаю Вам мнение товарищей: автор поднял большую интересную тему, автор умеет видеть детей, то, что тревожит и занимает их. Образы Жени и Вадика удались, они убеждают. Хорошо показано и то, как взрослые помогают детям».⁷⁸

Письмо из журнала «Сибирские огни», датированное 14.11.1952 г.: «Дорогой Николай Васильевич! ...24-27 декабря созываем мы (редакция, отделение ССП и обком комсомола) молодых писателей на совещание-семинар... Кроме новосибирцев и писателей нашей области, приглашаем персонально (и настаиваем на этом категорически!) Вас, Демченко и Суразакова из Алтайского края, и ещё нескольких писателей из других областей. «Конструкторов» Ваших будем обсуждать обязательно, но именно в присутствии автора. Польза для Вас будет несомненна, ... поскольку Вы уже пребываете и в юридических отношениях с Союзом писателей... Ваш Б. Рясенцев».⁷⁹ А мнения Фролова, руководителя отделения ССП, и не спрашивали, не считаясь с ним, действовали в обход. Разве мог он на такое отношение к своей персоне смотреть равнодушно? Разумеется, нет.

⁷⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

⁷⁸ КГКУ ГААК Ф. 1383, оп. 2, д. 2

⁷⁹ Там же.

И это ещё не всё. В это же время в комиссии по работе с молодыми писателями ССП узнали от редакции журнала «Новый мир» о том, что Н. Павлов закончил повесть «Конструкторы», и официально пригласили его на Всесоюзный семинар молодых прозаиков. Одним из руководителей семинара был Всеволод Кочетов, он первым читал роман «Конструкторы» и дал ему положительную оценку. Павлова вызывали в Москву на семинар на целый месяц! Официально!⁸⁰ Это же мечта любого начинающего писателя — общение с мэтрами, новые знакомства, связи со столичными издательствами и редакциями. И вновь в обход, так сказать, за спиной Фролова. Это всё не давало покоя его ранимой натуре.

И ещё, как оказалось, одноклассник Н. Павлова Игорь Сеньков работал литературным консультантом Союза Советских писателей. С такими связями, конечно, легко обойти и троих барнаульских Фроловых.

Кроме того, Павлов имел высшее образование, пользовался уважением и авторитетом не только на заводе, но и в горкоме, и крайисполкоме. Более того, он занимался общественной работой в той же сфере, что и Фролов — состоял в Краевом Комитете Стронников Мира. И когда в октябре 1952 года решался вопрос, кому ехать на 4-ю Всесоюзную конференцию Стронников Мира, Фролов был уверен, что выбор падёт на него — молодой поэт, руководитель краевого отделения Союза Советских писателей, член Краевого Комитета Стронников Мира. Но представителями от Алтайского края поехали М. Лисавенко и Н. Павлов.⁸¹ Перешёл интеллигент дорогу! Разве не обидно?

В августе 1957 года редактор Новосибирского радио Ю. Мостков сообщил Н. Павлову, что по его рассказу «Клавдия и Тонечка» была сделана радиопьеса.⁸² Павлов об этом

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 93

⁸² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

не просил, они сделали это потому, что рассказ понравился. Фролов же высылал готовые пьесы, просил организовать передачу, но их браковали и возвращали.

Раз мы заговорили о Николае Павлове, то вкратце расскажем о нём. С Фроловым он был одноклассником, но литературный опыт его богаче. Участь в институте в Ленинграде, Павлов с 1939 по 1941 год занимался в литературном кружке под руководством Александра Черненко. Прошёл всю войну, затем окончил институт и по распределению приехал в Барнаул. Здесь, параллельно с профессиональной деятельностью, он продолжал и литературную. В 1949 году он даже получил премию крайкома комсомола за рассказ «Литейщики». Очень часто его произведения печатались в журнале «Сибирские огни» и нередко — в ленинградском журнале «Звезда» и столичных сборниках.⁸³

Вернёмся к взаимоотношениям Фролова и Павлова. Близких отношений между ними не было. Единственное, что их объединяло — литература. Павлов — прозаик, Фролов — поэт. В то время, когда один из них пытался создать себе имя и авторитет, Павлов, даже став членом Союза Советских писателей, долгое время оставался в стороне, не принимал активного участия в жизни писательской организации. Но, тем не менее, руководство края выделяло его из пишущей братии, что вызывало недовольство и зависть многих писателей. Подробно об этом мы расскажем в очерке о Николае Васильевиче.

Итак, Фролов встал у руля краевого отделения писательской организации. Чего он ждал от назначения на эту должность? Куда, к чему и как думал вести немногочисленный литературный актив? Да и знал ли он сам ответы на все эти вопросы? Из архивных документов ничего определённого выяснить невозможно. Вроде бы что-то делал, но, опять же, не на ниве развития литературного процесса,

---

⁸³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

а только в хозяйственных вопросах — обставил контору мебелью, составлял сметы совместно с Краевым отделом по делам искусств. Пытался пробить для друзей-литераторов командировки за счёт Союза писателей. По мере сил способствовал принятию в Союз алтайских собратьев по перу. А творческий процесс вверенной ему организации оставался за пределами его интересов. Нам, по крайней мере, не удалось найти в архивах никаких подтверждающих документов. Проводились, конечно, встречи с читателями, заседания, обсуждение рукописей, но вся эта работа благополучно велась и до создания отделения ССП — в Краевом литературном объединении и на том же самом уровне.

А вот спиртным Фролов уже тогда начал увлекаться. Многим начинающим литераторам и просто любителям горячительных напитков хотелось выпить с первым писателем в крае, поговорить «за жизнь», обсудить мировые проблемы литературы, под льстивые речи пропихнуть в печать свои вирши, обмыть его гонорар. И всё это было на руку тем, кто не уважал Фролова, не считал его поэтом и радовался каждому его проступку.

Приведём один пример, как создавались ситуации, на первый взгляд незначительные, но из-за которых Фролов выходил из себя. Он как член Краевого Комитета Сторонников Мира написал статью и принёс её в «Алтайскую правду». Впрочем, чтобы не пересказывать ситуацию своими словами, мы приведём её дословно:

«СЕКРЕТАРЯМ АЛТАЙСКОГО КРАЙКОМА ВКБ/б/

товарищу Н И БЕЛЯЕВУ

товарищу Н М.ЖИЛЯКОВУ

Я обращаюсь к Вам в случае крайней необходимости.

Я родился в бедной крестьянской семье. В детстве просил милостыню. Из низшего я стал советским писателем. Понятно поэтому, что в самое трудное для Родины время, в декабре 1941 года я вступил в члены партии большевиков. За одиннадцать лет не имел партийных взысканий. Мне оказано огромное доверие: я избран членом Краевого Комитета защиты мира, был делегатом на краевой и Всесоюзной конференции сторонников мира.

Как писатель, я обязан выступать в печати о борьбе за мир, но мне «Алтайская правда» закрывает рот.

Месяца три назад работнику «Алтайской правды т. Раппопорту я отдал статью на тему борьбы за мир. В этой статье я использовал свое выступление на краевой конференции сторонников мира, т.к. все, с кем я говорил, дали высокую оценку этому выступлению. А многие (учительница из села Ребриха — т.Кайгородова, из Г-Алтайска и др.) просили даже переписать его для себя. Оценка народа — закон. И все-таки т. Раппопорт статью забраковал. Я переделал, улучшил статью, т. Раппопорт сказал: «Напечатаем». Проходит неделя, вторая, третья. Четыре раза я спрашивал т. Раппопорта о статье, четырежды он мне отвечал: «Не торопись, напечатаем». Приехав с третьей Всесоюзной конференции сторонников мира, я снова — в пятый раз — пришел к т. Раппопорту с этим вопросом. Разговор был у нас приблизительно таким:

Я — Если не пойдет статья — объясните почему.

ОН — Ничего я объяснять не буду.

Я — Почему?

Он — Не приставайте.

Я — Вы пять раз обещали напечатать статью и каждый раз меня обманывали.

ОН — Вы врете. Врете! Убирайтесь вон.

Я — Прошу говорить со мной вежливо. Я хочу выступить со статьей в защиту мира, против войны. Почему Вы закрываете мне рот?

ОН — Дурр-р-рак. Убирайтесь вон. Такие статьи нам не нужны.

Я — Значит вам нужны статьи за войну? Почему вы молчите? Имейте ввиду, что статьи, как видно, близкие вашему сердцу в которых бы я воспевал войну, я писать не буду. Я войну ненавижу. Я не хочу войны. Но не буду же я об этом писать на заборах. Я должен выступать в газете.

Я обратился к литсотруднику его отдела т. Стрижову, который присутствовал при нашем разговоре.

— Будете свидетелем, Раппопорт меня обозвал дураком только за то, что я пришел спросить судьбу моей статьи

о борьбе за мир. Репортеру не по вкусу статьи о борьбе за мир. По его поведению видно, что он обожает статьи о пропаганде новой войны.

СТРИЖОВ: — Да я, знаете, литработник отдела Григория Ивановича, мне, знаете ли, неудобно как-то...

Я — Думаю, что вы честный человек и не будете кривить душой, если придется пересказать наш разговор с Репортером о войне и мире.

Статья, разумеется не увидела света.

Это один из сотен фактов, когда «Алтайская правда» не дает мне возможности выступить по вопросу борьбы за мир.

Особенно ненавистны некоторым работникам «Алтайской правды» мои стихи о любви к товарищу Сталину и к Родине.

Когда я предложил небольшую поэму «Телефонистка» (о любви советского народа к великому Сталину) Сотников и Шапиро встретили ее с ненавистью

СОТНИКОВ: — Тема — ничего, но стихи плохие. За такие стихи судить надо.

ШАПИРО: — Сентиментальные, вредные стихи.

«Телефонистку» забраковали, как почти всё, что мною было написано после. «Телефонистка» выдержала более тридцати известных мне изданий в СССР и за границей, в странах народной демократии, сотни эстрадных коллективов исполняют ее со сцены.

Известно, что трудно решить вопрос «что такое хорошо, что такое плохо». Пусть критерием будет Москва. Вот далеко не полный перечень материалов, предложенных в свое время «Алтайской правде» и забракованных ею, но признанных Москвой:

9. Стихи «Китайская ваза» (о любви китайского народа к товарищу Сталину). Как всякое стихотворение о любви к Сталину, Сотников его, разумеется, забраковал. Напечатано в журнале «Смена»/Москва

10. «Частушки в агитбригаде» Большая патриотическая статья. Забракована. Напечатана в журнале «Культпросветрбота» /г. Москва/.

11. «Перед всесоюзным совещанием писателей». Статья. Сотников сказал, что такая статья не нужна. Напечатана в журнале «Смена» /Москва/.

12. «Свободный творческий труд». Патриотическая статья. Сотников отказался даже смотреть статью. Напечатана (через Совинформбюро) за границей.

13. «Семь тысяч пословиц и поговорок». Статья. Пролежала у Сотникова месяц. Фактически забракована. Напечатана в «Литературной газете».

14. «У алтайских писателей» информация. Сотников отказался от темы. Напечатана в «Литературной газете» (в сокращении).

15. «Спасибо тебе, комсомол» стихи. Забракованы. Напечатаны в альманахе «Молодая гвардия» (г. Москва). И т. д. и т. п.

Я работал в «Алтайской правде» 4 года. Тогда меня печатали, даже выносили благодарности. Как только был оттуда переведен и стал руководителем Краевого литературного объединения (до меня, — замечьте, — был руководителем Сотников), сразу же «Алтайская правда» объявила мне негласный бойкот.

Не было случая, чтобы «Алтайская правда» заказала мне статью или как-то вообще пригласила меня сотрудничать в газете.

Меня по литературным вопросам принимали секретари крайкома ВКП/б/, выдающиеся писатели А. Фадеев, К. Симонов, М. Шолохов. Но Сотников меня не принимает: «Занят».

Хотел я обратиться по всем этим вопросам к тов. Лушанову (29 декабря 51 г.), но тот сделал вид, что не заметил протянутой мною для приветствия руки и, повернувшись ко мне задом, ответил:

— Принять не могу... Приходите послезавтра.

Трудно описать все оскорбления, чинимые мне Сотниковым и К^о после того, как я стал членом Союза Советских писателей.

По просьбе тов. Захарова я дал редакции большую, почти в полтора печатных листа статью о произведениях алтайских писателей последних лет. Тов. Захаров уехал, Сотников мне сообщил, что, согласно указанию редактора, статья в сокращении будет напечатана.

Сотников, как всегда статью забраковал, но цитировал ее в своем выступлении на краевом совещании писателей. Любая статья, попав в редакцию, хранится на правах секретных доку-

ментов и до напечатания в газете не может быть обнародована. Это закон авторского права. Сотрудник редакции, который обнародовал статью подлежит суду.

Но Сотникову, вероятно, позволено пренебрегать законами советского государства, когда он имеет дело с рукописями Ивана Фролова.

По закону, рукописи объемом больше одного печатного листа возвращаются автору. Но мне и эти и другие рукописи Сотников не возвращает.

Я хотел выступить в «Алтайской правде» со статьей об итогах работы Краевого литературного объединения. Помоему, я заслужил это. За 1951 год бюро Краевого литературного объединения провело 12 «литературных понедельников», 34 тематических литературных вечера и встречи с читателями, систематически проводились собрания литактива горюдов края, литконсультации и т. д. Можете проверить: работа проводилась примерно такая же, как и в профессиональных писательских организациях. Разница только в том, что отделение ССП затрачивали на это 60-70 тыс. рублей, а я не затратил ни копейки. (Извините, что я должен говорить о себе: без этого трудно восстановить истину). В «Сталинской смене» Вам любой скажет, что просиживал в редакции до вторых пепухов, рецензируя произведения, поступившие в бюро литобъединения. Все делал за счет сна, за счет отдыха.

А сколько пришлось работать, чтобы создать на Алтае ССП. Выступив по этому вопросу в журнале «Смена», вел переписку с Союзом писателей (мою речь, между прочим, привел А.Сурков репликой: «Будет у вас Союз Писателей»). После этого президиум ССП СССР вынес решение об организации Алтайского отделения ССП.

Работа по руководству краевым литературным объединением отрывала у меня все свободное время, предназначенное для работы над своими произведениями. Оставшиеся 7-8 часов для сна я часто делил так: 2 часа — на чтение и учебу, 2 часа — на свои стихи и остальные 3-4 часа — на сон.

К тому же надо прибавить, что я давно и серьезно болен. Давно надо было лечь в больницу, но я не делаю этого: нельзя, не-

когда — тогда надо было организовать отделение ССП, а сейчас надо наладить его работу.

Что можно и как можно написать, отрывая от восьмичасового сна 2 часа на творческую работу и живя в отвратительных и, кстати, всегда чужих квартирах, из которых или выбрасывали вещи, или пинками гнали вон или грозятся выгнать.

А ведь я, говорят, и в этих условиях кое-что написал. Мои вещи напечатаны в десятках изданий в СССР и странах народной демократии.

А как бы я написал, если бы, как другие, не отдавал все свое свободное время краевому литобъединению и жил бы в приличной квартире!

Клянусь партийной совестью, что в этом случае я бы стал уже дважды лауреатом Сталинской премии. Не меньше.

Конечно, я не жалею о затраченном труде: отделение ССП, в организации которого есть доля и моего труда...»⁸⁴

Чувствуется, что Фролов был доведён до кипения, коль решился вынести спор на обозрение крайкома ВКП(б). Но вот только была ли от этого польза? Как мы знаем, в 1953 году Фролов был освобождён от должности ответственного секретаря, а вместе с тем и должности редактора альманаха «Алтай». Для его ранимой, мнительной природы это было равносильно смерти. И рядом, как всегда в подобных ситуациях, оказались те, кто смог внушить ему, что ему завидуют, организовали против него кампанию и пытаются извести его. А подобные разговоры, как правило, ведутся «не на сухую». Зёрна «доброжелателей» пали на благодатную почву и быстро пустили ростки.

В это же время начинающий писатель Николай Павлов был избран депутатом в Алтайский краевой Совет депутатов трудящихся. Судьба вроде бы как специально свела на одном лестничном марше два таких события — спуск с Олимпа одного писателя и подъём другого. Ответственным секретарём и редактором был назначен Александр Тресков — участник

---

⁸⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 6 (пунктуация и орфография сохранены).

войны, журналист, коммунист, который пользовался в крайком партии немалым доверием и уважением. Для Фролова это означало, что надежду на возможное возвращение на должность ответсекретаря можно не питать.

Человек с уравновешенной психикой смог бы пережить такое дело без видимых потрясений. Ответственные секретари и редакторы альманаха «Алтай», так уж получалось, подолгу не задерживались в этих креслах — один, максимум два-три срока и уступали следующему собрату. Но Фролов, как знаем, имел натуру впечатлительную и до болезненности ранимую. Убрав его с ключевых постов, товарищи не оставили его один на один с обидой и переживаниями. По ходатайству Александра Трескова его устроили корреспондентом в «Алтайскую правду». Но обида на всё и всех, злоупотребление спиртным не давали ему должным образом выполнять порученную работу. Руководство газеты не собиралось терпеть выходы Фролова и довольно скоро от простых уговоров перешло к требованиям, а затем и выговорам. Фролов считал отношение к себе предвзятым и расценивал это как желание начальства быстрее от него избавиться.

Из письма Ивана Фролова супруге Александре Ивановне: *«Здравствуй, милая роднулька!*

Пишу из Павловска. На день заехал из Барнаула и завтра еду в Ребриху — по организации материалов. Отпуск задерживают. Сначала обещали в июне. Теперь ничего не обещают. Неизвестно — когда. Но мне главное — съездить в Москву, а там хоть трава не расти. Я бы мог переехать куда-угодно, лишь бы не находиться в этом болоте.

*Здесь против меня организовали травлю. Подбирают факты, выдумывают, подтасовывают. В общем делают всё для того, чтобы избавиться от корреспондента. И обиднее всего то, что в крайкоме им верят, а мне не верят».*⁸⁵ Из этого пись-

⁸⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

ма следует, что Фролов писал в крайком партии, жаловался на притеснение со стороны начальства и там, видимо, разбирались и делали выводы, но не в пользу Фролова. Итог — увольнение, вольные хлеба. А кому и за что его нужно было травить? Травля эта — плод нездорового воображения, выдумка, желание сделать себя в глазах окружающих страдальцем.

Он ушёл в длительные запои, пристрастился к сильнодействующим успокоительным и снотворным таблеткам и в итоге, в начале 1954 года, был госпитализирован в первое отделение психиатрической больницы города Томска.⁸⁶

Из письма Ивана Фролова жене Александре Ивановне (датировано 15 апреля 1954 года): *«...Кстати, я лежу на койке, где лежал Бурдаков... я пил, мало заботился о семье и вообще, можно сказать, готовился в другой мир, откуда не возвращаются... палата самая лучшая в больнице. Сумасшедших нет...».*⁸⁷

После лечения, длившегося дольше месяца, Фролов возвратился в Барнаул с желанием и надеждой на новую жизнь, как и обещал супруге — больше не пить, наладить отношения с писательской организацией, влиться в общественную жизнь, издать новую книгу. Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

В мае на Алтай пришло уведомление, что в декабре в Москве состоится 2-ой съезд Союза Советских писателей. Фролов, естественно, надеялся, что делегатом от краевого отделения будет он — первый член ССП в крае и один из основателей отделения писательской организации. Но крайком партии рекомендовал направить на съезд Николая Павлова — кандидата в члены ССП, начальника котельного отдела СКБ котельного завода, депутата Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся, человека со всех сторон положительного.⁸⁸

⁸⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 155

⁸⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

⁸⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

Могла ли болезненно самолюбивая натура Фролова перенести такое? Конечно, нет. С горя и от обиды Фролов вновь ушёл в глухой запой и снова оказался на больничной койке. За короткий промежуток времени он довёл себя, видимо, до крайне нехорошего состояния. Вот что он пишет супруге Александре Ивановне из больницы 1 июня 1954 года: «... первые 6 суток были страшными... я был в 5 отделении... скажу только, что я посидел там, виски стали белыми, совсем... меня, Сашенька, остригли и волосы растут медленно... завтра начну принимать антабус, причём приму в 10 раз большую дозу, чем принимали Кауров и другие... здесь сидит мой друг Архип Иванович Королёв, который сейчас едет в город и торопит меня с письмом...»⁸⁹ Из письма легко догадаться, в каком душевном состоянии Фролов поступил в больницу. Думаю, что насколько не комфортней он чувствовал себя и после вывода из запойного состояния. Круглые сутки на протяжении полутора — двух месяцев он находился в окружении психически нездоровых людей, тут как бы самому не свихнуться!

Следующее письмо Ивана Фролова супруге Александре Ивановне, датированное 8 июня 1954 года, несколько неровное и «растрёпанное»: «Здравствуй, моя маленькая! Сашулька, прежде всего извини за предыдущее письмо: я написал много глупостей потому, что ты целый месяц молчала. Никто мне не писал. А это очень обидно. Я тебе пишу уже 7-е письмо. А от тебя получил сегодня только одно. И это больше чем за месяц. Тут поневоле взвоешь. Но это единственное, но замечательное, очень теплое письмо обрадовало меня больше, чем что бы то ни было. Ох, если б ты была такой же хорошей всегда, как в этом письме. А то ведь ты часто бываешь маленькой злокой, вреднющим «лягушонком».

---

⁸⁹ КГКУ ГААК Ф Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

Нет, конечно, ты хорошая. Но недостаток твоего жизненного опыта и мое злоупотребление временами очень-очень помешали нам в жизни.

Этого больше не должно быть. Этого не будет. Я сейчас настроен так: не напиться ни разу в жизни, писать, писать и писать.

Несмотря на то, что у меня алкоголь — не причина, а следствие психической патологии, я все же в разговоре с врачами сделал главный упор на алкоголь (хотя даже в направлении не было указания на этот диагноз). И правильно сделал. Меня и лечат, в основном, от алкоголя. Лишь бы не пить, а нервные anomalies могут пройти сами собой при условии спокойной жизни. Водка — главный враг и целью моего пребывания здесь является жесточайшая война с нею не на жизнь, а на смерть.

Ещё раз прошу тебя, лягушонок — прости меня за предыдущее письмо и будь умницей, будь славной. Я только здесь понастоящему почувствовал, как я одинок, когда нет около меня моего маленького Сашулёнка. 7 писем написал тебе, а от тебя до сегодняшнего дня не было ни одного. Я уж думал, что ты заболела или изменила мне с офицерём.

Теперь о конкретных делах.

Выпишусь я, вероятно, скоро. Вообще-то я не тороплюсь и готов лечиться 2-3 и больше месяцев, если это врачи найдут необходимым. Но, кажется, через 7-10 дней меня могут «попросить» из больницы и в этом случае я вынужден идти пешком до Барнаула, т.к. занять на дорогу денег не могу. Я и так занял 100 рублей у товарища из Томска под расписку. Если в ближайшее время (до 15-го или 17-го июня) издательство не вышлет мне денег, то постарайся, Шура, сама мне помочь деньгами: пить я, разумеется, не буду, об этом не надо и беспокоиться, но ехать «зайцем» тоже нельзя.

Если не выслала посылки — высылать не надо. А то она придет после моего отъезда из Томска. Лучше побыстрее вышли денег (если издательство не вышлет).

Приехать ли тебе за мной? Конечно, я был бы безгранично рад твоему приезду, но стоит ли отпрашиваться на работе и тратить деньги? Я уж лучше сам приеду. Здесь ведь совсем

недалеко. Ты уж лучше хорошо работай, постарайся не выезжать в командировки, жди меня. Сюда меня следовало сопроводить (я тебе потом объясню — почему), а отсюда я доеду хорошо.

Очень рад за маму. Жаль, однако, что не встретился с Александром.

Здесь написал несколько поэтических вещей: «Букет цветов», «Кирпичный завод». Но пишется плохо: отсутствуют живые, зримые жизненные детали, так необходимые для поэзии. А о психбольнице вряд ли можно что-либо написать.

Получила ли ты деньги на проезд и аванс под книгу? Почему об этом не пишешь?

Заканчиваю. Будь верной, внимательной и любящей: это верный залог хорошей нашей жизни. Шли к такой матери всех завистников, всех подлюг, которые будут стремиться разбить нашу жизнь. Не позором, не травлей, а только вниманием и заботой можно сделать человека трезвенником, освободив его и от других нервных заболеваний, вызываемых именно нечутким подходом к людям. Плюй в харю первому, кто тебя настраивает против меня. Я клянусь тебе, что буду делать то же самое: искалечу гада-завистника, который осмелится пытаться разбить нашу жизнь, будет настраивать меня против тебя. Только в великой свободной и искренней дружбе залог счастья. А если я буду бояться того, чтобы что ты, скажем, напишешь заявление о том, чтобы выгнали меня из партии — это уже не жизнь, тут, конечно, нечего и говорить о счастье.

Но я уверен, что мы взаимно исправим свои ошибки: я — свои, а ты — свои, очистимся от всего плохого, что было у нас, и предадим все это забвению; Начнем новую жизнь, трезвую жизнь, насыщенную великим смыслом творческого дерзания, обоюдным взаимопониманием и взаимопомощью. Это всё в наших силах.

Позвони мне. Как можно чаще пиши и звони, моя маленькая. Ты даже не представляешь, сколько радости принесло твое сегодняшнее письмо.

Передай привет маме, Володе, Оле, всем родным и знакомым. Уважай Андрюшу. Он хороший паренек. Ему большой привет.

До-свидания, мой маленький лягушонок. Крепко тебя целую, моя хорошая.

Жду писем и звонков.

Твой Головастик.

PS: Пока писал письмо — пришёл перевод. Так что ничего не надо высылать — доеду хорошо. И. Ф.»⁹⁰

После повторного лечения Иван Ефимович устроился на работу литконсультантом в Краевой Народный Дом творчества. Пробовал предлагать новые стихи в «Алтайской правде» и других местных газетах, но безуспешно. Отказы следовали друг за другом. Это злило Фролова безмерно. И без того расшатанная нервная система начала сдавать по-крупному, и он часто терял контроль над собой. То вдруг взвизывался по какому-либо пустяку, то уходил в себя и замыкался ото всех, включая и супругу.

О его малоуспешной работе в Доме творчества и отказах мы говорили в пятой главе, а потому повторяться не будем.

Александра Ивановна в это время была беременна и вынуждена заботиться не только о будущем ребёнке, но и о муже. Она прекрасно понимала, что долго в таком состоянии Иван не выдержит и вновь угодит в психиатрическую больницу. Чтобы спасти мужа, она выхлопотала для него через Союз писателей путёвку в Кисловодск. В конце октября Фролов выехал в санаторий.⁹¹ Как там складывались дела у него, неизвестно, но если судить по текстам писем, то лечение не шло впрок. Например, в письме от 29.11.1954 года он рассказывает о житье-бытье, о планах на хорошую жизнь. Письмо путаное, неровное. Он то обвинял жену в невнимании, то обращался к обычным житейским вопросам. Просил жену уплатить партийные взносы за октябрь и заботился о брате: «... если Андрюшке

⁹⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

⁹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282 оп. 1, д. 155

подходящего места не найдётся, пусть подождёт меня — я его устрою...

... не обижайся, Сашулька, на меня за такое не весьма ласковое письмо... надо мной все смеются — и не без оснований. Вот подходит ко мне алкоголик Яблоков и говорит:

— Эх, ты, известный поэт, а о тебе никто не заботится — ходишь, стреляешь окурки!

Что делать! Что верно то верно...

... я не буду спать до тех пор, пока не получу от тебя письмо. А может быть сбегу отсюда...». ⁹² Письмо из Кисловодска. Но такое чувство, что из психиатрической больницы! Ещё странно то, что Фролов обещал устроить на службу младшего брата Андрея, тогда как сам не мог найти работу.

В ноябре 1954 года в отделении писательской организации края прошло отчётно-выборное собрание. Фролов в нём, разумеется, не мог присутствовать, но знать, что решили братья-писатели, ему хотелось, и 10 декабря 1954 года он пишет супруге из Кисловодска: «... заплати за декабрь партийные и писательские взносы... чтобы из-за этих несчастных двух или 25 рублей не создали мне барнаульские враги новой ловушки. Кто избран секретарём отделения? Кто в бюро? Кто в альманахе?

... выбрось из головы мысли об аборте, если только ты хоть немножко уважаешь меня...». ⁹³

Эти строчки добавляют еще несколько штрихов к портрету писателя. За предыдущие полтора года, в общей сложности, отработал не более трёх-четырёх месяцев. Одеваться Фролов любил модно, и чтоб ежедневно — в чистое и глаженое бельё. Кушал, курил и выпивал тоже исправно. Как мы помним, вместе с Иваном и Александрой жили мама и младший брат Фролова. И всё это семейство существовало на скромный заработок супруги. И тут он пишет:

---

⁹² КГКУ ГААК Ф. Р.1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

⁹³ Там же.

«... из-за этих несчастных двух или 25 рублей...». При всём уважении к поэту, нельзя не обратить внимания на такой махровый эгоизм.

В том же конверте было выслано заявление: «Секретарю Алтайского краевого отделения Союза Советских писателей,

В связи с тем, что врачи санатория, куда я был направлен по путевке Литфонда, сочли необходимым продлить срок лечения до января 1955 г., я не смогу в декабре быть в Барнауле и прошу поэтому принять членские взносы за 1954 год, пересылаемые через жену. По приезде в Барнаул, надеюсь, будет сделана в писательском билете соответствующая отметка.

Иван Фролов

г. Кисловодск». ⁹⁴

Отношение к писательской организации у него оставалось негативное. Не мог он, видимо, простить товарищам, что они убрали его с поста секретаря. Но оборвать все концы с организацией тоже не хотел. Одним из тех, с кем Фролов старался поддерживать отношения, был Николай Чебаевский. И выбор на него пал неслучайно — Иван Ефимович знал, что Чебаевский, в силу своей доброты душевной и культуры, никогда не откажет в общении. В начале декабря 1954 года он прислал ему из Кисловодска письмо, в котором, помимо разных житейских тем, затрагивал и дела в писательской организации. Но Николай Николаевич, не желая влезать в междоусобные дрязги, тактично обошёл неудобные вопросы. Вот его ответ Фролову, датированный 15.01.1955 года: «Уважаемый Иван Ефимович!

Извини, пожалуйста, что до сих пор не ответил на твою открытку, присланную с курорта. Причина молчания была довольно уважительная — болел. Так дьявольски мучила рука, остеомиелит плечевой кости, что даже перо взять не давала. Болит ещё и сейчас, но хоть немного стало терпимо, пользуюсь этим и вот пишу.

---

⁹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р.1282, оп. 1, д. 155 (орфография и пунктуация сохранены)

Как твоё здоровье? Хорошо подремонтировался на курорте? Как вообще житейские успехи и, особенно, литературные? Когда выходит новый твой сборник в крайиздате? А, может, и в Москве запланировал? Был, наверное, в издательствах столичных, когда обратно ехал? Что нового задумал на будущее, где предполагаешь публиковаться?

Видишь сколько вопросов!

О себе сказать нечего, кроме того, что болел. О Валентине — она по-прежнему работает в школе, сидит за проверкой тетрадей.

Вот сейчас вспоминает, как Иван Ефимович помогал ей в этом деле. А мне, когда и здоров, лень. Виноват тут перед женой.

Как здоровье Шуры? Всё в Крайпотребсоюзе она работает?

Большой привет ей и тебе от Валентины, ну и от меня, разумеется.

Жму руку Н. Чебаевский». ⁹⁵

В конце декабря Фролов отправил супруге ещё одно письмо из Кисловодска, датированное 22 декабря 1954 года: «... К сожалению, лечение ни в санатории, ни в больнице не пошло впрок и после обследования врачи решили, что у меня кроме желтухи ещё негодный жёлчный пузырь, который надо удалять... здесь хирурги малоопытные и — чего доброго! — ещё зарежут. Поэтому я не дал согласия... повезут меня в сопровождении санитаров в Москву — в курортное управление министерства нефтяной промышленности... Правда, настроение крайне гадкое, разлитие желчи по крови и телу ожесточили и без того расшатанные нервы... крепко целую тебя, маму и Андрюшку. Ваш Иван». ⁹⁶

Здесь Фролов, как всегда, очень завысил себе цену. Повезут его в Москву, в управление министерства — не мень-

---

⁹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп.1, д. 156 (орфография и пунктуация сохранены)

⁹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

ше! Вместо курортного управления министерства нефтяной промышленности Иван Ефимович в начале февраля 1955 года вновь угодил в Томскую психиатрическую больницу. Зависимость от алкоголя и барбитуратов спровоцировала болезнь. Он всё чаще и чаще, даже после небольшого количества алкоголя, становился неадекватным. На этот раз врачам потребовалась целая неделя, чтобы вывести его из запойного состояния, очистить кровь перед лечением.

Из письма Фролова Александре Ивановне 28 февраля 1955 года из Томской психиатрической больницы: «... сегодня принял первый «Баян», который перенёс с великим трудом. Вероятно, больше семи «баянов» я не стану принимать. Таким образом через 7-10 дней приеду домой... Но ехать мне не на что: 22 рубля отдал за лекарство. Остальные 53 рубля, которые у меня оставались от дороги, я использовал на курево...

Если ты ещё не выслала мне денег — шли телеграфом. Хотя бы рублей 150-200.

В остальном — всё хорошо. Упорно работаю над «Лесными докторами». Вот, только «Баяны» могут, вероятно, помешать более плодотворно работать...

...вызови психбольницу, 20-е отделение, меня к телефону обязательно пригласят... Всем, кто интересуется мной, скажи, что я в творческой командировке в Кулунде и других районах...

... Встречать не обязательно: тебе трудно будет ходить и ездить по станциям, да и я не знаю, с каким поездом приеду из Чесноковки...» ⁹⁷

Как видим, Иван Ефимович больше думал о себе, нежели о супруге, которая была на последнем месяце беременности. Ещё он всячески пытался скрыть от товарищей и знакомых своё пребывание в психиатрической больнице и призывал это делать супругу. Младшему брату Александру, военному корреспонденту, он вообще написал, что уехал учиться в Москву, в Литературный институт.

---

⁹⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

Письмо от Александра Фролова Ивану Фролову, 19 апреля 1955 года: «Здравствуй дорогой Ваня!

Почему ты не сообщил, когда уезжаешь на учёбу? Это важно знать потому, что меня не отпустят тогда, когда мне захочется. Мой отпуск «запланирован» с 15-го мая. А вдруг ты уедешь раньше. Приходится лишь надеяться на самый лучший исход дела: на счастье, учеба начнётся не летом, а осенью — как во всех уч. заведениях...

... Обезал я все аптеки и аптечные ларьки города, но нигде не удалось найти глюкозы. Есть один выход — обратиться в наш госпиталь, на который я меньше всего рассчитываю.

Пиши, Ваня, не обижайся.

Привет маме и Шуре. Ваш Александр». ⁹⁸

За весь период вынашивания Александрой Ивановой ребёнок Иван Ефимович ни разу, ни в одном письме не побеспокоился о её здоровье, даже о самочувствии не поинтересовался. Но постоянно просил денег. И трудно сказать, рад ли он был, когда 26 мая 1955 года на свет появилась дочка. Думаю, всё-таки рад. Не могла его душа остаться равнодушной к появлению крошечного родного человечка. Празднование по случаю рождения дочери затянулось, и над Фроловым вновь нависла угроза оказаться в томской больнице. Дабы избежать психбольницы, он, забрав из дома все деньги, пустился колесить по городам и весям без определённого плана и цели. Друзей у него не было, а знакомых, желавших приютить, пусть даже на короткое время, пьющего и непредсказуемого человека тем более. В итоге судьба занесла Фролова в Казахстан, откуда он и написал супруге 19 сентября 1955 года:

«Здравствуй, мой милый Сашулёночек!

Пишу из цветущей Алма-Аты...

... с трудом устроился в дорогой гостинице «Дом Советов»,

---

⁹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 160 (орфография и пунктуация сохранены)

но, вероятно, перееду куда-нибудь к гостеприимным садоводам-колхозникам в пригородное село...

... здесь нет травли, не висит угроза (совершенно незащищённая) быть в любое время оклеветанным Евладовыми и т.д. — всё это рождает сравнительно хорошее душевное спокойствие... и сводит на-нет желание пить... переехать бы нам в один их хороших казахских колхозов, снять бы на первое время комнату с кухней за 100 рублей в месяц. Надя была бы круглый год в тепле... я бы работал чернорабочим в фруктовом саду и писал, ты бы работала или в конторе колхоза или нигде...» ⁹⁹

Письмо, как видим, более спокойное. Но относительное спокойствие у него сохранялось недолго. Бывали случаи, когда в течение одного дня настроение менялось по нескольку раз. Болезнь прогрессировала. Организм требовал спиртного или таблеток... Через несколько дней Фролов написал супруге следующее письмо: «Здравствуй, милый мой Сашулёнок!

По-прежнему живу в столице Казахстана. Выезжаю в пригородные колхозы, где с присущим мне бескорыстием агитировал стихами за уборку и хлебосдачу. Чувствую себя хорошо и, клянусь богом, не пью ни грамма ни водки, ни вина, ни пива. Сдал очень много стихов в редакции, но не печатают пока что ничего: надо полагать, запросили в Барнаул, а оттуда ответили какую-нибудь мерзость. Но обещают напечатать.

Обо мне не беспокойся. Пока идёт все хорошо. Вот только мучают меня мысли о возвращении: что там и как там? А от тебя, кроме телеграмм, ничего нет. Кстати, зачем ты посылаешь телеграммы? Тут я экономлю на окурках, а ты четвертную истратила ни за что, ни про что! Кстати, я же тебе писал, чтобы послала мне «до востребования», а ты почему-то шлешь на ССП, где я редко бываю! На «до востребования» ничего нет. Неужели ты не понимаешь, что мне даже приехать домой не за что!

---

⁹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

Милый Сашулёнок, для краткости я тебя прошу вот о чём.

1. Сообщи немедленно о том, что меня всё-таки ждёт в Барнауле, и что ты сделала, чтобы мне там дали жить или, наоборот, чтобы убили меня? Разговаривала ли с Ольгой Тихоновной, Лебедевым?

2. Если там меня будут ждать новые разбирательства и прочее — не скрывай, пиши или даже телеграфируй. Тогда надо что-то предпринимать. В этом случае, я бы просил тебя дать согласие переехать в Семипалатинск или ещё в какую-нибудь область Казахстана. Я бы работал и всё было бы хорошо. Пусть жили бы мы на частной квартире, зато не было бы этой ужасной травли и не висела бы каждую минуту петля.

Сашуленька моя любимая! Ради нашей Нади ты не должна меня губить, если в Барнауле нельзя уже ничего поправить. Откровенно говоря, я не верю, что тебе удастся что-то сделать для меня хорошее, если бы даже ты этого очень хотела: справедливости нет места на свете. В этом я убеждаюсь даже на примерах Алма-Аты. В. Власовой, которая редактировала повесть Н. Дворцова для альманаха «Алтай», я выплатил 700 рублей из своих средств. Это было в 1952 году. А сейчас, когда ей намекнул о долге (она работает в «Алма-атинской правде») она даже удивилась: — Я вас знать не знаю... И даже начала здесь плести про меня чепуху. Вот и делай после этого добро людям.

Всё-таки как гадко жить!

Обидно, что даже в Алма-Ате находятся недоброжелатели. Ну, черт с ними!

Мне главное — чтобы наладить хорошую жизнь в семье. Без этого не было бы никакого интереса в жизни вообще.

3. Саша, зайди к Макалдину и потребуй, чтобы он издавал брошюру «Как летом Шурка от огня сберёг посевы ячменя» и агитационные стихи. Если он не будет издавать — возьми их и немедленно, в день получения этого письма, вышли мне. Я постараюсь предложить их для печати в Алма-Ате.

4. А главное — вышли денег. Я уже должен за гостиницу почти за 20 дней, а в последние дни ем только хлеб и дешёвые яблоки. Никак не могу напечататься. По пути хочу заехать в Семипалатинск и Рубцовск. Мне до зарезу нужна тысяча ру-

блей. Только в этом случае я могу привезти кое-что и вообще выполнить весь план поездки.

5. Напишите вместе с мамой Моте, чтобы все же усадьбу она (Мотя) продала: как-никак, а всё же в это трудное время не надо брезговать даже маленькими деньгами.

6. Отпечатай на машинке и немедленно пошли письмо такого содержания:

г. Москва, М. Черкасский пер. 1., Детгиз, главному бухгалтеру. В 1953 году в сборнике «Дети нашей Родины» напечатаны 2 моих стихотворения «Хорошая работа» и «Юннаты». Прошу выслать причитающийся гонорар по адресу: г. Барнаул, Алтайского края, ул. Республики, 40, Фролову Ивану Ефимовичу.

7. Заботься о квартире, независимо от того, будем жить в Барнауле или нет. Напоминай.

Приеду я числа 17-18 октября.

Будешь у Лебедева — обрати главное внимание на то, почему Растегаев не заключает договор на издание книги, не выдаёт аванс. Как же жить?

В общем, Сашуленька, будь благоразумной, хорошей. Вот ведь не волнуют меня в Алма-Ате — и я не пью, работаю, не нервничаю

Так можно было бы жить и в Барнауле, если бы не было травли. Это же ясно!

Пиши всё, не скрывай. Если в Барнауле будет какая-нибудь опасность, а ты не сообщишь тогда ты будешь нехорошей Сашулькой.

Как Наденька? Как мама?

Жду писем от своей Сашуленьки. Крепко тебя целую.

Твой Иван.

PS. Пиши до востребования — главпочтамт.¹⁰⁰

Опять мания преследования и постоянное вымогательство денег. Много можно, наверное, списать на психическое заболевание поэта, но кое-какие вещи оставляют горестное недоумение. Фролову не было дела ни до ребён-

---

¹⁰⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

ка, ни до «милой Сашуленьки». Начальственно выдавая супруге задания, он даже не задумывался: а было ли у неё время бегать за рукописями, печатать и отправлять письма? И где ей было взять тысячу рублей, которые нужны ему для осуществления какого-то плана? Да и какие у него могли быть дела в Семипалатинске и Рубцовске? Александра Ивановна, все же, каким-то образом раздобыла деньги и выслала супругу. Но деньги, можно догадаться, ушли не на осуществление мифического плана поездки, потому что вскоре после их получения Иван Ефимович написал: «Здравствуй, милый, зловердный Сашулёнок!

Ты даже не Лиса, а какой-то гибрид Волка и Лисы. Явно видны твои волчьи клыки (особенно в первом письме).

Пишешь «Здравствуй Ваня!» — без запятой, без прилагательного «постылый» или какого-нибудь ещё. Ты сомневаешься, что я не пью? Клянусь Наденькой, что я вот уже почти месяц в рот не брал ничего спиртного. А после твоего «волчьего письма», написанного зелеными змеиными чернилами, мне за долгое время захотелось выпить. Но и то я не выпил — удержался.

Письма твои я получил с опозданием, т. к. их получил сперва какой-то местный однофамилец и вернул их не сразу.

«Чтобы мне устроиться на работу, нужно отжаться казаху!». Что за глупости! Что за шовинистические рассуждения!

И ещё. «Если ты решил остаться в Казахстане — оставайся, дело твоё. А так жить, как ты жил, просто невозможно...».

Так жить, конечно, невозможно. Самое лучшее — остаться в Казахстане. Главное, меня никто не травит, не толкает в петлю — значит нет почвы для выпивки. А что в Барнауле? Травля, постоянные угрозы, невозможность печататься, бедность. Нет ни одного человека, который бы помог. Все стараются или засадить в тюрьму или в сумасшедший дом. Ну, пойми меня, Шура, как бы ты поступила на моём месте?

Но я домой приеду всё равно. Правда, я тебе не нужен, поскольку я пока ничего не заработал и пользуюсь неважной репутацией в Барнауле. Высланных тобою денег еле-еле хватит на то, чтобы расплатиться за гостиницу и приехать домой, не заезжая ни в Рубцовск, ни в Семипалатинск. Если удастся, при-

везу яблок и винограда. Но ты должна мне выслать хотя бы 300 рублей на дорогу. Здесь «хозяйева республики» казахи не так-то быстро хватаются за стихи. И не потому, что стихи плохие, а потому, что принято вообще не печатать стихов. Никаких. Поэзия, очевидно, не пользуется здесь спросом. Даже специально написанные для местных газет стихи не прошли.

Если человеку не повезёт — то уж беда одна не приходит.

Но здесь, в Алма-Ате, мне ей-богу ничего не надо: карандаш, бумага, койка, булка хлеба да пара яблок. Вот и всё. Работаю над переводами и романом «Семена победы». После барнаульского кромешиного ада с его постоянной травлей Казахстан мне кажется райским местом. Вот где действительно нет врагов! Обидно только, что я не знаю казахского языка (меня часто принимают за казаха)

Жары нет. Погода чудесная

А как только подумаю о барнаульских недоброжелателях, так сразу, помимо своей воли, жизнь кажется мучением, а в барнаульских условиях трудно, очень трудно удержаться от вина.

Я прощу не обижать меня вопросом: «Сколько думаешь создать ещё семей?» У тебя нет ни малейших оснований упрекать меня в измене (хотя ты и домолчишься об этой честной стороне моей жизни в беседах).

Я хотел бы жить с тобой до самой смерти и любить тебя за всё. Одного только не люблю в тебе — твою двойственную натуру. С одной стороны, ты вроде и стремишься к упорядочению нашей жизни, а с другой — компрометируешь меня и, вольно или невольно, держишь сторону моих заклятых врагов. Вот примеры. Я ведь тебя не избивал, но Эрдману ты дала понять, что я тебя бил. Мне известно, что Эрдман настаивал на том, чтобы засадить меня в тюрьму, основываясь на твоих показаниях. Далее. Ты открыто компрометируешь меня, где только это возможно. Ты приказываешь Евладовым, чтобы меня не выпускали в квартиру...

Да можно ли перечислить всё, что ты сделала!

Ты, сама того не зная, держишь сторону моих недоброжелателей. Твоя главная цель — засадить меня в тюрьму. Так выходит. Если уж невыносима тебе жизнь со мной — надо разойтись.

А раз живешь — не компрометируй. В тюрьму я не пойду ради твоих любимых Евладовых и К°. Откровенно говоря, у меня были и есть основания тоже засудить тебя. Очень даже легко. Но все пьяницы — честные люди. У меня даже в голову не приходила мысль избавиться от тебя. Тем более таким жестоким способом. Спасибо тебе, что ты откровенно дала мне понять, чтобы я не приезжал, что я тебе не нужен.

Конечно, все деньги отдал тебе — теперь на хрена нужен муж с пустым кошельком! А попробуй заработать стихами! Это не легко.

Но я приеду. И приеду не один. Раз у тебя есть посредник Евладов, которому ты доверяешь все наши семейные тайны, то и я обязан в порядке самозащиты иметь посредника — свидетеля, который будет моей тенью, будет отмечать каждый шаг в моей и твоей жизни, вести дневник. Это Алим Мурзаев, мой друг — казах, который учит меня казахскому языку и вскоре будет работать в Барнауле. Он будет вроде консула Совести в нашем маленьком семейном государстве. Он поможет мне, когда ринется выводок Евладовых меня избивать, как била меня при твоём содействии свора Растегаевых. Иначе жить нельзя. Придётся в постель ложить третьего человека — посредника, беспристрастного свидетеля супружеских отношений. Иначе ты, пользуясь отсутствием свидетелей, сможешь меня обвинить и засудить.

Это, конечно, шутка, горькая ирония, смех сквозь слёзы. Но пойми, жить без веры друг в друга нельзя.

Ты мне веришь, конечно, что я тебя люблю и готов на всё ради счастья твоего и Надино. Но я тебе не верю. В письмах и в жизни ты разная. То — «оставайся, ты не нужен». То — «Приезжай». Я даже думаю, что после первого твоего письма Евладовы тебе сказали: «Напиши, Шура, хорошее письмо — пусть придет, мы его схватим и отправим в тюрьму или сумасшедший дом, а то и убьём».

Вывод: если хочешь жить со мной, бей по щекам каждого, кто будет в твоём присутствии оскорблять мужа, говорить про него гнусности или убеждать тебя разойтись.

Если ты будешь свято охранять честь и репутацию своего мужа, тоже самое буду делать и я (да я и так это делаю). Порви

с Евладовыми. Помни, что тебе от моего тюремного заключения не будет никакой пользы. Будет только горе...

Когда меня отовсюду выгонят и засудят — мне уже ничего не будет страшно...»¹⁰¹

Тяжёлое письмо. Вряд ли оно написано в адекватном состоянии. Каково же было Александре Ивановне, которая для выполнения капризов и прихотей супруга делала всё возможное и невозможное, читать его? Нелегко.

Странствия Фролова, как легко догадаться, завершились (в который раз!) в известной больнице Томска. Александра Ивановна в отчаянии — муж в больнице, на руках грудной ребёнок и престарелая свекровь. Начало зимы. От забот и хлопот голова кругом. Александра Ивановна, в надежде получить хоть какую-то моральную поддержку, пишет письмо мужу, в котором излагает все свалившиеся на неё трудности и получает в ответ письмо следующего содержания:

«Сашулька! Милая! Здравствуй!

Ты пишешь о трудностях. Сочувствую тебе, дорогая. Но разве мне легче?.. Вот скоро обмен Писательских билетов — и могут принять оргмеры... страшно беспокоит великая грусть, чувство самого глубокого сожаления. Плохо с памятью: это, вероятно, необратимые явления, и с этим придётся мириться. По-прежнему моя врождённая впечатлительность доводит меня до кошмаров и галлюцинаций...

Первая моя забота будет о Наденьке, о вас с мамой... следить за первыми шагами родной нашей Наденьки!..

И если в первые дни интоксикации меня преследовали мысли о бренности жизни, то сейчас сквозь кошмары слышится голос, что я буду и должен жить до 97 лет...»¹⁰²

Ничего не скажешь, успокоил и поддержал. Александра Ивановна потонула в заботах о квартире, ребёнке, еде,

¹⁰¹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

¹⁰² Там же.

одежде, а он переживает только о членском билете! Тогда Александра Ивановна, перешагнув через гордость и достоинство, 26 ноября 1955 года обращается в крайком КПСС.

«Крайком КПСС.

Тов. Волкову В.П.

От жены Ивана Фролова

Дорогой Владимир Петрович, по телефону всё не расскажешь, да и к Вам так быстро не попадешь, поэтому решила обратиться к Вам письменно.

Владимир Петрович, очень стыдно Вам признаваться и наивничать, но я вынуждена, т. к. у меня ребенок и восьмидесятилетняя старушка-мать (мать мужа), мы очень и очень бедно живем в материальном отношении. И если книга не будет выпускаться, то мы обречены на голодное существование. Это вы можете спросить любого человека, как тов. Трескова и Растегаева. В.П. ведь Иван, очень добрый, порядочный человек, талантливый, умный, но при помощи своих «друзей» он скатился вниз. Да это очень печально, но он всё-таки, мужественно борется за то, чтобы избавиться от этой гадкой болезни. Он просит, чтобы я Вас попросила по приезде его из Томска, Вы ему помогли устроиться на работу, иначе нам погибеть всем, я одна прокормить семью не смогу, мне очень тяжело, но он Вл. Петрович очень порядочный, душевный человек, но его общественность неправильно понимает, льют на него незаслуженную грязь, ведь у нас нет квартиры, мы живём-ютимся четверо в одной крохотной комнатке, у Ивана даже нет двух метров рабочей площади, он просил, но просьба по сей день не удовлетворена, он очень скромный человек, а на него только говорят гадости и, если Вы мне не верите, то создайте комиссию и пусть посмотрят, как живет Алтайский поэт.

Но ругать каждый из нас может, но никто не обратил внимания на быт человека, умоляю Вас, Владимир Петрович, помогите нам и не думайте так гадко о нём, он неплохой человек, только хоть маленькие условия создайте для него.

Теперь Растегаев К.Т. ссылается на то, чтобы он не имел денег. Дорогой Владимир Петрович они ему и не попадут, т. к. он

мне оставил доверенность получить аванс и остальную сумму получу сама, он у меня к деньгам жадности не питает.

Я Вас очень прошу помогите издать книгу, а тов. Растегаев говорит, что из его представленных трудов выбрать можно для издания книги.

Если Вы хотите знать о нём подробно, то вызовите меня, я всё Вам расскажу подробно, он только думает о Родине о поэзии, но бывают такие заскоки, от которых он лечится, напрасно о нём сложилось плохое мнение и он действительно упал духом, но теперь я надеюсь на его выздоровление, и он будет самым лучшим товарищем в нашем обществе.

Дорогой Вл. Петрович, ещё раз повторяю, поскольку решается судьба человека в его творческой жизни — это единственная его радость и надежда в жизни, то Вы вызовите меня, мой телефон 14-36, 4-90 и 12-02 по этим номерам вызовите в любое время.

С искренним приветом к Вам А. Герасимова». ¹⁰³

Обращение возымело определённое действие. Денег Александре Ивановне в счёт гонорара за будущую книгу выдали. В издательстве 8 декабря прошло внеплановое заседание редакционного совета по рукописи Ивана Фролова. И хотя большинство мнений было против издания произведений Фролова, что и зафиксировано в протоколе, но книга в 1956 году всё-таки была издана. ¹⁰⁴ На какое-то время финансовые трудности отступили.

После лечения Фролов, видимо, побывал на аудиенции в крайкоме партии или крайисполкоме. О чём там шёл разговор неизвестно, но изменения в жизни Фролова произошли. Он вновь вернулся в жизнь писательской организации (правда, на короткое время) и даже участвовал 10 апреля в заседании бюро писательской организации, на котором (думается, не без содействия краевых властей)

¹⁰³ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 155 (орфография и пунктуация сохранены)

¹⁰⁴ КГКУ ГААК Ф. 1282, оп. 1, д. 196

было принято решение рекомендовать Фролова для поступления в Литературный институт им. Горького на Высшие литературные курсы.¹⁰⁵ Хотя заявление на эти курсы подавал Н. Дворцов, а рекомендацию дали Фролову. Дворцову члены бюро рекомендовали подать заявление в 1957 году.¹⁰⁶

Весна и лето 1956 года в семье Фроловых прошли относительно спокойно. Иван Ефимович не пил, работал над стихами. В конце лета Фролов выехал в Москву, как считалось, на учёбу, но, как мы уже говорили, документов, подтверждающих его поступление в институт, нет. Тем не менее, в Москве он был, проживал в каком-то общежитии и навещал родственников супруги — её старшего брата Василия Ивановича, офицера Советской Армии.

Письмо Ивана Фролова супруге Александре Ивановне Герасимовой: «Сашулёнок мой любимый! Вчера целый день был занят поездкой к маме и В.И.

Прежде всего я несколько дней ходил по магазинам (в выходной и в часы лекций — сбегал), чтобы найти хорошие вещи. Но единственная шаль-платок, который мне удалось купить за эти дни, не стоил и двух рублей. И то за него стоял около 3-х часов в очереди. Итак, я купил платок, шерстяную платяную кофту и под другую, платок для мамы, а самое главное — купил для Наденьки целых 2 костюмчика. Со всеми этими вещами я поехал на ст. Черную, к маме. Поезд шел медленно. От Курского вокзала до Черной проехал полтора часа.

Полчаса уговаривал часовых-солдат пропустить меня на территорию воинской части. Дело в том, что паспорт мой всё ещё лежит где-то на прописке и официального документа со мной не было. Наконец, пришёл дежурный старший лейтенант с повязкой на руке и, узнав, что я поэт, пропустил «просто так», без паспорта.

Дверь мне открыла Лида. Ой, какая это чудесная женщина! Вовсе не видел я такого обаяния. (такой красоты, такой приветливости).

¹⁰⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1368, оп. 2, д. 27

¹⁰⁶ Там же.

Прошёл в комнату. Вижу маму. Она сидела на кровати. Левая нога вся перевязана. Спрашиваю: «Что с вами?» Оказалось, что шаловливый Андрюша, играя у печки, опрокинул чайник с кипятком и обварил своей бабушке ногу, а себе — руку. Рука у него уже зажила. А вот у мамы нога все еще болит. Но стало уже лучше. На-днях она будет помаленьку ходить.

Меня хорошо встретили, накормили: на первое щи с мясом, на второе — котлеты, на третье болгарский виноград, который я принял в подарок.

Василия Ивановича не было. Да, его трудно застать даже в выходной день. Он всегда занят. Я просил его приехать ко мне в Переделкино, но В. И. не нашёл для этого времени.

Мама, Лида, Андрюша остались довольны моими подарками, и чтобы сохранить мне время, мама вызвалась сама сделать посылку, а Лида отнесет её на почту (почта рядом со школой, где она работает).

Они на-днях переедут на новую квартиру. Квартира будет у них в Москве где-то.

От Льва Ивановича получают письма, живёт он хорошо.

Недавно к ним из Ижевска приехала невеста твоего брата — великовозрастного студента, скоро женится на своей преподавательнице. Вот как «устраиваются» люди!

Мама отняла у меня фотокарточку, которую ты мне выслала (я с Наденькой и ты), вообще они все Наденькины фотокарточки у меня отняли. Наденька пользуется большим спросом.

Будешь писать маме и В. И. — постарайся не волновать её. Она и без того нервничает, особенно потому, что не может ходить. Кое-как с костылями передвигается. Но в остальном у нее со здоровьем все хорошо.

Сашулька, у меня к тебе ряд просьб.

1. Узнай, когда выйдет книжка «Хорошо, когда ты нужен» и думают ли они издавать (послали на рецензирование) мою рукопись, запланированную на 1957 год «Край, где мы теперь живём».

2. Вышли по несколько экземпляров всех моих книжек или пусть крайпотребсоюз или книготорг (позвони туда) вышлют мне налоговым платежом все мои книги.

3. Напиши об Игоре, маме и В. И, о нем лучше ничего не писать.

4. Подробно сообщи, как живет Владимир. Мама все время кланёт Альку (и я ей помогаю в этом — ото всей души).

5. Пиши мне хотя бы один раз в неделю и никак не меньше. Иначе — попадём!

Ну, вот пока-что и всё.

И вообще пиши обо всем, что меня может интересовать по-твоему мнению.

Высылаю Наденьке часики.

В общем я истратил на посылку и на пижаму себе (я должен был себе купить пижаму — у всех есть, а у меня нет — 180 руб. стоит) — в общем я истратил только на одни вещи почти 900 рублей. Можешь проверить. И осталось у меня только на проезд и на питание. Кушать буду дома. И только дома: хлеб, колбаса, масло, сахар, лук.

В кино и театр я не ходил ни разу. И ходить не придётся. Но у нас в общежитии есть телевизор и я посмотрел уже кинокартину «Попрыгунья». Вот тебе-то надо посмотреть её! Или прочти рассказ А. П. Чехова под тем же названием.

Скучно без тебя и грустно. Если бы в новой квартире В. И. было хотя бы 3 комнаты, то я бы тебя взял сюда уже зимой. Но у него будет только 2 комнаты.

Но летом мы приедем вместе сюда. Дадут комнату. Нам здесь хватит и одной комнаты.

Иначе можно с ума сойти одному.

Пока, моя милая, крепко тебя, роднулечка, целую и обнимаю. Твой муж.

Как Наденькино здоровье? Как мама? Где Игорь?

Пиши». ¹⁰⁷

Вроде бы жизнь наладилась, но, к сожалению, ненадолго — в начале зимы 1956 года Иван Ефимович вновь оказался на Алтае и, судя по всему, в загулах. Под влияни-

---

¹⁰⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 153 (орфография и пунктуация сохранены)

ем спиртного в душе проснулись старые обиды, и он ото-слал в «Алтайскую правду», в альманах «Алтай» и в СП СССР статью «Есть ли на Алтае отделение союза писателей?»

Для понятия сути статьи приведу её полностью: «От того, как поставлена работа в писательской организации, во многом зависят творческие успехи литераторов. Можно ли сказать, что в Алтайском отделении Союза писателей СССР создана по-настоящему творческая обстановка?»

И. о. ответственного секретаря отделения СП СССР тов. Тресков всячески уклоняется от обсуждения новых произведений алтайских писателей. Даже сами члены бюро отделения, минуя СП, свои рукописи приносят прямо в издательство. Отделение СП стало учреждением-инкогнито, куда почти никто не заходит, и о существовании которого многие не знают.

— Главное в работе отделения Союза писателей, — говорит т. Тресков, — не тревожить людей. Пусть пишут.

Конечно, мы против заседательской суеты, но т. Тресков, спекулируя на этом, фактически законсервировал краеую писательскую организацию. Автору этих строк помногу раз в день приходится отвечать на вопрос: «Где находится отделение СП?» Тов. Тресков дошел до того, что снял вывеску, лишил отделение телефона и закрыл отделение на ключ. Большую часть времени находясь в бесполезных «командировках», т. Тресков не организовал ежедневногo дежурства членов СП в отделении. В результате даже те немногие авторы, которым после долгих мытарств все-таки удастся найти отделение, большие туда не заходят, так как почти никогда там не бывают ни члены Союза писателей, ни тов. Тресков.

Несмотря на исплинский рост культуры на Алтае, поступление рукописей в отделение снизилось в 1955-56 гг. по сравнению с 1951-52 гг. почти наполовину. Но и эти рукописи рецензируются не квалифицированно. Посылая стихи, повести, рассказы, молодые авторы рассчитывают получить обстоятельные рецензии от членов Союза писателей СССР. Это законное требование авторов в большинстве случаев не выполняется. Более 80 процентов «закрытых» рецензий написано не членами СП СССР, а, главным образом, неопытными начинающими

авторами. Например, очень часто «поучает» писателей начинающий, но совершенно бесперспективный поэт В.Сидоров, который, конечно, научить авторов ничему не может.

Добро было бы, если б тов. Тресков действительно «не мешал» работать алтайским литераторам. Но в том-то и беда, что он глушит всякую ценную инициативу. Если поэты решили организовать творческую встречу со своими читателями — это тов. Тресков называет «саморекламой» и не только не помогает общению писателей с читателями, но, если это зависит от него, всячески старается помешать этому. Вот почему не стало творческих встреч писателей с читателями, литературных вечеров на заводах, на фабриках и в колхозах. Единственный в этом году литературный вечер писатели с пользой для себя и для рабочих барнаульской конторы «Водосвет» провели в отсутствие тов. Трескова: он выезжал в очередную «командировку».

Прямая задача тов. Трескова — помогать литературным объединениям и кружкам края, «окнам сатиры», пропаганде книжной торговли. От всего этого очень далек. Учета литературных кружков нет, членов Союза писателей тов. Тресков не посылает для оказания творческой и организационной помощи на местах. «Окна сатиры» он считает «вне компетенции» отделения Союза писателей. Несмотря на уговоры и упрашивания, тов. Тресков отказался принять участие в пропаганде книги на недавнем книжном базаре в г. Барнауле, объясняя это своей личной скромностью.

Надо признать, что этим качеством А.Тресков обладает. Начинаящий прозаик, человек более чем скромных способностей, А.Тресков выпустил единственную и, к сожалению, очень плохую книжку «Рассказов», о которой даже говорить неудобно. В редакциях краевых газет можно слышать: «Не стоит давать рецензии на «Рассказы» А.Трескова: как-то неудобно — книжка очень плохая, а ее автор — руководитель писательской организации. Как бы не дискредитировать отделение СП». Скромность — скромностью, но чему может научить писателей очень бесперспективный начинающий литератор, лишенный к тому же даже самых элементарных организаторских способ-

ностей? Работать — значит учить и организовывать. А раз человек не умеет ни того, ни другого — не лучше ли просто ничего не делать, произнося, как молитву, спасительную фразу: «Не надо людям мешать: пусть пишут»...

Впрочем, тов. Тресков иногда изменяет своей скромности. Все алтайские писатели требовали от тов. Трескова созыва краевого собрания профессиональных и молодых писателей по обсуждению итогов XX съезда КПСС. Зная, что за его политику полного бездействия писатели не похвалят, тов. Тресков придумал себе дорогостоящую командировку, которая ни в малейшей мере не оправдала затраченных средств и времени. Под предлогом этой «командировки» и по разным другим подобным же «причинам» тов. Тресков до сих пор не созвал писательское собрание Алтай, пренебрегая законным желанием писателей ликвидировать организационный застой в отделении ССП, наметить задачи в свете указаний XX съезда КПСС. Трудно представить себе хотя бы одну организацию в стране, которая бы до сих пор не обсудила исторические решения съезда! А тов. Трескову все можно... В сущности, вся «работа» тов. Трескова сводится к тому, чтобы не допустить критики в отделении ССП. Именно из-за боязни жесткой критики А.Тресков не вынес обсуждение соевой книжки «Рассказов» на отделение СП, а предложил ее для обсуждения литературному объединению «Молодой Алтай». Правда, критика была поистине жесткой, но зато... «не профессиональной» в формальном смысле слова. Впрочем, не удивительно, что руководитель краевого отделения Союза писателей пришел поучиться в самостоятельную писательскую организацию «Молодой Алтай»: в отличие от отделения ССП, в «Молодом Алтае» каждый понедельник проходят обсуждения новых произведений алтайских молодых писателей, ежедневно проводятся устные и письменные консультации, делаются «окна сатиры» и т. д. Короче говоря, литобъединение «Молодой Алтай», не имеющее ни сметы, ни штатов, бескорыстно помогает писателям, выполняющая гораздо более объемную работу, чем отделение ССП.

Алтайское отделение ССП — единственное в стране, не имеющее... ревизионной комиссии. Нынче это — бесконтрольный орган, так как в штате отделения — один тов. Тресков,

и что бы он ни сделал — никто его не контролирует. А между тем, не только в организационно-творческих вопросах тов. Тресков имеет крупнейшие ошибки, но и в расходовании средств. Так, например, не могут подлежать оплате некоторые командировки тов. Трескова за счет и без того очень небольшого бюджета отделения ССП. Нетрудно доказать, что «командировки» нужны были ему для того, чтобы или проездом в Москву погостить у ленинградских родственников или для того, чтобы отложить собрание писателей избежать критики. Не подлежит оплате ряд счетов от рецензентов, представивших заведомо непригодные рецензии. Имеется много других злоупотреблений, нарушений элементарных этических норм и т. д. Собраний нет. Ревкомиссия не создана. Делай что хочешь! А можешь и ничего не делать — никто не спросит, никто не осудит.

В тех немногих случаях, когда А.Тресков вмешивается в творческую судьбу писателей [это бывает, к счастью, крайне редко/ «помощь» оборачивается против этого писателя. Так, например, А.Тресков упорно настаивал, чтобы краевое книжное издательство издало стихи Б. Орлова.

— Надо Б. Орлова издать, иначе его не примут в члены СП.

А.Трескова мало занимало качество стихов. Он наивно думал, что для приема в Союз писателей надо только большое количество книг. Издательство учло рекомендацию А.Трескова, но книги Б. Орлова, вышедшие в свет, были встречены читателями и прессой, как говорится, «в штъйки» и только отдалили день приема Б. Орлова в члены СП СССР. Б.Орлов от позора сбежал с Алтая. Так А.Тресков оказал «медвежью услугу» молодому поэту.

В отделении ССП вместо творческой обстановки создана душная атмосфера интриг и шантажа. Так, например, А. Тресков и его заместитель Н.Дворцов официально заявляют, что они дали издательству крупную денежную взятку, чтобы издать свои книги. У нас нет доказательств, что в краевом издательстве есть взяточник. Однако, независимо от этого, А.Тресков и Н.Дворцов должны быть привлечены к судебной ответственности [если не за взятничество, то за клевету, шантаж/ в соответствии с 118 или 115 ст. Уголовного кодекса РСФСР: законы писаны для всех.

«Есть ли на Алтае отделение Союза писателей?» — спрашивают сотни начинающих литераторов Алтая. К сожалению, на этот вопрос пока приходится отвечать отрицательно. Того, что должна делать профессиональная писательская организация, нет, а, следовательно, фактически отделения СП не существует.

Надо в ближайшее время созвать краевое собрание писателей, обновить, оздоровить руководство Алтайского отделения СП. Надо, наконец, чтобы Правление Союза писателей СССР помогло Алтаю освободиться от равнодушного рыбоподобного «семейства тресковых» и заново создать подлинно творческую организацию, которая помогла бы краевому комитету КПСС решать вопросы коммунистической идеологии.

И. Фролов».¹⁰⁸

Александр Тресков здесь ни при чём. Будь на его месте любой другой человек — камни летели бы в него. Просто Иван Фролов не мог простить лишения себя лидерства. Возможно, он надеялся, что, убрав таким образом Трескова, он вновь сможет вернуться на пост ответственного секретаря отделения. Сложно сказать, что думал и на что надеялся И. Фролов, сочиняя такую статью и рассылая её по инстанциям. Думается, что он причинил больше вреда себе. А по тому, как отделение СП Фролов называет то ССП, то СП, легко догадаться, в каком состоянии и под действием чего он писал.

В начале 1957 года Фролов, сославшись на преследования недоброжелателей, вновь пускается в странствия — Новосибирск, Москва, Алма-Ата, города и посёлки Алтайского края. Мятущаяся душа искала покоя и не находила... Друзей и товарищей не было. Единственный человек, как мы уже говорили, который мог выслушать и понять, была супруга — Александра Ивановна. Но и ей, задавленной заботой о содержании семьи, не всегда удавалось уделить мужу столько времени, сколько он хотел.

¹⁰⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 132 (орфография и пунктуация сохранены)

Письмо Александры Герасимовой мужу Ивану Фролову: «Дорогой Ваня!

Извини, что задержала ответ на твоё письмо. Не было времени, когда вернулась из Москвы, сразу уехала в командировку, когда приехала, то долго возилась с Владимиром и второго мая он умер. Четвертого похоронили, на похороны приезжала Мария, Геннадий, Лёва, большая утрата в нашей семье. Это произошло от систематического употребления алкоголя, он сгорел. Я думаю, что это тебе послужит уроком, нужно раз и навсегда расстаться с водкой, иначе это может случиться с тобой. Я тебя прошу об одном, о маме не беспокойся она не обижена. Надя растёт все почти говорит, часто болеет в квартире очень холодно. Что касается моего замужества, то это просто глупо, у меня ни минуты времени, чтобы думать об этом. Я жду тебя, все таки мы можем найти общий разговор и определить дальнейшую точку зрения. Только прошу оставь водку, барбамил, я все тебе прощу и будем вместе. Я не сторонница что бы Надя росла без отца. Уже достаточно, что Ольга сирота. Вот так, пиши чаще нам, на меня не сердись, приедешь обо всем поговорим, ходим на могилу Владимира. Мне тяжело, но что сделаешь. Так глупо построена жизнь. Я работаю, но нервы окончательно разошлись, опомнись хоть ты ради Нади, мамы. Зачем тебе сгорать, ты нужен нам, обществу. Успокой меня, иначе я не вынесу очередных ударов. Что нам нужно? Трезвой, честной, любящей жизни, а все остальное придет само. Ты опомнись и стань на путь человека, вот пойми, умер Владимир, кому он принес горя — семье. Ребенку, а жизнь на земле без него не прекратилась по-прежнему играет радио, проходят Сессии Верховного Совета, а он лежит в песке, почерневший труп, прах будущего. Ты пойми, еще раз прошу верь мне, что я тебя люблю, но твои выходки, твоё поведение выводит из равновесия.

Всё, целую все я, мама, Надя». ¹⁰⁹

---

¹⁰⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 165 (орфография и пунктуация сохранены)

В начале лета Иван Ефимович вернулся домой... Затем вновь уехал. И так несколько раз в течение лета. Окончательно Фролов вернулся домой в сентябре.

Произведений, написанных Фроловым в 1957 году, нам найти не удалось. Хотя не писать он не мог.

Вот как вспоминает об уходе из жизни Фролова Марк Юдалевич в своей книге «Однополчане»: «... Мы жили по соседству, и Фролов иногда заходил ко мне. Заходил он и вечером четвертого ноября. В его поведении я не заметил ничего необычного. А на завтра, пятого ноября 1957 года, я возвратился домой поздно, около одиннадцати часов вечера. Не успел зайти в квартиру, как услышал громкий стук в дверь... «Иван умер, Иван умер!» — плача, еще из-за двери кричала жена поэта Александра Ивановна».

Незадолго до смерти Иван Ефимович записал в альбом под афишей о мероприятии Краевого литературного объединения: «Одно из мероприятий краевого литературного объединения. Творческое содружество писателей и художников — разве это плохо? Для чего меня, жабы, «не избрали» в состав бюро мною организованного отделения Союза писателей и в состав редколлегии альманаха «Алтай»? Я бы плохо работал? Смешно... Мать, убивающая своё дитя... Им опасна моя энергия и бескорыстная, безденежная любовь к Родине. Я бы много работал, а это самое страшное. Не дал бы покоя. Не лучше ли оттолкнуть, а самим почивать в блаженном бездействии. «Ничего не делать!» — такой у них закон. А Трушин меня вызывал в 2 часа ночи». Сколько боли и обиды!..

Из жизни Иван Ефимович ушёл 5 ноября 1957 года, за день до празднования 40-летия Великой Октябрьской революции. В то время это был значительный праздник. Крайком партии и крайисполком, горком и горисполком были заняты подготовкой и проведением юбилейного торжества — шествия, выступления, награждения и прочее и прочее... Но и похоронить по-тихому первого писателя края — знаковую фигуру — тоже невозможно, народ не поймёт. ¹¹⁰

---

¹¹⁰ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп.2, д. 38

11 ноября, день с обычной ноябрьской погодой — переменная облачность, температура от нуля до минус трёх, лёгкий юго-западный ветер... Газеты «Молодёжь Алтая» и «Алтайская правда» напечатали некрологи с фотографией. Прощание с первым писателем края состоялось в помещении краевого отделения Союза писателей СССР по адресу ул. Короленко, 105. В 15-00 Ивана Ефимовича в последний раз провезли по городу, который он любил, но так и не смог найти в нём покой и уют...

Могила Ивана Ефимовича находится на Центральном кладбище Барнаула, на взгорке ленточного бора на берегу реки Пивоварка. В стихах он воспевал степь, а последним приютом его стал бор...

В ноябре 1970 года по ходатайству краевого отделения Союза писателей СССР на средства литературного фонда на могиле поэта был установлен надгробный памятник.

1937–1938

1942–1944

Шарж из газеты «Сталинская смена»

Слева направо: И. Фролов, М. Длуговской, А. Жаров,
 К. Козлов, М. Юдалевич

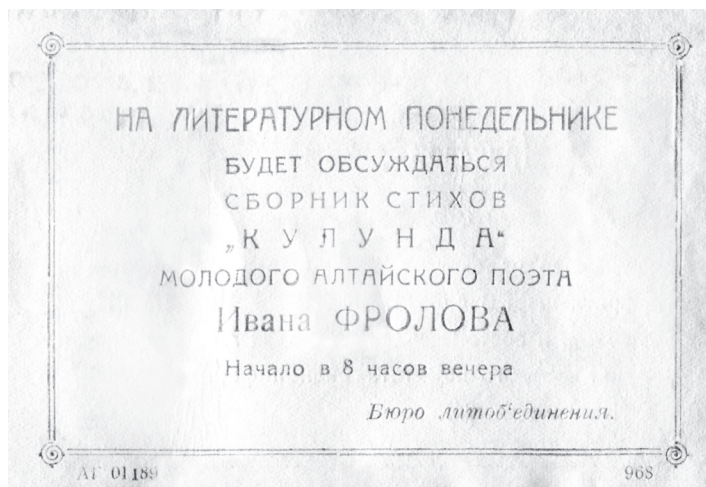

*Редакция газеты «Сталинская смена», 1950 г.
И. Фролов стоит крайний справа*

Семинар в крайкоме ВЛКСМ, Барнаул

Литературный понедельник по книге «Моя Кулунда»

С М. Исаковским, 24 марта, 1951, Москва

*3 Всесоюзная конференция сторонников мира,
27-29 ноября 1951 г., Москва*

*Марат Гаирбекова, Юрий Трифонов, Юрий Холендро,
Семен Бабаевский, Иван Фролов, Сеид Бейли, Борис Полевой, 1951*

3 Всесоюзная конференция сторонников мира, Фролов второй слева,
27–29 ноября, 1951 г., Москва

ПРИЕМ 4/1 0400 го ч. м.	Бланк № 90	ПЕРЕДАЧА го ч. м.	Министерство Связи СССР	Адрес
Порядк. №	Пров. №	Пор. № пр. №	= Варнаул Пушкинская 103	
Изм. МОСКВА № 21173 ч. 23	С. ч. 2105	С. ч. 2105	Фролову =	
= Примите Новогодние поздравления т.ч. Книжку получил благода ря т.ч. Комиссия приняла Вас союз ближайший президиум дол жен утвердить «му руку = АГАЕВ -				

И. Фролову из Москвы, 26 января 1951 г.

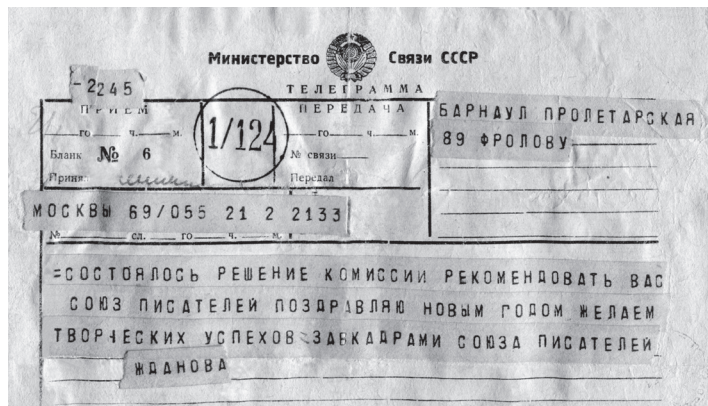

Н. Дворцов, М. Юдалевич, И. Фролов

После лекции на семинаре редакторов, 1952–1953 г.

И. Фролову из Москвы, 21 января 1951 г.

Белокуриха, сентябрь 1952

1952–1954

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

**ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА**

ДЛЯ ЗАМЕТОК АДРЕСАТА:

Принем: 1550	Передача:	ВЫБОРНАЯ МОСКВА СОЛЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ ФРОЛОВА ИВАНА ЕФИМОВИЧА
Бл. № 310	Св. №	
Принял:	Передатчик:	

ВЫБ БАЙНАУЛА 997021 30 29 510

ПРОСИМ ДАТЬ СОГЛАСИЕ БЛ ЛЮТИРОВАТЬСЯ В ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПО 48 ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ОКРУГУ ГОРОДА
БАЙНАУЛА ТЧ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ СТАЛИНСКАЯ СМЕНА

Телеграмма И. Фролову, декабрь 1951 г.

1952–1954, Барнаул

С Борисом Орловым

*Сидят П. Огнев, И. Ефимов, Н. Благовидов, А. Жаров,
Б. Аверченко, М. Лушанов, К Козлов, стоят А. Шестаков,
М. Юдалевич, И. Фролов М. Длуговской, 1948*

Июнь 1954, Барнаул

1954, Тогол

С. Н. Пономарёвым

Крым, после литературного вечера

С женой Сашей

Шнайдер Владимир
Шнайдер Герман

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск пятый

Иван Фролов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Редактор: О. Гришко
Корректор: О. Рассоха, А. Бачурина
Верстка: И. Климашина

Подписано в печать
Формат 1080 × 840 / 32. Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано в типографии
ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28
Тел.: 8 (3852) 63-79-71
adp@adp.alt.ru